

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Польский институт
в Санкт-Петербурге

Одннадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя **Биографика 20 века**

21–23 апреля
2013

Санкт-Петербург
«Норма»
2014

Чтения проведены при поддержке

Международного историко-просветительского
правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Польского института в Санкт-Петербурге

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Польского института в Санкт-Петербурге
Instytut Polski w Sankt Petersburgu

Факультета социологии и политических наук Университета Калабрии, Италия
Dipartimento di Sociologia e Scienza Politica Università della Calabria, Italia

ISBN 978-5-87857-226-2

© НИЦ «Мемориал», 2014

Андрей Алексеев

«Коротка моя память...»

(Индивидуальный опыт составления семейной хроники)

Андрей Николаевич АЛЕКСЕЕВ

кандидат философских наук,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург

Автор впервые обратился к теме семейной эстафеты памяти 15 лет назад, движимый как профессиональными (исследовательскими), так и личностными мотивами. При этом теоретико-методологические разыскания не предшествовали практическим опытам, а скорее следовали за ними, или же те и другие осуществлялись параллельно.

В частности, теория и методология нашли определенное отражение в серии докладов, так или иначе представленных в нашей работе, опубликованной ныне в сборнике «Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012» (СПб.: Норма, 2013). «Практикум» же, осуществленный автором в виде собственной семейной хроники в 1997, так и остался за кадром его печатных трудов (правда, доступен в интернете)¹.

alexeev34@yandex.ru

¹См., например, на сайте «Международная биографическая инициатива». <http://www.univedu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>). См. также в интернет-журнале «Семь искусств»: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>; <http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>.

Настоящий доклад является попыткой постановки ключевых проблем межпоколенной трансляции родовой (семейной) памяти на примере конкретной семейной хроники, с особым акцентом на проблематике моральной ответственности «детей» перед «отцами» за сохранение за последними «права на имя» и «права на биографию» в памяти последующих поколений.

Фантастический проект «воскрешения предков», предложенный русским философом Н. Федоровым во второй половине XIX века, может трактоваться и метафорически – как некое «общее дело», осуществляющееся каждым очередным поколением и человечеством в целом – в каждой из своих мельчайших ячеек. Успех этого «общего дела» зависит от активности – как ушедших, так и наследующих им: важно, чтобы было что помнить и кому помнить. «Воскрешение предков» – непрерывный, универсальный процесс.

Автор доклада уже в первом своем опыте семейной хроники (15-летней давности) пытался осмысливать, что же он делает, реконструируя биографии своих родителей и более отдаленных предков. Теперь же оказывается уместной попытка рефлексии по поводу тогдашнего опыта. Что и составляет основное содержание доклада.

* * *

Итак, обратимся к тексту под названием «Коротка моя память... (о моих родителях – для моей дочери)». В нем порядка 40 страниц. Для описания истории рода (не литературного, а именно мемориального описания) более чем достаточно. Я потом скажу, что послужило непосредственным импульсом для написания этих 40 страничек. Было это 16 лет назад. И, во всяком случае, – раньше, чем автор занялся теоретико-методологическими изысканиями в области биографии и т. п. То есть он двигался не от теории к практике, а наоборот.

Менее всего я преследую этим докладом цель сообщить нечто существенное и/или интересное о своей родословной, тем более – факты собственной биографии. При желании об этом можно почитать в других моих сочинениях. Здесь же подлежат обсуждению: *адресация семейной хроники; мотивы ее составления; логика построения; принципы отбора фактов; круг источников; выполнение основных требований к автобиографическому повествованию / семейной хронике, сформулированных нами уже позднее, а именно: а) поступают фиксации семейных корней; б) поступают внятности биографического текста; в) поступают ценности «истории жизни».*

Пожалуй, напомню обоснование этих требований, выполненное в нашей давней работе «Эстафета памяти» (2000)²:

² См. на «Когита ру». <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/estafeta-pamyati>. См. также: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая аутопрефлексия. Т. 2. СПб.: Норма, 2003. (электронная версия: <http://www.socioprognоз.ru/publ.html?id=216>).

а) Постулат **фиксации семейных корней**. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию – столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это – в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше (для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план).

б) Постулат **внятности биографического текста**. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочитает. В автобиографическом повествовании должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимающего этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать). (Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения.)

с) Постулат **ценности «истории жизни»**. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носитель биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал – он должен «убедить себя» или принять a priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть востребована не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми».

Далее будем обращать особое внимание на датировку событий – в со-
поставлении с возрастом действующих лиц и объектов описания. Этот акцент задает сам автор, уже во Введении к своему труду:

5.07.1997. Введение

Родители (пока не впали в детство) обычно мудрее своих детей. Это заметно, поскольку сравнивают их в одной «хронологической точке» (в определенный, общий для тех и других момент исторического времени).

Родители, на данный момент, прожили дольше, пережили больше... Это – их естественное «преимущество» перед детьми. Но дети часто мудрее своих родителей, если сравнивать их с родителями, когда те были в их (детей) нынешнем возрасте. Ибо они (родители) тогда еще не

прожили того отрезка исторического времени, который суждено было, к настоящему моменту, пережить и им, и детям (пусть одним – в зрелом возрасте, а другим – еще в детском).

Мне, может быть, и есть чему поучить мою дочь **сегодня**, в июле 1997 (мне – 63, а ей – 36). Но, полагаю, в мои 36 (в году 1970-м, как нетрудно подсчитать), мне можно было бы и «поучиться» у нее сегодняшней.

Детям порой бывает отмерен больший срок жизни, чем родителям. Срок жизни может зависеть от эпохи. Например, многие люди моего поколения (поколение предвоенных детей) помнят (если помнят!) только молодых родителей, рано ушедших из жизни. Но меня судьба раннегоСиротства миновала. Я больше помню своих родителей уже немолодыми людьми. (Позднейшие впечатления, возможно, способствуют стиранию или искажению ранних.) Я вообще более или менее отчетливо помню, в частности, свою мать не раньше ее 40-летнего возраста. Тут дело еще и в том, что я был относительно поздним, хоть и единственным ее ребенком.

Мать умерла в 1963, в 63-летнем возрасте (когда мне было 29). Отец умер в 1974, в 70-летнем возрасте (когда мне было 40). Ушли из жизни и все остальные родственники старшего поколения. Давно уж нет маминых сестер (моих теток). А родственников отца я практически никогда не знал.

И вот сегодня, в свои собственные 63 года, я оказываюсь едва ли не старшим из рода Пузановых (фамилия моей матери) [на самом деле, старшим является мой троюродный брат И.Д. Пивен, сын двоюродной сестры моей матери]³, а из рода Алексеевых (фамилия моего отца) – так даже и не знаю...

Ныне дочь моя в свои 36 (а вообще-то и раньше!) спрашивает меня, как старшего: **«Откуда ты? Откуда я сама?»**. Бабушку (мою мать) Варвару Петровну Пузанову она помнить с двухлетнего возраста не может. Не знаю, помнит ли деда (моего отца) Николая Николаевича Алексеева (после смерти матери у него была новая семья, и мы с ним последнее десятилетие его жизни общались мало).

В общем, спросить моей дочери больше некого! И спрашивает она вовремя (пока есть кого...). А вот я вовремя не спросил, ни в свои 26 лет, ни в свои 36. Ни пока мать была жива, ни пока отец. И это – предмет укоров моей совести. Что-то, может быть, и помню... Точнее помнил (то, что само в уши текло, да само и вытекало; ведь не запоминал!). Забыл больше, чем помню сейчас.

³Здесь и далее в квадратных скобках помещены позднейшие вставки в текст.

Так что же мудрее из нас: я – в своем, тогда уже вполне зрелом возрасте, или моя дочь Ольга Андреевна Новиковская (в девичестве Алексеева), сама теперь уже мама двоих детей (моих внуков), Ивана и Егора? Могу, конечно, ее поучить теперь, но скорее собственным отрицательным опытом. **Покаянная – эта моя записка!**

Должен был бы знать, а не знаю... Должен был бы помнить, а не помню. Благодарю мою dochь за то, что не повторяет этой моей ошибки. (А какие-то другие ошибки, возможно, повторяет; а иные жизненные ошибки есть на счету и свои, «оригинальные».)

Итак, **короткая у меня память!** Своей короткой памятью буду сейчас с дочерью делиться.

(Можно было бы сказать и – «мелкая память», в отличие от глубокой. Смысль тот же. Но «короткая» – вроде более складно.)

За этим «покаянным манифестом» (который, думаю, могли бы произнести и некоторые из моих слушателей/читателей) следует и некоторое «самоутешение», и обещание (на будущее!). Но налицо и одно немедленное действие: написание данной семейной хроники. Вот как это формулируется:

...Есть одно утешение, может быть, и не такое уж слабое. Кроме «короткой» памяти, есть еще какие-то мамини вещи, книги, документы и, как во всякой семье, фотографии. Когда мама умерла (а мне, напомню, было тогда «всего» 29 лет), я все это забрал из родительского дома, поскольку отцу они были не очень нужны. И, при всех своих сменах места жительства, сохранил. Что-то и разбазарилось за 30 истекших лет. Но – не фотографии, и не документы!

Кое-какие «семейные реликвии» сейчас уже у дочери. Большая часть – пока у меня. Иногда я их беру в руки, с некоторых документов даже сделал ксерокопии. Увы, как и в почти любом семейном альбоме, есть фотографии, на обороте которых нет даты. Есть лица, забытые мною, сегодняшним, и даже такие, которых никогда не знал.

Если когда-нибудь соберусь (а надо!) как следует разобрать этот семейный архив, то я буду по отношению к нему скорее в роли «изыскателя», чем «воспоминателя». Но, в таком случае, это не самое срочное дело... А вот **записать, что помню**, надо именно сейчас, не откладывая. Этим и займусь.

...Прочитал написанное выше моей жене, Зинайде Глебовне Вахарловской. Ей понравился этот зacin. Зина удачно резюмировала мое предыдущее рассуждение афористической репликой: «**Дети старше нас, потому что они младше нас...**» («Младше» или «моложе»? Грамматически правильнее последнее. Но «младше» тут звучит лучше, а главное – точнее.)

Далее идет глава 1: «Эксперимент над собственной памятью». Тоже ауто-рефлексивная:

...Итак, «короткая память»... При моей привычке (и даже страсти) к построению «моделирующих ситуаций» и личностному экспериментированию (см. «Драматическую социологию»), придумал я – строго «экспериментально» – разделить то, что пока сохраняет моя активная, «живая» память, и – то, что могу извлечь из документов (может быть, даже и вспомнить, извлечь из собственной «пассивной» памяти, заглянув в пожелтевшие листки).

Я предполагал сочинять эту записку на кордоне Кавказского заповедника (куда мы с Зиной каждый год ездим в отпуск). То есть – без всяких «подсобных материалов».

Но случилось написать эту преамбулу за несколько дней до отъезда на Кавказ, еще в Петербурге, когда семейные альбомы и папки с документами – вот они рядом, на полке. Но раскрывать их сейчас некогда, да и сознательно не буду.

(Разве что, «для контроля», возьму с собой ксерокопию последней из маминых автобиографий; впрочем, там лишь сугубо деловая информация, своего рода служебный список.)

Так что «эксперимент над собственной памятью» останется почти чистым, не замутненным документальными разысканиями и консультациями.

Вот вернусь с кордона с исписанной («из головы») тетрадкой и наберу текст на компьютере. А уж в компьютере – что хочешь делай (не разрушая первого варианта): хоть «приложения» пиши, хоть вставки делай, хоть документальные ссылки. (Не спеша, по мере розысков.)

Можно эту работу (дополнения, уточнения) продолжать сколь угодно долго. И **прервать когда угодно** (пускай потом младшие поколения довершают). Зато, хоть короткая, хоть бедная, но **живая** моя память, не исчезнет, уцелеет – уже как документ.

[10.07.97. Сейчас, когда текст вчерне написан уже на добрых 3/4, окончательно прояснилась моя «технология».

Я вовремя догадался датировать свои записи – по мере написания кусков (см. ниже). А вставки – хоть компьютерные, хоть рукописные – тоже буду датировать. Так же и фактические (не стилистические!) исправления (ведь сейчас я слишком часто вынужден писать: «кажется», «примерно», «точно не знаю», а кое-где удастся потом внести определенность.

Итак, мое повествование будет разворачиваться как бы в двух временных пластиах. Один – **хроникальный** (биографический, хронологический). Другой – **современный** (разворачивающийся в «удлиняющейся» памяти).

Первый пласт относится в основном к фактам, второй – к наращающимся воспоминанию и размышлению.

Следить полезно за обоими пластами. Так, эти строки – в квадратных скобках – я пишу четыре дня спустя после написания первоначального текста. А какие-то другие вставки (тоже в квадратных скобках), может быть, возникнут через несколько лет. И будут, соответственно, датированы.]

Продолжение текста, написанного ранее – 5.07.97 (в дальнейшем таких оговорок после вставок в квадратных скобках делать не буду):

...Еще одно (может, и не последнее!) предварительное замечание. Отчего же вдруг задумался я над этими вопросами? Что подтолкнуло? Или – что «подвигло»? Ну, одно из обстоятельств я уже назвал: моя дочь Ольга меня к этому стимулировала. Вообще-то, уже не впервые... Она еще лет пять–десять назад пыталась рисовать генеалогическое дерево (и отцовское, и материнское: ее мама – Елена Ивановна Алексеева, в девичестве – Ларионова). Да куда-то это «дерево» потом запропастилось.

А тут возникли новые поводы... Мой старший внук состоит в каком-то кружке, где предлагают подросткам [14–15 лет] о своих предках рассказывать (такой прогресс в современной внешкольной педагогике!). А внуку Ване есть чем «похвастаться»: знаменитый русский металлург, изобретатель русского булата Павел Петрович Аносов (читай о нем во всех энциклопедиях) доводится ему, сейчас соображу, – если мне пра-прадедом, то Ване, стало быть – пра-пра-пра-прадедом.

Вот только неясно, которая из дочерей П.П. Аносова вышла замуж за Михаила Пузанова и родила моего деда (а Ваниного пра-прадеда), Петра Михайловича Пузанова⁴.

Ну, на Ваню, как на исследователя своей родословной, рассчитывать пока не приходится. Отправилась моя дочь Ольга сама в музей П.П. Аносова, при Санкт-Петербургском горном институте. Звала и меня, да я уклонился...

С другой стороны, включилась в это дело Олина мама, Елена Ивановна (моя бывшая супруга – первый брак, с нею у нас еще 30 лет назад супружеские отношения сменились на «братьско-сестринские»). Елена Ивановна вообще бабушка с большой буквы (очень активная в решении всех внуковых проблем). В данном случае она произвела разыскания в Российской национальной библиотеке. И многое стало известно насчет потомков П.П. Аносова, кроме – пока что, увы! – особо интересующего нас факта о моей прабабушке.

В общем, вот так вот устыдили дочка и ее мама – меня, «не помнящего родства».

⁴ Позднее это удалось установить. Но речь сейчас не о том. (Апрель 2013.)

Другим стимулом оказалась «семейная хроника Гудковых» (девичья фамилия матери моей жены Зины).

В отличие от меня, единственного сына своих родителей, у Зины две сестры (младших) и брат (старше ее). А родительские семьи как ее матери (ныне покойной Ольги Константиновны Вахарловской, в девичестве – Гудковой), так и отца (ныне здравствующего Глеба Анатольевича Вахарловского) [Г.А. Вахарловский скончался 9 октября 1998] были многодетными.

Зина не застала в живых ни деда, ни бабушку по материнской линии, но всех их восьмерых детей (своих тетушек и дядей) она хорошо помнит, а две тетушки – еще и здравствуют.

Не беднее родственниками моя жена и по отцовской линии. И именно она (в свои 45–50 лет она оказалась уж всяко мудрее меня в 30–35!) подвигла своего отца Глеба Анатольевича написать воспоминания. Тому, в его почти 90 лет, есть что вспомнить, и не только про себя самого (его имя можно найти в Большой советской энциклопедии, в статье под названием «Док», – Г.А. Вахарловский был проектировщиком крупнейших судостроительных заводов).

Тем более что уже давно Глеб Анатольевич пишет исторические труды (по истории российского флота и судостроения). Сейчас сам писать уже не может (стало плохо со зрением) и потому – диктует своей дочери Светлане (Зининой сестре). Вот так и надиктовал он свои воспоминания на 200 рукописных (красивым Светланинным почерком) страниц, под названием «Семейный альбом Вахарловских».

Прочитала Зина, и стало ей обидно за свою маму и за ее род Гудковых, о котором там – почти ни слова. Да и в собственной семейной хронике Вахарловских есть у Глеба Анатольевича заведомые пробелы и неточности (иногда и нечаянные бес tactности).

Написано пером – топором не вырубишь. Пришлось Зине писать приложение к воспоминаниям своего отца.

Тем более что среди трех сестер (дочерей Г.А. Вахарловского) кому как не ей писать про мать Ольгу Константиновну... Ведь Зина – старшая.

Так возникла рукопись, которая называется **«О моей матери, о моих родственниках и о себе самой»** (1997).

Ну, жене-то я помог оставить для ее дочери Любови и ее детей (Зининых внуков) документированную память о матери и отце. А сам-то что же?

Тут я понял, что писать эту хронику (о моих родителях – для моей дочери) надо поскорее. Ведь память с годами не удлиняется, а еще больше укорачивается...

И все же – не только «внешние» стимулы, поводы, обстоятельства подтолкнули. Было и какое-то внутреннее созревание... (Хотя, поди разберись, где тут внутреннее, где внешнее!)

...6.07.97. Всякий жилищный переезд – веха в жизненном пути российского (в отличие, скажем, от западного) человека. У меня таких жизненных вех было – порядка пяти. При переездах обычно что-то ломается, что-то теряется, а что-то выбрасывается. В 1995, в возрасте 61 года, при переезде я **не выбросил ничего!**

По счастью, в нашей с Зиной нынешней петербургской «берлоге», хоть это и только комната в коммунальной квартире, удалось кое-как разместить все, что у меня накопилось за жизнь.

Упаковывая старые книги, бумаги, фотографии, я заново открыл для себя, в частности, гимназический альбом моей матери. В таких альбомах, в традиции еще прошлого века, было принято у барышень писать друг другу задушевные пожелания и любимые стихи.

Я потом, может, расскажу отдельно об этом альбоме с записями педагогов и выпускниц Екатерининской женской гимназии Петрограда. <...> Сейчас же в этой (затянувшейся уже, пожалуй) преамбуле ограничусь упоминанием о существовании альбома и о том импульсе, который он дал мне, в частности, для настоящего сочинения.

Разумеется, при переезде «всплыло» и кое-что другое – такое, о чем (как и об этом альбоме) помнил только, что «где-то должно быть». Теперь положил так, что сразу найду, при надобности...

Вот так «удлинялась» моя короткая память.

Пора заканчивать «экспозицию». Но – еще одно предупреждение.

В хронике семьи Гудковых – был избран прием рассказа о родственниках сквозь призму истории собственной жизни. И не ради авторского (З.Г. Вахарловской) самоутверждения. А потому, что жизни родителей и детей неизбежно переплетаются – и биографически, и, так сказать, концептуально.

Так писать семейную хронику – оправданно, и даже оптимально для случая, когда родители еще живы или ушли недавно.

Что касается меня, то я собираюсь так или иначе рассказывать здесь о себе – не далее конца 60-х – начала 70-х. То есть до того (примерно) 35-летнего возраста, которого достигла сегодня моя дочь.

Было потом много всего... Но, во-первых, уже описано (хотя бы в упомянутой выше «Драматической социологии», которая в этом году, похоже,

выйдет в свет и я, разумеется, дочери подарю⁵). А во-вторых (и это главное!) – не имеет прямого отношения к заданной самому себе теме.

Ситуация для самого себя, пожалуй, невыгодная. Ибо сам себе в действе я вовсе не нравлюсь («не уважаю» и «не люблю» себя тогдашнего). И вспоминать о себе, вроде, было бы незачем, если бы не долгосрочная родительская инвестиция в те годы.

Эффективность этого родительского вклада сегодня, разумеется, тоже не очевидна. Но вложено было немало...

Таковы исходные посылки и заданные самому себе правила конструирования семейной хроники. Среди них есть как сугубо индивидуальные, так и обще значимые моменты и обстоятельства. Мой слушатель/читатель, надеюсь, сам усмотрел, что именно может быть отнесено также и к нему.

Кончилось то, что можно называть предуведомлением и/или обоснованием повествования о «корнях и ветвях» генеалогического дерева, с его аурой в виде родовой и семейной памяти. Началась сама семейная хроника. А стало быть, подошел к концу и мой доклад, время которого уже исчерпано, да и не предполагалось пересказывать перипетии семейной и личной истории.

Мне остается привести оглавление этого сочинения:

Введение

- 1) Эксперимент над собственной памятью
- 2) Родительская родословная. П.П. Аносов
- 3) Мой дед Петр Михайлович Пузанов
- 4) Когда меня еще не было... Девические годы матери
- 5) Материнское воспитание. Как я выучил французский
- 6) Инженер, кандидат наук В.П. Пузанова
- 7) Родительская семья. Круг родственного общения
- 8) Сын – студент. Автомобильные путешествия
- 9) Сын вырос. Кончина матери
- 10) Отношения с отцом. Смерть отца
- 11) Мои родственники: ровесники и младшие
- 12) Переплетение судеб. 22 июля 1984 г.
- 13) «Любовь к отеческим гробам»
- 14) Недавно в Сиверской (могила не моей бабушки)
- 15) «Круговоротение добра»

Заключение

⁵Имеется в виду книга: Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1–2. – М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Она предшествовала упоминавшейся выше книге: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая аутопрефлексия. Т. 1–4. СПб.: Норма, 2003–2005.

Вот из этого «Заключения» еще процитирую:

...Я рассказал то, что мог и хотел, о своих родителях – для моей дочери. Я выполнил ее просьбу и свою обязанность и далеко не выплатил все сыновни долги родителям.

Как я уже говорил, этот текст по возвращении из Гузерипля будет набран на компьютере, с позднейшими вставками, которые будут обозначены и датированы. Потом – распечатан на принтере, «тиражирован» на ксероксе в нескольких экземплярах. А листы этой импровизированной брошюры будут склеены и «переплетены» Зиной (она уже набралась опыта это делать с моей «Драматической социологией» и со своей «Хроникой семьи Гудковых»).

Возможно, я со временем изготовлю также комплект приложений (перепечатки или ксерокопии некоторых маминых документов, ксерокопии некоторых семейных фотографий).

Все это будет вручено моей дочери Ольге.

Так что ей останется лишь дописывать эту хронику. Или писать свою, используя эту.

Пробелов в моей семейной хронике, как видно, немало. Но что поделаешь: **коротка моя память...**

Мне остается лишь пожалеть о своей «запоздалой мудрости». И надеяться на то, что дети окажутся мудрее своих родителей раньше (по возрасту), чем самим родителям это удалось.

Как выразилась моя жена Зина, «дети старше нас, потому что они младше нас...».

Июль – сентябрь 1997 г.

Позднейшая приписка (вероятно, 2007 г.):

Этот текст – «Коротка моя память...» – был в свое время распечатан и подарен всем родственникам и некоторым друзьям. Некоторые из них откликнулись собственными фамильными сочинениями (например, Анри Абрамович Кетегат: «В полях предков»). Что касается близких родственников (Зинаида Глебовна Вахарловская, Ольга Андреевна Новиковская), то они провели **аналогичную** работу в отношении собственных семейных корней. Наши «корни и ветви», понятно, существенно переплетаются, семейные хроники полны заимствованиями друг у друга, что, разумеется, хорошо.

А в прошлом году Ирина Михайловна Яковлева приспала мне из Сухума **собственную семейную хронику**. Что касается «аносовско-пузановской» линии ее супруга – моего двоюродного брата Владимира

Владимировича Абрашкевича, она воспользовалась информацией из моей. Собственная – яковлевская – генеалогическая линия также восходит к рубежу XIX–XX веков. В ней немало славных имен. Главное же – сбережена семейная память для подрастающих внучек.. и далее.

Так семейная память, распространяясь «по горизонтали» (среди современников) и «по вертикали» (о предках – для потомков), становится **коллективным достоянием**.

Апрель 2013

Петр Базанов

Жители поселка Келломяки: репрессии 1939–1941 гг.

Петр Николаевич БАЗАНОВ

доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
культуры и искусств

В отечественной и зарубежной исторической науке, а также в российском общественном мнении долгое время существует сложившийся миф, что все население Карельского перешейка – финское и русское – было эвакуировано или успело уехать перед началом Советско-финской («Зимней») войны осенью 1939 года. Из этого постулата делается вывод, что, например, в Комарово (Келломяки) или Зеленогорске (Териоки) никого не осталось и все местные жители приехали уже после Второй мировой войны. На самом деле все было не совсем так. В поселке Келломяки к началу войны «осталось от финнов три местных жителя»¹ (официальная советская формулировка!). Это были садовник Ян-Иван Яковлевич Сереньш, его дочь Александра и дамский портной Виктор-Адольф Андреевич Малин. К местным жителям также можно

bazanovpn@mail.ru

¹Архив УФСБ РФ по СПб. и Лен. обл. (далее – Архив УФСБ). Дело № П-45273 (Я.-И.Я. Серинш). Л. 35.

причислить жившего в Келломяках в 1920-е художника Германа Аркадьевича Пресаса, который был арестован в Териоках в 1941.

Ян-Иван Яковлевич Сереньш (26.06.1877–2.05.1942) был уроженцем деревни Абово Курляндской губернии, по национальности – латыш, поэтому проживал на территории Финляндии как подданный Латвии. Его фамилия в различных источниках пишется совершенно по-разному. В деле в Архиве УФСБ – «Серинш»²; краевед Е. Балашов называет в одной из своих книг фамилию «Серин»³ (на взгляд автора, просто опечатка) и через несколько страниц – уже «Сереныш»⁴, в другой работе приводит написание «Сериньш», но оговаривается, со ссылкой на «Весь Петербург», что по-русски писали «Серин»⁵. В некрополе Комаровского кладбища фамилия его жены и дочери приводится как «Сереныш»⁶. На самом деле правильная транскрипция латышской фамилии на русский – «Сереньш», именно так она написана на надгробных памятниках на Комаровском кладбище. Эту же информацию подтвердила внучатая племянница Я.-И.Я. Сереныша – Галина Сергеевна Муратова (1932–2012) в августе 2012.

Я.-И.Я. Сереньш имел четырехклассное образование, по профессии был садовник. С 1903 жил в поселке Келломяки по адресу: 2-я Дачная, д. 5. Хозяйство (прежде всего цветоводство и садоводство) было большое – участок в 1 га 24 сотки, два дома, лошадь, корова, теплица с уникальными растениями, пчелиные улья, утки, куры⁷. Я.-И.Я. Сереньш поставлял до революции фрукты, овощи и цветы в Елисеевский магазин в Санкт-Петербурге.

Семья Я.-И.Я. Сереныша, кроме родственников в Латвии, состояла из жены Евдокии Ивановны (1880–1939), дочерей Антонины (1906–1924), Александры (1908–1991) и Ольги (1909–?; по мужу Эгрен, жила в Хельсинки, работала аптекарем), а также приемного сына Михаила Ивановича Никитина (1901–?), тоже оставшегося в 1939 в СССР и проживавшего в поселке Мустомяки.

В октябре 1939 Сереньш отказался эвакуироваться в местечко Эйволя с другими жителями, т. к. не хотел оставлять садоводство, а его дочь Александра боялась из-за отъезда потерять связь с женихом, который уехал в Париж. Из-за опасности войны с СССР ночевать в поселке финские власти запрещали. Поэтому отцу с дочерью приходилось ездить на ночь в Териоки к знакомым

² В Архиве УФСБ в персональном деле №П-45273 Я.-И. Я. Серинш его фамилия пишется именно так.

³ Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. – Ч. 1: Юго-западный сектор. Кивеннапа – Териоки (Первомайское – Зеленогорск). – СПб., 2007. – С. 155.

⁴ Там же. – С. 159.

⁵ Балашов Е.А., Травина Е.М. Келломяки. Адреса и судьбы. – СПб., 2011. – С. 96.

⁶ Кобак А.В., Нырков А.А., Лирютко Ю.М. Комаровский некрополь: Материалы к историческому описанию // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исслед. материалы. – Вып. 4. – СПб., 1997. – С. 451.

⁷ Архив УФСБ. Д. № П-45273 (Я.-И.Я. Серинш). Л. 35.

Киселевым, которые жили на Гельсингфорской улице у вокзала. 1 декабря Териоки заняли части Красной армии, и Сереньш отправили домой в Келломяки, а затем увезли на бронепоезде в Сестрорецк на допрос, но отпустили, хотя и заставили жить в Териоках. Советские власти собрали всех жителей Каельского перешейка для создания видимости существования местного населения во «временной столице Народно-демократической Финляндской республики» – городе Териоки. В начале 1940 Я.-И. Сереньш проживал в Териоках и опасался, что оставшиеся у него в теплицах растения погибнут от холода, т. к. ухаживать за ними он не может⁸. Н.Г. Бренев, житель соседнего поселка Оллила, вспоминал, что летом и осенью 1939 был необычайно хороший урожай, особенно яблок⁹. Вердимо, Я.-И. Сереньша стали отпускать днем домой присматривать за домашним хозяйством.

Третий «местный житель, оставшийся от финнов» в Келломяках, был дамский портной Виктор-Адольф Андреевич Малин (1889–?)¹⁰. В.-А.А. Малин родился в С.-Петербурге в семье скульптора, образования не получил (самоучка), в годы эмиграции принял финляндское подданство и в официальных документах декларировал свою национальность как финскую¹¹. Малин имел каменный дом в Келломяких рядом со станцией. Семью (жену и дочь) он эвакуировал в 1939 в Сусмяя. Согласно документам НКВД, Малин отрицательно отнесся к переселению в Териоки, проявлял враждебное отношение к советской власти, иронически высказывался о существующем в СССР политическом строе, отказывался от предлагаемой ему работы по специальности для военных госпиталей и при встречах с местными жителями рассказывал об учиненном в его доме грабеже красноармейцами¹². Дальнейшие следы В.-А.А. Малина теряются: если он был арестован в конце 1939 – начале 1940, то непонятно, почему его дела нет в Архиве УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В межвоенный период (1940–1941 гг.) в Келломяки стали приезжать на отдых представители ленинградской интеллигенции. Были открыты дома отдыха различных творческих организаций: Союза писателей, театрального общества и т. д. Председателем Келломякского поселкового совета Канельярвского района был некий Лебедев, секретарем – Василий Васильевич Подзолов (1916–?), из крестьян-середняков Орловской области, беспартийный, образование

⁸ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. – СПб.: ЛИК, 2010. – С. 209.

⁹ Бренев Н. Русская жизнь в Териоках (Воспоминания) // Русский листок в Финляндии (Хельсинки). – 1982. – № 2. – С. 28.

¹⁰ В сборнике «Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД» его фамилия указывается неверно: «Мадин» (С. 209), а через несколько страниц правильно: «Малин» (С. 217).

¹¹ Архив УФСБ. Д. № П-76654 (А. А. Янушкевич). Л. 107.

¹² Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. – С. 209, 221.

б классов¹³. Большинство переселенцев в Келломяки были малограмотными крестьянами из Ленинградской и Тверской областей, из них образовали колхоз.

Из документов НКГБ известно, что вечером 22 июня 1941 Я.-И. Сереньш подошел к группе из 6–8 жителей поселка на Северной улице и сказал: «какое внезапное нападение, я об этом знал два года назад»¹⁴. Видимо, на него сразу же поступил донос, и уже 24 июня в НКГБ Ленинградской области, с санкции прокурора г. Териоки, постановили Сереньша арестовать¹⁵, что состоялось 26 июня. В постановлении на арест фигурировало еще одно высказывание Сереньша: 18 августа 1940 он сказал по поводу присоединения Латвийской республики к СССР: «Латвия лучше бы была не советской, ибо хорошей жизни в Латвии теперь не будет. Я во многом большевикам не верю, они много говорят и проповедуют, но на деле ничего у них не получается»¹⁶.

Ранее, до ареста, у Сереньша конфисковали один дом из двух. В связи с присоединением Латвии к СССР в 1940 он потерял латвийское гражданство, но советского не принял и во всех документах проходил как бесподданный. Он содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Шпалерной улице. Обвинение было стереотипным: статья 58-10 ч. 2 УК РСФСР («контрреволюционная агитация и ведение пораженческой пропаганды»)¹⁷. Еще до войны СССР и Германии Сереньш говорил жителям поселка, что Гитлер, легко разбивший Францию, после победы над Англией непременно нападет на СССР¹⁸. Это высказывание следователи интерпретировали как «восхищение фашизмом». Также Сереньшу припомнили другие его высказывания – недовольство условиями жизни в СССР (в частности, очень большой налог на имущество единоличника) и то, что он выступал против колхозного строя (отказался вступать в Келломякский колхоз)¹⁹.

В августе 1941 Сереньш был отправлен в тюрьму № 2 г. Златоуста Челябинской области. 14 января 1942 он был приговорен НКВД к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки, без конфискации имущества²⁰. Я.-И. Сереньш умер 2 мая 1942 в тюремной больнице г. Златоуста от истощения, официальная формулировка – «старческая дряхлость»²¹. Уже после смерти, 22 июля 1942, срок ему был

¹³Архив УФСБ. Д. № П-45273 (Я.-И.Я. Серинш). Л. 12.

¹⁴Там же. Л. 32–32об.

¹⁵Там же. Л. 1–3об.

¹⁶Там же. Л. 2.

¹⁷Там же. Л. 41.

¹⁸Там же. Л. 40.

¹⁹Там же. Л. 34.

²⁰Там же. Л. 50.

²¹Там же. Л. 15.

изменен на 5 лет ссылки в один из отдаленных районов Новосибирской области. В годы перестройки Я.-И. Сереныш был реабилитирован Прокуратурой ССР.

Дочь Сереныша Александра Яновна (по мужу Короткевич) в 1940–1941 работала садовником в Доме отдыха Ленсовета в Келломяках. В годы Великой Отечественной войны она была выслана на Урал. Вышла замуж за военного, затем смогла вернуться, уже в Комарово, работала садовником в разных домах отдыха. Долгие годы она была единственным источником сведений о жизни в Келломяках до войны, или «при финнах», как говорили местные жители. В 1991 Александра Яновна умерла и была похоронена на Комаровском кладбище, рядом с сохранившимися могилами матери и сестры.

Следующий наш персонаж – Герман Аркадьевич Пресас (1894–1942), художник, декоратор, член «Общества русских художников в Финляндии». В 1921 он бежал в Литву, с 1925 по 1935 жил в Финляндии, являясь литовским подданным. Сначала Г.А. Пресас жил с семьей в Келломяки и до 1927 преподавал в русской четырехклассной школе (бывшей им. П.А. Столыпина). Школа содержалась Земгором (Земско-городским союзом), с 1920 называлась «Келломякским приходским совместным реальным училищем» и специализировалась на лесном деле. Затем Г.А. Пресас перебрался в Териоки, где купил дом, и работал художником и ретушером в местной фотографии. В 1939 он остался в Териоках и работал руководителем студии в Доме пионера и школьника. Вместе с ним осталась и его жена Ольга Ивановна Пресас (1893–?; урожденная Олиференко), преподавательница реальных училищ в Келломяки и Териоки, выпускница Петроградского женского института. Она нелегально бежала из Петрограда в 1921, жила в Келломяки, пока с мужем не переехала в Териоки, где стала членом Вреденского благотворительного комитета. В 1941 Г.А. Пресас был арестован, признан НКВД «особо опасным» и умер в тюремной больнице²².

Судьба семьи его отца сложилась более удачно. Профессор Аркадий Германович Пресас (1870–1952) – секретарь Сената, историк, юрист, писатель и популяризатор философских знаний, в начале XX в. купил дачу в Келломяках, в районе станции Канерва (находилась между современными Комарово и Репино). В 1921 он бежал с семьей из Орши в Литву, а в 1923, уже как подданный Литвы, эмигрировал в Финляндию, где купил новый дом в самом поселке Келломяки. Здесь он жил до 1939 на средства, которые получал от сдачи в аренду своего дома в Каунасе. В отличие от большинства эмигрантов, А.Г. Пресас выучил финский язык и принял в 1935 финское гражданство. Он активно занимался лекторской деятельностью, писал философские труды и публиковал их на разных языках²³. С А.Г. Пресасом, кроме сына Германа, жили другие его

²² Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. – С. 170; Архив УФСБ. Д. № П-69672 (Г.А. Пресас). Л. 13, 31об.

²³ Архив УФСБ. Д. № П-69672 (Г.А. Пресас). Л. 15, 25об., 26.

дети: художник Аркадий (1892–1969), Георгий (1912–1985) – сотрудник Славянской библиотеки Хельсинского университета и психически незддоровые Владимир и Анна. Вся семья эвакуировалась в 1939 и затем жила в Хельсинки.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Большинство жителей Карельского перешейка, не эвакуировавшихся в 1939 по решению финских властей, не были арестованы в 1939–1940. Советской власти надо было создать иллюзию наличия местного населения в т.н. «Народно-демократической Финляндской республике». Но с началом Великой Отечественной войны они были высланы как «нежелательные элементы» во внутренние районы СССР или приговорены к разным срокам заключения под надуманными предлогами.

Екатерина Бурла

Подмосковные старожилы: «вполне советские» люди?

Екатерина Изяславовна БУРЛА

аспирантка
исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

catherinebourla@gmail.com

В современном научном дискурсе о феномене «советского» преобладает анализ официального, институционального взгляда на повседневные практики и политическое сознание. До сих пор внимание исследователей привлекает в первую очередь функционирование тех институтов, на развитие которых и была направлена советская социальная политика (медицина, образование, наука). Большой интерес продолжает вызывать изучение биографий известных государственных деятелей. «Простые советские люди» в большинстве исследований воплощены в образах рабочих и горожан, то есть слоев населения, *de facto* поддерживаемых советской системой и привилегированных.

Благодаря этим работам перед нами сейчас довольно четко проступают контуры характерно советского, будь то образ жизни или стиль мышления. Совсем не случайно термин «человек советский» (*homo sovieticus*), несмотря на критический и саркастический оттенки значения, приданное ему в западных странах, вполне удачно

выполняет свою функцию, вызывая достаточно определенные образы и ассоциации. Эти последние, впрочем, относительно слабо связаны с представлениями о советской деревне. Почему так получается?

В настоящее время нет оснований говорить о недостатке внимания к постсоветской деревне. Изучение знаковых событий и процессов двадцатого столетия не может не затрагивать вопросов, касающихся особенностей крестьянского хозяйства, культуры, сознания. Заходит ли речь о таких ключевых периодах истории крестьянства, как изменение форм землепользования в постсоветские годы, колективизация, раскулачивание, голод 1932–1933 годов, репрессии, немецкая военная оккупация или «эхо войны», переселения, расцерковление, или же о крестьянских буднях и праздниках, – во всех случаях мы имеем дело не с традиционной сельской общиной, а уже с советской деревней.

Здесь впору задаться вопросом, с «советской» ли деревней имеем мы дело? Ведь «советской» она является только *de jure*, благодаря своей отнесенности к событиям советского периода российской истории. Тогда в чем конкретно заключается в ней типично советское? И как на различных временных отрезках проявляется это советское? Имеет ли оно региональные особенности?

Представляется, что ответы на поставленные вопросы являются важными вехами в конструировании феномена «советского». Лишь ясное осмысление путей проникновения и степени внедренности идеологических установок в повседневное сознание «нижних этажей» общества позволит по-новому увидеть историю СССР, в том числе вписать ее в европейский и международный контексты, сопоставляя в исторической перспективе резко преобразовательные намерения правящих классов с их отголосками в народном сознании.

* * *

В настоящей статье вниманию читателя предлагается попытка поиска специфически советского в устных свидетельствах старшего поколения сельских жителей северо-восточного Подмосковья. Кратко охарактеризуем источниковую базу и методику данного исследования.

Мы располагаем обширным корпусом текстов, представляющим собой более 200 транскрибированных интервью, записанных между 1983 и 2012 (в 2008–2012 с участием автора) в Сергиево-Посадском, Пушкинском и Щелковском районах Московской области¹. При опросах использовались полуструктурированные фокусированные, а также нарративные, биографические

¹Чернов С.З. Устная микротопонимическая традиция Центральной России: прошлое, настоящее, будущее. По материалам исследований 1993–1995 гг. на северо-востоке Московской области // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. Доклады и сообщения четвертой региональной научно-практической конференции «Москва и Подмосковье». Москва, 20–21 декабря 1995 г.– М., 1996. – С. 191–194.

и глубинные интервью. Всего опрошено более 250 человек, родившихся между 1891 и 1968, среди которых преобладают представители довоенного поколения (люди 1910–1929 годов рождения).

Интерес к устным свидетельствам деревенских старожилов обусловлен первоначальными задачами комплексного историко-археологического изучения исторических ландшафтов обозначенной территории. Именно эти люди являются лучшими знатоками микротопонимов, именно они в наиболее полной мере владеют информацией об изменениях в земле- и природопользовании, о трансформации окружающей природной среды. Гибкость полуструктурного вопросника позволяет записывать от информаторов максимально разнообразные исторические сведения. Кроме того, она поощряет их давать развернутые, предоставляющие более богатый материал для интерпретации, а не однословные ответы.

Получить представление о ряде черт сознания и самосознания этих людей, понять, какова их самоидентификация, поможет методика, разработанная в рамках устной истории и качественной, «понимающей» социологии.

Итак, для выделения, описания и осмыслиения специфически советских черт в биографиях и сознании подмосковных старожилов выберем несколько интервью. Все они взяты у людей – женщин и мужчин, – проживших большую часть жизни, точнее, всю сознательную жизнь при советской власти. Естественным образом эти люди волей или неволей, так или иначе, оказались вовлечеными в характерные для своего времени повседневные практики и в той или иной степени подверглись воздействию идеологических установок. Их проживание в Московской области, вблизи столицы, может гарантировать их подверженность более непосредственному влиянию государства².

Называя всех выбранных информантов «советскими» людьми, закономерно все же предположить, что часть из них, в силу индивидуальных психологических особенностей либо вследствие специфики своего жизненного пути, воплотила в себе в более полной мере советские идеи и идеалы, чем другая их часть. Отдавая себе в этом отчет, попробуем специально выбрать людей, которые посредством образования или профессиональной деятельности должны бы воплощать «более советский» тип. Так, среди отобранных интервью оказываются записи бесед с секретарем волостного исполнительного комитета, с преподавателем физики и труда, с рабочей крупной подмосковной фабрики, с участником Второй мировой войны, с секретарем сельского совета, с рабочим «Мосэнерго».

²Об установлении советской власти на Индигирке, Колыме и Анадыре и обусловленных отдаленностью от центра особенностях ее влияния на социальный, экономический и этнический статус русских старожилов см. гл. 4 в: Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. – М.: Новоиздательство, 2004.

Одновременно с таким критерием отбора принципиально сейчас будет услышать «голоса» представителей разных поколений, чтобы при случае констатировать динамику проявлений «советского». Хорошо известно, что в советской истории всего лишь одно поколение «вполне советских» людей³: они вступили в активную социальную жизнь в околовоенное время, в 1930–1950-е. Возьмем для анализа интервью с двумя представителями этого поколения, а также с представителями двух предшествующих (дореволюционного и довоенного) поколений.

Первым из информантов, к устным свидетельствам которых предполагается последовательно обращаться ниже, станет Михаил Иванович Хромов, 1899 г. р., из деревни Рязанцы современного Сергиево-Посадского района⁴. Запись беседы с ним, произведенная в 1983 при участии его дочери Т.М. Суходольской, является одной из ценнейших не только из-за раннего года рождения интервьюированного, но и благодаря своим качественным характеристикам, делающим ее стоящей сразу нескольких других записей⁵.

Михаил Иванович – потомок коренных, или, как он сам говорит, «природных» жителей деревни. Его отец, Иван Степанович, до 1914 работал истопником во второй лаврской гостинице в Сергиевом Посаде, в 1918 он скончался в возрасте 54 лет. Михаил Иванович учился в церковной школе. Затем в 1914–1917 работал помощником садовника в близлежащей усадьбе Грузиновых. Во время Гражданской войны он являлся секретарем Сергиевского волостного исполнительного комитета (1919–1920-е).

Воспоминания именно об этом периоде жизни Михаила Ивановича представляют наибольший интерес, поскольку завязаны на его вступление в партию и работу в первичной партийной ячейке, то есть на освоении нового для российского крестьянства социального пространства и на политизированном участии в жизни общества. Важно отметить, что, рассказывая о первых послереволюционных годах в Троице-Сергиевой лавре, респондент подчеркивает свою сопричастность событиям того времени («Вот, я тоже член партии был, так на собрания ходил. На съезд на уездный партийный ходил»⁶; «А их [мои] Сергия

³ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. А. Левады. – М., 1993; Семенова В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. В. Семеновой и Е. В. Фотевой. – М., 1996. – С. 335.

⁴ Здесь и далее указывается современная отнесенность деревни к тому или иному району.

⁵ Эта запись в одном из своих содержательных аспектов уже послужила основой для анализа, см.: Бурла Е.И. «Председатель волисполкома наш деревенский был»: Подмосковные крестьяне в местных органах власти в первые послереволюционные годы // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции – Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. – М.: Эконинформ, 2013. – С. 113–118.

⁶ Хромов Михаил Иванович // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень в окрестностях Древнего Радонежа в 1983–1985, 2012 гг. – Архив Сектора комплексных исследований, проектирования и охраны исторических территорий Центрального региона России РНИИ культурного

Радонежского. – Е.Б.] вскрывали. Я присутствовал»). При этом здесь в повествовании Михаила Ивановича не слышно иронии. Наоборот, порой его интонация приобретает черты эпоса («В одно прекрасное время сошлось заседание уездного комитета партии. И я был»). Такая особенность рассказа свидетельствует о поглощенности информанта пережитым опытом и о застылости его сознания, не изменившего оценки прошедших событий.

Невозможно не остановиться на религиозных взглядах Михаила Ивановича. Со слов своего отца он приводит рассказ заведовавшего второй лаврской гостиницей о. Иоанна о некой «блуднице Анютке», которая за «несколько тысяч» симулировала избавление «от паралича» у мощей преподобного Сергия, и завершает его следующим суждением: «Люди узнавали, что это [т. е. исцеление в данном случае и, по аналогии, в других. – Е.Б.] ерунда одна». А говоря о своем присутствии на вскрытии мощей Сергия Радонежского, когда вместо «нетленных мощей» оказались «там одни гнилые кости», он заканчивает словами: «Чушь одна». И тут же объясняет такую позицию: «Только как заведено, так заведено было». Совершенно очевидно, Михаил Иванович высказывает свои негативные взгляды на устоявшийся, заведенный, принятый порядок взаимоотношений между Церковью и людьми. Вместе с тем крайне важно не торопиться распространять эту его оценку на всю сферу религиозного опыта.

Такая осторожность оправдана следующими доводами. Характеризуя изменения, произошедшие в Лавре после революции, а именно закрытие церквей и хранение в них урожая и конфискованного у помещиков имущества, снятие икон, размещение в монастыре конюшни, Михаил Иванович употребляет глаголы «изуродовали», «нарушили», «безобразничали». Тем самым он выражает негативное отношение уже к действиям представителей советской власти. «Просто безобразие. Церкви-то все закрыли зачем? Что они, мешали, что ли, им?!».

Наряду с действующими церквями в системе религиозных ценностей информанта присутствуют также престольные праздники. «Тут у нас, – рассказывает Михаил Иванович о деревенском гулянье и палатах с торговлей, – престольный праздник Преображение было». При этом, говоря «у нас», он не только не дистанцируется от локального сообщества, но и заявляет о своей религиозной принадлежности. Как бы в подтверждение того, насколько сильно в нем коллективное сознание, Михаил Иванович поет на церковнославянском языке фрагмент тропаря на праздник Преображения Господня.

Перед тем как вернуться к знаковым словам респондента о том, что «только как заведено, так заведено было» и понять ограниченность сферы их направленности, можно остановиться еще на одном отрывке из интервью.

и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Материалы микротопонимической фиксации исторических ландшафтов. Л. 11–16. Далее цитаты из интервью приводятся без отсылок на листы.

Михаил Иванович рассказывает о школе, устроенной неким монахом так, что окна были в потолке, чтобы «ученики не баловались, не глядели в окна, а учили уроки». Школу эту сломали, «потому что он [монах. – Е.Б.] безобразничает», то есть из-за ее странности, непривычности. Иными словами, из-за отрицательного отношения местных крестьян к подобным нововведениям.

Таким образом, сознание Михаила Ивановича содержит противоречия, которые, тем не менее, не вступают в конфликт. Они остаются неявными для него самого, примиряемые присущими ему коллективными представлениями об опирающемся на традицию должном и несправедливом недолжном.

Сейчас нет возможности говорить о репрезентативности случая Михаила Ивановича, но можно с уверенностью утверждать, что в его рассказах отражен коллективный подход к действительности, «дух его времени»⁷. Интересно понять, изменился ли «дух поколения»⁸ через шестнадцать–семнадцать лет, которые отделяют год рождения М.И. Хромова от года рождения следующего информанта.

Василий Михайлович Шумков, беседа с которым была записана в 1993, родился в дер. Федоровское в 1915. Он не застал дореволюционные годы, и его жизнь прошла уже в советском государстве. Василий Михайлович относит себя к коренным жителям деревни, поскольку, по его словам, его предки жили в Федоровском 400 лет⁹. Сам он один из девяти детей в семье. Учился в начальной школе, затем в 1934 уехал из родной деревни, чтобы окончить педагогический техникум по специальности «физика и труд». Недолгое время работал в г. Ряжске Рязанской области.

Формальными причинами отнесения Василия Михайловича к «советским» людям являются получение им среднего образования и дальнейшая педагогическая деятельность, то есть его включенность в советскую образовательную систему, которая была призвана воспитывать «новых» людей для жизни в модернизированном обществе. На детские годы информанта пришлось начало кампании по ликвидации неграмотности в деревне, и он вспоминает о школе крестьянской молодежи в Талицах.

По ходу анализа интервью с Василием Михайловичем действительно становится ясна та значимость, которую он придает грамотности. Например, объясняя название пруда Комаров фамилией жившей поблизости семьи, респондент, при ответе уже на другой вопрос, возвращается к семейной

⁷ «Дух времени» – термин Х. Ортеги-и-Гассета.

⁸ Термин К. Манхейма. См.: Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М., 2000. С. 43.

⁹ Шумков Василий Михайлович // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень на северо-востоке Пушкинского района в бассейне реки Вори в 1993, 2011 гг. Материалы микротопонимической фиксации исторического ландшафта. – Архив ИА РАН. № 18834. Т. 5. Л. 370–372. Село Царево – село Орлово.

истории Комаровых и уточняет, что деревенская повитуха Надежда Комарова, которая «у всей деревни принимала роды», «совершенно неграмотная была». Противопоставляя «раньше» и «теперь», он замечает, что «тогда ведь не так, тогда даже на поле родили».

Все же ни полученное образование, ни городская культура, к которой Василий Михайлович приобщился в Ряжске и Москве, не смогли изменить его образ прошлого. Старину этот респондент не только хорошо помнит, но и высоко ценит. Не случайно он «сам в Ленинской библиотеке выбирал историю [своей семьи и деревни. – Е.Б.]», так что знает, сколько фабрик в России было у предпринимателя Кнопла и сколько лошадей в Москве у занимавшегося извозом Старшинова. О помещике из расположенного в нескольких километрах от деревни Федоровское имения Василий Михайлович отзывается хорошо и с уважением вспоминает о том времени, когда на престольный праздник к ним съезжались все родственники из разных мест, двадцать–тридцать человек, и «все про дело говорили».

Но особенно обстоятельно его повествование о крестьянском доколхозном землепользовании, когда землю давали «по душам». Перечисляя деревенские поля, респондент замечает, что помнит, где у его семьи были полосы во всех полях. Такое отношение к земле рачительного хозяина наиболее ярко и символично проявляется в рассказе о строительстве в 1918–1919 узкоколейной железнодороги, которая должна была пройти по полям его деревни. Но «крестьяне не разрешили вести ее [дорогу. – Е.Б.] по полю. И ее строили лесом, по краю леса, по оврагам», – говорит Василий Михайлович, подчеркивая роль крестьянского права на землю, самостоятельность сельского населения того времени.

Рассказы о дороге, будь то узкоколейка или шоссейная, которую местные крестьяне не разрешили («не дали») строить на своих полях, повторяются в воспоминаниях и других информантов в других деревнях¹⁰. Стоит ли всегда понимать такие рассказы в буквальном смысле? Может быть, смысловая нагрузка в них важнее, чем фактическая достоверность. В любом случае, такие традиционные ценности, как земля, характерны для людей, родившихся до революции и заставших период развития крестьянского землепользования.

Интересно обратиться теперь к записям интервью с представителями уже следующего, довоенного поколения: Анатолием Михайловичем Карасевым, Александрой Ивановной Монаховой и Лиidiей Ивановной Суминовой.

Родившиеся в одном году (1925) и проведшие жизнь в одной деревне (дер. Березняки Щелковского района), Александра Ивановна и Анатолий

¹⁰ Например, подобные рассказы были записаны в 1983 в дер. Зубачево Сергиево-Посадского района, в 1993 – в дер. Васюково Щелковского района, в 2009 – в с. Петровском Щелковского района Московской области.

Михайлович были опрошены в 2011. Отцы обоих участвовали в Первой мировой войне, попали в плен, позже вернулись на родину. Анатолий Михайлович окончил начальную школу. В начале Великой Отечественной войны вместе с другой местной молодежью делал противотанковые завалы. Но уже в конце 1943 – начале 1944 был призван на фронт. Спортсмену-любителю, ему привелось играть в футбол на поле в Потсдаме. Вернулся из армии Анатолий Михайлович только в 1950, поскольку его дважды «отстранили» от указа о демобилизации.

Пребывание этого респондента в армии, в особенности в таком возрасте, когда формативный период еще не закончился (он служил как раз до двадцати пяти лет), должно было значительно повлиять на формирование его мировоззрения. Действительно, в самом начале беседы, после первого вопроса о месте рождения, Анатолий Михайлович отвечает: «Здесь, как говорится, и родителей похоронил своих», – и без всякой паузы продолжает: «Вот, в сорок первом году... призвали меня на трудфронт...»¹¹. То есть получается, что он не просто пропускает упоминание о своем рождении и детстве, но, более того, начинает отсчет собственной жизни с такого социально значимого события, как Великая Отечественная война. И это притом, что в 1941 его еще все-таки не призвали в армию.

Позже в ходе беседы официальный дискурс прозвучит в речи Анатолия Михайловича в виде выражения «в рядах оккупационных войск Германии». Это выражение будет относиться к рассказу о своей демобилизации из армии в 1950. Профессиональная лексика, употребленная здесь по отношению к своей службе, резко контрастирует со стандартной разговорной речью информанта. Она как бы отделяет мир личной жизни от мира военного времени, отстраняет говорящего от личной причастности к описываемым событиям. А в конце интервью, снова вспоминая о годах службы в армии, Анатолий Михайлович определяет их так: «...Пришлось мне, начиная с армии, почти восемь лет отрубил...» Отрубить – значит провести время, выполняя трудную, малоинтересную, надоедливую работу. Такова его оценка этого периода жизни.

Довольно критично он настроен и в отношении коллективизации. Дело в том, что, несмотря на детский возраст на момент организации колхоза в деревне (четыре–пять лет), Анатолий Михайлович хорошо помнит, что в семье было три коровы и две лошади, которых забрали в колхоз, оставив только одну, как он ее ласкательно называет, «коровку». Помнит он также о наделе-

¹¹ Каравес Анатолий Михайлович // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень на северо-востоке Пушкинского района в бассейне реки Вори в 1993, 2011 гг. – Архив Сектора комплексных исследований, проектирования и охраны исторических территорий Центрального региона России РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Материалы микротопонимической фиксации исторических ландшафтов.

нии крестьянских хозяйств землей «по едокам». И если сам информант не мог оценить преимущества или недостатки старой системы землепользования по сравнению с колхозной системой, на его восприятие последней не могли не оказать влияние мнение отца, возможные обсуждения новой реальности в семье. Отец же Анатолия Михайловича «ни одного дня не был в колхозе» и говорил о партийных деятелях: «Это бандиты!».

В детстве информант принимал участие в школьной самодеятельности. 80 лет спустя в его памяти остался отрывок стишко или реплики из постановки: «И на дачу [имеется в виду дача помещика. – Е.Б.] в грязи мы ходили». По-видимому, подразумевались нищета и униженное положение крестьян при местном помещике. В этой связи можно предположить формирование у детей отрицательного образа дореволюционного прошлого деревни. Ведь мы знаем, что память должна была стать основой новой идентичности, поэтому воздействию на нее и уделялось внимание.

Но пока партийные деятели и школьные учителя пытались сформировать нужный образ прошлого, мировоззрение и мировосприятие родителей оказывали на детей большее влияние. Анатолий Михайлович замечает: «Во всяком случае, <...> на этом, как говорится, кладбище я вырос». По его рассказу становится ясно, что имеет он в виду не кладбище как таковое, а деревянную часовню на кладбище. Привлекали же его в часовне не свечи и иконы, а скульптурное изображение Христа в темнице. Крайне важно, что о Спасителе (так скульптуру называет сам информант), которому «обычно, ну, ножку ему целовали», Анатолий Михайлович вспоминает не только сейчас; он помнил о нем во время службы в армии и после возвращения домой сразу захотел увидеть его («И причем, вот, я с армии пришел, мне интересно было, где же наш... Спаситель»). Значит, эта скульптура занимала видное место в сознании информанта, воспринималась им как неотъемлемая составляющая жизненного пространства.

До начала войны «Спаситель» еще точно стоял в не закрывавшейся березняковской часовне («Оно [часовня. – Е.Б.] не запиралось, и... никто ничего никогда... не трогал»). Это значит, что антирелигиозные настроения в довоенной деревне не зашкаливали.

Ровесница и односельчанка Анатолия Михайловича, Александра Ивановна родилась пятым ребенком из семи в семье Монаховых. По ее словам, она относится к четвертому поколению Монаховых в Березняках, причем семья эта – одна из семей первопоселенцев в деревне («прадедушку выиграли в карты», и барин перевез его на новое место¹²). Александра Ивановна закончила четыре класса. После начала войны, в 1941, ее направили на Софринский полигон, недолгое время спустя – в пожарную команду при фабрике им. Красной Армии

¹² Монахова Александра Ивановна // Там же.

и Флота (бывшая Вознесенская бумагопрядильная мануфактура, современный г. Красноармейск). В 1948 она перешла на фабрику, где работала до выхода на пенсию в 1975. Замужем не была, воспитывала племянников.

«Стахановка была, – говорит Александра Ивановна о себе. – На работе... мой портрет висит». Ее свидетельства о советском прошлом должны бы заинтересовать нас как раз в качестве образца позиции «вполне советского» человека, посвятившего себя затратному труду без адекватного вознаграждения и воспринимающего этот труд как долг перед другими. Но информантка опровергает подобные предположения: «А я не для его [портрета. – Е.Б.] работала. Я работала, чтоб мне заработать побольше». Так оказывается, что у нее не советский тип трудовой морали, а характерный для более поздних поколений рыночный тип.

Кроме того, Александра Ивановна не связывает свою жизнь с понятием коммунизма («А я не была коммунистом»). Характерна в этом смысле ее оговорка: «Мало того что нас... загоняли в коммуну... это, в лагерь куда-нибудь...». Коммунизм коррелирует в ее представлении с нарушением крестьянского хозяйства посредством коллективизации («И все разрушили. А разрушили как?.. В двадцать девятом – тридцатые годы организовали колхозы. А колхозы организовали – коров забрали!», с отрицанием ценности человеческой личности («Права ты или не права, что ты?.. <...> И с тобой не считались, что ты, кто. Девочка ли ты, женщина ли ты!»), с постоянной нуждой и ограничениями («в деревнях нечего было одевать»; «Пять налогов.. Военный, подоходный, бездетный, заем... Ну, не важно. И все вычитали с нас»).

Трудности военного времени занимают центральное место в жизненном опыте Александры Ивановны, именно с ними она связывает свое историческое время. Они же оказывают влияние на восприятие ею последующих событий, на ее мироощущение. В рассказах информантки война упоминается в контексте перенесенных страданий («Уж на что... мы пережили все это: и войну, и голод, и... Чего мы только?!»).

Этот опыт вместе с критикой властей предержащих («Конечно, ни один царь хороший не был. И ни один управляющ... это, партбюро, и Сталин, и то и се. Только в ладоши хлопали!»), вызванной недоверием к ним («Нет еще веры. Правильно сказать, нет такой веры... ни во что. <...> У нас, главное, отняли веру. А веру отняли как? Везде одно вранье. Куда ни пойди. Идешь в обком – вранье, в партком – вранье»), приводят к тому, что прошлая жизнь видится, в целом, в темных тонах («Но мы окончили те институты прошли, которые ни-ко-му не советую щас проходить, эти институты. Мы видели все»).

При этом дореволюционный период, который Александра Ивановна, конечно, могла знать только по рассказам других, представляется ей временем довольства и достатка («Пролетарии всех стран, соединяйтесь! С чем соединяться? Гвоздя не было. Молотка... Это до революции были все... Как революция

кончилась, все провалилось». Впрочем, миф о золотом прошлом вообще притягивает человеческому сознанию, только соотноситься этот «золотой век» может с разными историческими периодами.

Если жизненный путь Александры Ивановны в целом вписывается в рас пространившуюся еще со второй половины XIX века схему женской занятости в фабричном отходничестве, а потому, с рядом оговорок, может быть назван традиционным, то биография следующего информатора представляет собой действительно новый тип женской социальной мобильности.

Лидия Ивановна Суминова, опрошенная в 2009, родилась в 1927 в деревне Малые Петрищи Щелковского района. Ее дед Осип Филиппов из Малых Петрищ в 1936 еще работал на близлежащем химзаводе. Отец, Иван Осипович Филиппов, в течение 16 лет был егерем в Совете военных охотников. Он умер в 1946, после возвращения с Великой Отечественной войны. Сама Лидия Ивановна во время войны взяла из проволоки кольца для «малозаметных препятствий» и «заячьих петель», предназначавшихся для военных нужд. После войны год проработала в Совете военных охотников. Затем до 1975 была секретарем сельского совета, а до 2006 – кладовщиком на заводе металлической сетки в соседней деревне Огуднево.

В интервью с Лидией Ивановной ярко прослеживается противопоставление настоящего прошлому, «теперь» и «раньше». Если сейчас, по словам респондентки, «везде все плохо»¹³, то «раньше тут в деревне-то... было скотный двор, конный двор. Зернохранилище было... Сарай для сена, для скота был. Все у нас было...». Понятно, что перечисление сельскохозяйственных построек, к которому, кстати, Лидия Ивановна возвращается и в других местах интервью, с дополнениями и уточнениями расположения объектов, имеет целью передать мысль о материальной обеспеченности и прибыльности существовавшего в Малых Петрищах колхоза. Также ясно, что указание «у нас» относится не к своей семье, а к деревне, к местному сообществу, так что общая выгода становится выше индивидуальной.

Как конкретно жилось в семье Филипповых, из интервью мы так и не узнаем. Упоминает Лидия Ивановна только о жизни в военные годы, когда она собирала провалившиеся под пол зернохранилища хлебные зерна: «...там зернышки соберешь, провалились которые. И принесешь. На мельнице намелем. Мать лепешек напечет». Обобщая свой опыт военного времени, она говорит: «В войну-то перебивались все, кто как мог». В этих словах, особенно в глаголе «перебивались», вербализуется хорошо узнаваемая тема пассивного страдания.

¹³Суминова Лидия Ивановна // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень в районе села Душновка Щелковского района в 2006, 2009 гг. – Архив Сектора комплексных исследований, проектирования и охраны исторических территорий Центрального региона России РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева. Материалы микротопонимической фиксации исторических ландшафтов. Л. 534–542.

За противопоставлением «раньше» и «сейчас» в рассказе Лидии Ивановны скрываются не только размышления о прибыли и убытке, наряду с рассуждениями о голоде и сытости, имеющие для крестьян вневременную значимость. За этим противопоставлением стоит еще и указание на некие порядок и справедливость, более присущие доперестроечному обществу, чем современному. Так, в памяти информантки сохранились картины гуляний молодежи с показом кино в бывшем помещичьем парке, где при проходе каждый покупал билет, не стремясь пройти бесплатно: «И вот тогда ведь каждый... Там ни проходной, ничего не было. Каждый идет, берет билетик. Не то, что вот там это... где-то пройти-то. Можно было пройти с другой стороны, да? <...> Он и билет-то там было пятьдесят копеек в то время-то. А все равно каждый подходит. Это не то, что вот там. А щас... в наше время, щас бы все бесплатно прошли...». При всей малозначительности в плане содержания, данный отрывок важен в силу вложенного в него смысла: молодежь раньше была честнее. Хотя в приведенных выше словах Лидии Ивановны не слышно гордости за прежние времена, в них сквозит ностальгия по ушедшей культурной матрице.

Наконец, два интервью: с Антониной Федоровной Ворониной и Петром Семеновичем Мазеповым, представителями околовоенного поколения. Жизнь их родителей началась уже в XX веке, а сами они застали деревню после начала коллективизации, нарушившей естественные процессы развития сельского хозяйства и социального развития деревни. То, что индивидуальность этих информаторов сформировалась в условиях новой социальной реальности, позволяет отнести их к «вполне советским» людям. Впрочем, ниже будет уточнено содержание данного определения.

Петр Семенович Мазепов родился в деревне Новоселки Сергиево-Посадского района в 1932; интервью с ним было записано в 2012 в деревне Антипино, расположенной в сотне метров от Новоселок. Петр Семенович – коренной житель деревни, представитель пятого поколения Мазеповых в Новоселках. Его отец, Семен Иванович, работал в вагоноремонтном депо в Лосино-Петровском, однако перед войной перешел в колхоз по соображениям большей выгоды. В начале войны его забрали на фронт, в январе 1942 он погиб в Смоленской области. Мать Петра Семеновича, Агафья Селиверстовна, осталась с шестью детьми. Дети помогали ей в колхозе. В начале 1950-х Петр Семенович служил в армии, в середине 1950-х работал в Москве. До 2002 работал в «Мосэнерго».

Запись беседы с этим информантом, благодаря своей информативности, безусловно, представляет большой интерес и заслуживает дополнительного исследования. Не имея возможности в рамках данной работы уделить внимание всем подробностям, остановимся на ключевых моментах.

Сразу привлекает внимание тот факт, что рассказы Петра Семеновича о прошедшей жизни центрированы на военном времени. В течение часа он

четыре раза возвращается к воспоминанию о том, как, когда шли бои под Дмитровом, у них в доме стояли военные. При том, что информант говорит о тяжести этого периода («детство это вот, тяжелейшее детство»; «тяжелейшее время было, очень тяжелейшее»¹⁴), он готов оправдать индивидуально перенесенные лишения стремлением государства к общему благу («Ну, и людей стали, это, за слово прижимать, чтобы наводить порядок. Чтобы брожения не было в стране, единая мысль была. Время такое было, очень сталинское это время страшное. А мне думается, иначе, если бы не Сталин, мое такое мнение, войну не выиграть бы»). Порядок и победа – ключевые слова публичного дискурса военного и послевоенного времени.

Признавая правоту в принятии решений за властью, Петр Семенович «суворость» государственной политики («сталинское время очень суворое было») объясняет неустойчивостью общества («Вы знаете, вот так я подумаю, время было переломное. От частной собственности. И вдруг коммунизм. Это ломка страшная. И вот было период, по-моему, такой, ломания, брожения»). Имя Сталина возведено при этом на высший пьедестал и может вызывать чуть ли не священный ужас: «Сталин наш символ был, конечно. Мы Сталину преклонялися. Сталин – это одно слово дрожать будешь. Это царь».

Интересно отметить, что если свои детство и юность информант связывает с атмосферой каких-то схожих представлений, то уже в молодости ему пришлось столкнуться с совершенно иным взглядом на прожитые годы. Об этом опыте он рассказывает следующим образом: «Ну, а потом это, я приехал с армии, и вдруг начался культ личности [имеется в виду разоблачение и осуждение культа личности Сталина в 1956. – Е.Б.]. А ведь столько про Сталина хорошего, понимаете? <...> Я удивлялся. Конечно, может, что-то и было [плохое. – Е.Б.], но, по-моему, еще было [хорошее. – Е.Б.]...».

Из интервью с Петром Семеновичем видно, что борьба с культом личности Сталина не смогла изменить уже сложившийся у него к 1956 образ прошлого. Он и сейчас рассказывает, как «довоенное время запомнилось, как люди жили хорошо, какие праздники¹⁵ справляли». Вместе с тем прочитанное им тогда о Сталине в газетах не могло не повлиять на восприятие всего исторического времени в целом. Видя его как линейный, не обратимый и невозвратимый процесс (для информанта очень характерны выражения «это как процесс необратимость», «ничего не повернешь», «не вернешь историю»), Петр Семенович

¹⁴ Мазепов Петр Семенович // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень в окрестностях Древнего Радонежа в 1983–1985, 2012 гг. – Архив Сектора комплексных исследований, проектирования и охраны исторических территорий Центрального региона России РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева. Материалы микротопонимической фиксации исторических ландшафтов.

¹⁵ Нельзя не заметить, что помнит он о деревенских престольных праздниках, а о советских государственных не упоминает.

отнюдь не проецирует его в лучшее будущее. Напротив, «цивилизация она по-тихонечку уничтожает», – размышляет он.

Исследователи истории России XX века склонны считать, что проведенная неудачно коллективизация разбила привычку крестьян к коллективному действию. Говоря о своем отношении к застройке дачами бывших сельскохозяйственных угодий, Петр Семенович подчеркивает невозможность и бесполезность борьбы со сложившейся ситуацией. «Это бесполезно. Главное, чтобы дальше не распространялось, у нас вот огород не отняли этот вот», – замечает он. Такая позиция отступления в сторону и защита своего маленького мира, огорода или семьи является вероятным следствием полученного ранее негативного опыта столкновения со сверхсильным нажимом (ср. слова информанта о довоенном времени: «Вы знаете, вы историю знаете, сталинское время очень суровое было. Только рот разинь – черный ворон. <...> Я как-то боялся вот этого»). В то же время эта позиция свидетельствует об отсутствии идеи коллективной самозащиты.

Необходимо все же отметить, что слабую жизненную позицию можно в значительной мере объяснить типом личности информанта. И в тех же самых обстоятельствах, когда один смиряется, другой может оставаться бунтарем. Следующее интервью тому пример.

Жительница села Радонеж Антонина Федоровна Воронина, 1938 г.р., была опрошена в 2012. Как и Петр Семенович, она рано осталась без отца. Правда, ее отец, Федор Васильевич, не вернулся с войны, оставшись жить на Украине. Антонину Федоровну и двух ее сестер воспитывала мать, Мария Александровна Жарова. Не закончив начальную школу, Антонина Федоровна стала помогать матери в колхозе, где и осталась на всю жизнь, выполняя разную работу: посыльной с депешами, подручной у ветеринара и кузнеца, рядовой колхозницы.

Свое историческое время информантка активно связывает с понятием «советской власти» («...закрыли [кладбище. – Е.Б.] при... советской власти, ну, при этом. А потом, когда советская власть... победила, они ведь все поля очищали...»; «Советская власть уже, это, рушит всё, это, при советской власти»¹⁶). Причем удовлетворенность условиями жизни она объясняет дешевизной жилья («Все свои квартиры накупили, пошли работать, раньше дешево было... Квартиру зарабатываешь, а... на фабрике, на заводе тебе могут выделить через пять лет»), дешевизной продуктов («...раньше у нас сколько было колбасы? Ешь не хочу. При советской власти-то... Все равно дешево все было, все равно ты можешь купить»), безопасностью жизни («Ну ты пойди... когда, вот,

¹⁶ Воронина Антонина Федоровна // Магнитофонные записи опросов старожилов сел и деревень в окрестностях Древнего Радонежа в 1983–1985, 2012 гг. – Архив Сектора комплексных исследований, проектирования и охраны исторических территорий Центрального региона России РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Материалы микротопонимической фиксации исторических ландшафтов.

мы жили, пойди ты ночь- полночь. Никто тебя не тронет никогда. Ну а щас как ты пойдешь? Страшно»).

Интересно, что Антонина Федоровна – одна из немногих старожилов, упоминающих в рассказах о прошлом советские праздники («Первое мая – все гуляют»). Конечно, о том, как по три дня в деревне гуляли на Пасху и на престольный праздник Преображения, она тоже с увлечением вспоминает. О закрытии церкви вообще отзывается сейчас с жалостью: «Сбросили [коло- кола. – Е.Б.]. Да, жалко. Конечно, не надо было церкви разорять».

Сложно сказать, объяснимо ли подобное сожаление особым религиозным чувством информантки. Вполне вероятно, что, в случае Антонины Федоровны, важен сам факт, точнее даже предание, воспринимаемое как факт, постройки церкви крестьянами на свои средства. Вот рассказ об этом событии: «А церковь, ее построили жители! На свои средства... Вот эти вот деревни, вот я которые... приход. Их построили жители! На свои средства». Здесь строительство церкви имеет символическую значимость проявления крестьянской самодостаточности. Совсем не случайно после очередного воспроизведения предания Антонина Федоровна заговаривает о времени, когда общественные вопросы решались на сходе: «Раньше батюшка... собирали сход! Вот, соберут сход. Вы желаете этого батюшку?.. Ну, желаете? Ну, а если не желаете, то, значит, мы вам другого дадим. Ну, а сейчас нас не спрашивают». О сходах в деревне она могла слышать от родителей или даже от бабушек. Но важно то, что у нее сохранился идеал некой коллективной самостоятельности.

В свете вышеупомянутой своеобразной «жалости» к церкви легче понять «жалость» Антонины Федоровны к разделявшим небольшие колхозные поля старым березам, сведенным при расширении полей («нам жалко было <...> что какие были старые деревья, очень большие, их все попилили кудай-то»), к «коровушкам», с которыми грубо обращались в колхозе («Мне тоже колхозных... коровушек жалко»), к своему огороду («а мы в колхозе раньше работали <...> нам огород-то жалко, мы на нем только, это, и жили...»). «Жалеть» для Антонины Федоровны значит любить и беречь, щадить как нечто свое, дорогое, а это очень характерное для крестьянина-хозяина чувство.

Работа с устными биографиями старожильческого населения раскрывает широкие перспективы для изучения разнообразной историко-культурной проблематики. Однако уже на начальных этапах этой работы кажется необходимым хотя бы в общих чертах уяснить себе, с какими информантами исследователь имеет дело: к какому социальному типу или типу личности они относятся. Очевидно, что та точка зрения, с которой они будут говорить о явлениях внешнего мира, тот свет, в котором они будут выставлять себя и других, тот тон, в котором они будут рассказывать о пережитом и настоящем, вообще количественные и качественные характеристики предоставляемых

ими сведений, – все это будет во многом зависеть от социокультурной и личностной идентичности информантов.

Поисками советских идентичностей было обусловлено последовательное обращение к устным свидетельствам представителей трех старших поколений подмосковных жителей. Новое отношение к прошлому и будущему, к труду, к власти, новые ценности и новые стратегии поведения то и дело высвечивались в выбранных нарративах. Высвечивались, конечно, на фоне «старого», «традиционного» и не всегда, надо отметить, преобладали. На людях дровеволюционного и довоенного поколений советский «отпечаток» вообще заметен меньше, чем на тех, кто родился в 1930-е. Но и в последнем случае не все однозначно, как показала история жизни А.Ф. Ворониной. Ее пример продемонстрировал, как деревенская женщина, не прошедшая все предусмотренные советским обществом ступени образования и в своей профессиональной деятельности оставшаяся, возможно, более близкой традиционному крестьянскому образу жизни, оказалась менее подвергнутой советизации.

Может быть, «более советские» жители просто не остались в сельской местности, воспользовавшись возможностью уехать в город и изменить свой социальный статус. Также может быть, они не оставались в родной деревне, вследствие партийной или иной деятельности меняя место жительства и не встречаясь нам в качестве старожилов. А может быть, «вполне советские» люди меньше или хуже помнили о доколхозном землепользовании (предмете нашего первоначального интереса) или же, по причине сложившегося у них отрицательного образа прошлого, менее охотно о нем рассказывали.

Остается надеяться, что дальнейшее тщательное изучение крестьянских биографий на более широком материале поможет вполне однозначно ответить на вопрос о степени проникновения советской идеологии в сознание этой части общества.

Александр Буров

Пример социального творчества первой волны русской эмиграции

Штрихи к биографии
Ивана и Тамары Лаговских
(По материалам парижского архива РСХД)

Александр Анатольевич БУРОВ

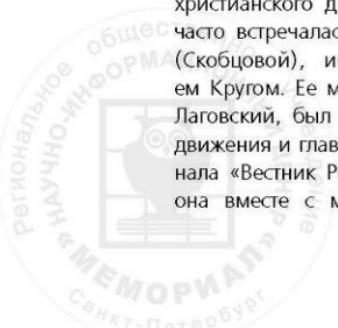
старший научный сотрудник
Государственного музея истории
религии

aburov68@gmail.com

Супруги Иван Аркадьевич (1889–1941) и Тамара Павловна (1911–2004) Лаговские – замечательные представители первой волны русской эмиграции.

Тамара Павловна Лаговская-Милютина – внучка протоиерея Николая Бежаницкого, спасшего от смерти группу участников революции 1905 года, расстрелянного большевиками в 1919 и впоследствии причисленного РПЦ к лику святых. Ее мать Клавдия Николаевна Бежаницкая – одна из первых женщин-выпускниц Тартуского университета, основательница и заведующая туберкулезной больницей в Тарту.

Первые годы замужества (начало 1930-х) Тамара Павловна провела в Париже. Круг ее общения составляли члены Русского студенческого христианского движения (РСХД), она часто встречалась с матерью Марией (Скобцовой), иконописцем Григорием Кругом. Ее муж, Иван Аркадьевич Лаговский, был одним из секретарей движения и главным редактором журнала «Вестник РСХД». Затем, с 1933, она вместе с мужем жила в Тарту,

занималась организацией жизни РСХД в Эстонии. После советизации Эстонии Лаговские были арестованы. Иван Аркадьевич в 1941 был приговорен к расстрелу, Тамара Павловна 13 лет провела в советском лагере и ссылке. Только в 1957 она вернулась в Эстонию, в Таллин, со вторым мужем И.К. Милитиным и двумя родившимися в Сибири сыновьями.

С 1962 началась дружба Тамары Павловны с Зарой Григорьевной Минц (женой Ю.М. Лотмана) и с другими сотрудниками кафедры русской литературы Тартуского университета. После переезда в родной Тарту в 1989 ее дом стал местом постоянных встреч преподавателей, студентов и гостей кафедры.

В 1997 за книгу воспоминаний «Люди моей жизни» Тамара Павловна была удостоена премии имени Игоря Северянина. Она всегда подчеркивала, что прожила счастливую жизнь, т. к. ей «везло на людей», «всегда было о ком заботиться» и ее «молодость прошла под высокими звездами РСХД».

Иван Аркадьевич Лаговский также происходил из духовного сословия: типичный «попович», сын священника, успешно прошедший все ступени словесного образования – духовное училище, семинария и академия. Но по окончании академии сана не принял, работал учителем русского языка и словесности в средних учебных заведениях Екатеринослава (ныне Днепропетровск, Украина). Преподавательскую деятельность совмещал с обучением на филологическом факультете университета.

Как и многие интеллигентные люди его поколения, Иван Лаговский в молодости отдал дань радикальным настроениям – в годы учения был непродолжительное время близок к эсерам.

Во время Гражданской войны вместе с остатками армии Врангеля он оказался сначала в Константинополе, а затем на Корсике (Франция), где работал чернорабочим, позже – помощником каменщика. В 1923 Иван Лаговский стал студентом-стипендиатом русского Педагогического института в Праге и закончил его в 1926. Там он познакомился с Василием Васильевичем Зеньковским, от него узнал об РСХД и вскоре вступил в движение. 1 декабря 1925 вышел первый номер движеческого журнала «Вестник РСХД» под редакцией И. Лаговского и Н. Зернова.

Благодаря своим широким познаниям и энергии, Иван Аркадьевич привлек внимание руководителей движения и был приглашен в Париж. Там в 1926 он стал ассистентом кафедры психологии и педагогики Свято-Сергиевского богословского института и вошел в состав Центрального секретариата РСХД. Помимо преподавания в институте, Иван Аркадьевич активно включился в работу РСХД – участвовал во всех его съездах в 1920-е – 1930-е, принимал участие в деятельности Религиозно-педагогического кабинета, в издании «Бюллетеня религиозно-педагогической работы» и т. д.

Иван Аркадьевич пользовался большой любовью и авторитетом среди движечников, – это был серьезный и одновременно светлый и жизнерадостный

человек. Прожив первые послереволюционные годы в Советской России и зная на собственном опыте, что творилось на родине, он стал крупнейшим специалистом по положению Церкви в СССР и был блестящим апологетом христианства. О России он регулярно писал статьи в «Вестнике РСХД» (рубрика «Там, где с Богом борются») и в журнале «Путь». В «Вестнике» опубликовано около пятидесяти его статей. Н.М. Зернов вспоминал: «Лаговский, третий секретарь Движения, всецело принадлежал России. Иван Аркадьевич, несмотря на годы изгнания, не осилил ни одного из иностранных языков. Он не был шовинистом, сочувствовал экуменической работе, но сам жил только родиной и болел ею. Он внимательно следил за всем, что случалось на антирелигиозном фронте, и был лучшим экспертом в эмиграции по этому вопросу. Его статьи давали исчерпывающую информацию на эту тему. Он был увлекательный оратор, его доклады о России были всегда полны точных фактов и продуманных заключений. Говорил он с неподражаемыми жестами, выделяя руками сложнейшие выкрутасы и придавая лицу самые неожиданные выражения»¹.

В 1933 И.А. Лаговский был послан в Прибалтику, в Таллин, чтобы помочь развиваться местному отделению движения. Иван Аркадьевич очень ответственно подошел к этому делу, работал не только со студентами, но и среди крестьянской молодежи, создал Русское крестьянское христианское движение. Он организовывал молодежные кружки и съезды движения в Эстонии и Литве, преподавал в Тартуском университете, был членом административного совета православного прихода в Тарту. Руководителем РСХД в Эстонии Иван Лаговский был с 1934 по 1939. Благодаря усилиям Ивана Аркадьевича, вкладывавшего в работу всю свою душу, деятельность РСХД в Эстонии в эти годы резко активизировалась, стала очень разнообразной и широкой, начала оказывать влияние на всю духовную жизнь русских в Эстонии.

После присоединения прибалтийских стран к СССР Иван Аркадьевич был арестован 5 августа 1940 по «делу деятелей РСХД в Эстонии», этапирован в Ленинград, на допросах был подвергнут пыткам. Военным трибуналом Ленинградского военного округа 25 апреля 1941 И.А. Лаговский был приговорен к смертной казни по ст. 58-4 и 58-11 ч. 2 УК РСФСР («контрреволюционная деятельность», «участие в антисоветской организации»). Расстрелян 3 июля 1941, в возрасте 51 года. Предположительное место захоронения Ивана Аркадьевича и двух других движенцев – Левашовское кладбище под Петербургом, где погребены останки десятков тысяч жертв советского террора.

Лаговский реабилитирован судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 6 августа 1990. Он был причислен к лику мучеников деянием Священного Синода Константинопольской православной церкви от

¹За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. – Париж: YMCA-Press, 1973. – С. 145.

22 февраля 2012. Церковная память новомученика Иоанна Лаговского установлена 14 июня, в День памяти жертв коммунистического террора в Эстонии.

В парижском архиве РСХД хранятся восемь писем Лаговских А.В. Морозову (три письма от Ивана Аркадьевича и пять от Тамары Павловны). Их адресат Андрей Вадимович Морозов – председатель местного отделения РСХД во Франции². Письма охватывают период с декабря 1935 по июль 1936.

Этот интервал приходится на новый этап в истории эмиграции, начавшийся после 5 декабря 1934 – даты первой встречи министров иностранных дел Франции и СССР Пьера Лаваля и М.М. Литвинова, которая привела к заключению 2 мая 1935 франко-советского договора о взаимопомощи и визиту Лаваля в Москву 13 мая. Оформление франко-советского союза вызвало кризис внутри русской эмиграции, и каждый должен был четко определить свою позицию. Жесткое размежевание прошло между правыми и левыми. Младороссы и «Витязи» заняли ультранационалистическую позицию. «Левые» евразийцы, напротив, были готовы к идеино-политическому сближению и сотрудничеству с советской властью и думали о возвращении на родину (например, Н. Клепинин и С. Эфрон уехали в СССР в октябре 1937).

Общий кризис эмиграции коснулся и РСХД. З 5 ноября 1934 (по другим данным, в октябре 1934) глава юношеского отдела движения Николай Федорович Федоров вместе с парижской «Дружиной витязей» вышел из состава РСХД и создал «Национальную организацию витязей». Мотивы своих действий «витязи» объясняли тем, что руководители движения недостаточно национально ориентированы и им чужды традиции Российской императорской армии.

Руководство движения попыталось сделать шаг к преодолению раскола «справа». Осенью 1935 секретарем РСХД во Франции был избран известный своими правыми политическими взглядами А.И. Никитин. Движение заметно «поправило»: Никитин, стремясь воссоединиться с Федоровым, организовал отделение РСХД от YMCA. Это вызвало ответную реакцию: мать Мария (Скобцова) и Н.А. Бердяев создали объединение «Православное дело», в ряды которого вошли антинационалистически настроенные члены движения.

Отголоски парижских бурь доносились до Эстонии, и они слышны в письмах Лаговских Морозову. При этом меньше всего они походят на письма функционеров. В письмах Лаговские делятся и личными переживаниями. Поздравляют с церковными и светскими праздниками: «Языческое состояние души – предновогоднее»; «Праздники у нас прошли шумно и многолюдно.

²«Кроме платных сотрудников, профессоров и иностранных друзей, Движение опиралось в своей работе на целый ряд даровитых и церковно настроенных руководителей, которые совмещали или учение или профессиональную деятельность с участием в различных кружках и в других начинаниях Движения. Некоторые из них отдавали ему все свое свободное время, как например Андрей Вадимович Морозов (р. 1897), в течение многих лет возглавлявший Парижский комитет» (Цит. по: За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд: Хроника семьи Зерновых. - С. 145–146).

Это особенно действует на Ивана Аркадьевича. Он очень утомленный. А мы с мамой уже закалены» (письмо № 2 Т.П. Лаговской от 05.01.1936 из Тарту), а также живыми бытовыми подробностями: «Мама читает „Трех мушкетеров“. (Какое падение духовности!) Тамара вяжет джемпер. Я плету сети для подсачков. Загорели хорошо... с ног до головы» (письмо № 8 И.А. Лаговского от 17.07.1936).

Конечно, в письмах постоянно присутствует тема Советского Союза, который находится в непосредственной близости от Эстонии. Лаговские очень внимательны к малейшим изменениям в советской политике и жизни. Советский агитпроп активно действовал на территории сопредельных государств: прямое радиовещание, документальные фильмы, печатная продукция, даже туристи-ческие поездки в Союз для жителей балтийских государств.

В письме № 1 от 12.12.1935 Тамара Павловна анализирует советский документальный фильм о спортивном параде в Москве. Она отмечает, что советские физкультурники практикуют элементы сокольской гимнастики³. По ее мнению, это признак серьезных изменений политики советского государства. В другом письме (№ 5 от 15.04.1936) она упоминает о советской книге об МХТ.

Там же Тамара Павловна пишет о знакомых, побывавших на экскурсии в Советской России. Передает их впечатление от «экскурсий под надзором». У своей тетки Лаговская нашла «интересную литературную газету из России». Тщательно изучив ее, Тамара Павловна обращает внимание на «новеллу о лесоповале», в которой «они развенчали их хваленого выдвиженца рабочего». «Очень интересно, во что все это обернется». Она отмечает, что «сейчас прошлое в честь входит и его начинают уважать». Эмигранты ожидают внутренне-го перерождения советской власти. И малейшие признаки изменения вектора советской политики, условно говоря, с «интернационального» на «патриотиче-ский», которые имеют место в Советском Союзе в середине 1930-х, четко ими фиксируются. «У них ведь теперь крутой поворот от всего, что было раньше».

Такой поворот советской политики вызывает отклик у русского национального меньшинства в Эстонии, с которым, главным образом, и работают движенцы. В письме № 4 (март 1936) Тамара Павловна рас-сказывая о гостившем в их доме «мальчике из Печер – члене Крестьянского Движения», выражает беспокойство действенностью советской пропаганды («его от радио не оторвать»). Это притом, что «очень хорошо Крестьянское Движение. Такое оно непосредственное и вперед устремленное».

³Сокольское движение – молодежное спортивное движение. Хотя официально провозглашалось не-политическим, являлось важным носителем и распространителем идей национализма славянских народов и панславизма. В России в 1910 был создан Союз русского сокольства. В Советском Союзе с 1923 сокольство было запрещено, многие его руководители арестованы. Русское сокольское движе-ние продолжило существование в эмигрантской среде.

Тема, связанная с кризисом движения РСХД, постоянно присутствует в письмах Лаговских. Так, Тамара Павловна несколько раз упоминает о том, что Морозов вынужден переехать из центра Парижа (бульвар Монпарнас, где до 1936 размещался секретариат движения) в пригород Компьень. «Как Вы живете в Компьень? Представляю Вас только в Монпарнасской обстановке», – пишет она в письме № 4 в марте 1936.

Понимание Лаговскими сложной внутренней ситуации в РСХД находит свое выражение в их поддержке А.И. Никитина. Он тепло упоминается трижды – в двух письмах Ивана Аркадьевича (письмо № 3 от 21.01.1936 и письмо № 8 от 17.07.1936) и в письме Тамары Павловны (письмо № 4, март 1936). В письме № 3 Лаговский, упоминая о своем послании движеницам, направленном через Никитина, сочувственно пишет о «множестве хлопот» последнего и, в связи с этим обстоятельством, просит Морозова помочь, чтобы Никитин не забыл об этом послании. Отдельно, в приписке, сделанной от руки (основной текст письма напечатан на машинке), Лаговский еще раз упоминает о своем письме Никитину. В письме № 8 Иван Аркадьевич, реагируя на рассказ Морозова о местном съезде РСХД во Франции, выражает надежду на выход движения из кризиса: «Страшно рад, что все прошло с надеждой и упованием. Я как-то крепко верю в то, что, в конце концов, именно в „общем целом“ Движения вырастет новая линия и новый путь». И далее следуют слова ободрения, адресованные лично Никитину: «Дай Бог, чтобы Александр Иванович оправился и справился».

Тамара Павловна, пересказывая кратко содержание письма Льва Александровича Зандера⁴ из Парижа, оценивает усилия, предпринимаемые Никитиным по улучшению материального положения движения, как «героические». Она менее сдержанна и по-женски непосредственна в выражении своих эмоций: «Бедный Александр Иванович, ему должно быть очень трудно».

Лаговская пишет Морозову о том, что он «прелестно описал войну Лурмелии и Бурделии»⁵, недвусмысленно намекая на раскол движения в связи с выходом из него «Православного дела» во главе с матерью Марией (Скобцовой). Ее симпатии явно на стороне Никитина, и Тамара Павловна резко негативно оценивает ситуацию: «Ужасно нехороша роль матери Марии! Меня только огорчает, что она всех втягивает в свою сферу и никто не протестует. Недавно

⁴Л.А. Зандер – один из организаторов и руководителей РСХД за границей. Был предшественником И.А. Лаговского на посту секретаря РСХД в Прибалтике (1929–1933). С 1936 генеральный секретарь движения.

⁵От названий парижских улиц Лурмель и Бурдель. На улице Лурмель размещался приют для обездоленных эмигрантов, основанный матерью Марией (Скобцовой), и управление «Православного дела». Штаб-квартира РСХД на бульваре Монпарнас находилась недалеко от улицы Бурдель. Одно из мест компактного проживания русских эмигрантов в Париже, в т.ч. членов РСХД.

читала, что о. Сергий Булгаков читал у нее доклад. Он мог бы ради Движения уклониться от этого».

Другим полюсом критики движения, противоположным м. Марии и возглавляемому ей «Православному делу», была иерархия Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), отличавшаяся фундаментализмом. Ее представители постоянно пытались подчинить РСХД своему влиянию. Письмо № 6 от 12.04.1936 написано Лаговским из Софии, где он находился в командировке с целью помочь местным движенцам провести конференцию о «религиозном смысле культуры». Здесь Иван Аркадьевич получил четкое представление о позиции РПЦЗ, сформулированной в проповеди яркого ее представителя архиепископа Серафима (Соболева). Лаговский пишет: «Слух о конференции доведен до архиепископа Серафима (Соболева), критика о. Сергея [Булгакова]. Архиепископ стал громить в своих проповедях культуру. „И сие спасительно для Вас, возлюбленные, знать“, и грозная тирада против „богохульного писания Л. Толстого“, и „о сем для Вашего спасения надлежит предупредить“, и рассуждения на тему о развращающем влиянии „модернизма в православии“ в связи с увлечением танцами и плотской похотью... Ой, Господи... А когда переходит к „образцам здравого учения“, так начинаешь думать, что в аду, за последним 9-м кругом – лежит еще 10 – обреченность слушать архиерейские поучения о „Здравом понимании православия“... Хуже для меня, грешного, озера серного. Прости его Господь!». Такая позиция правящего русского архиерея, да еще в условиях тяжелой в материальном плане жизни в Болгарии, не могла не сказаться на состоянии движения. «С Движением встретился по-настоящему так только маленький разок – на Благовещение было общее собрание. Студенты вовсю работают, кто на фабрике, кто где. Вырваться на несколько часов – задача довольно трудная».

Напряженные отношения с матерью Марией отнюдь не означали полного разрыва. Более того, в письме № 7 от 20.07.1936 Тамара Павловна доверительно сообщает Морозову, что ее супруг на днях получил письмо от одного из ближайших соратников м. Марии и лидеров «Православного дела» И.И. Фундаминского с планами перевести в Тарту издание «Современных записок», одного из крупнейших и авторитетнейших журналов эмиграции. «Это дает работу нескольким студентам и вообще будет интересно», – искренне радуется Тамара Павловна.

Как же можно определить собственную позицию Лаговских в этот непростой для РСХД период? Рискнем назвать ее «движеноцентричной». Вот что пишет Иван Аркадьевич в письме № 8 от 17.07.1936:

«Сейчас уже потянуло к чтению – сегодня даже посмотрел последний № „Пути“. Любопытно. И несколько грустно. Полемика – нужнейшая, а вместе какое-то чувство „бесполезной безысходности“. Все утвердились в своих точках зрения и в сущности как-то не задумываются об основном – о созидании,

о новом, о положительном, о росте... М. б. всех выше в этом отношении Н.А. Бердяев, но и в нем – слишком много только о себе и о своем.

Не знаю, трудно это выразить... Еще слишком много в этой полемике случайного, похожего на почесывание и раздражение, которое бывает у человека, когда его укусила муха или комар. Еще до созерцания истины, до любви к жизни в ее многообразных явлениях, до понимания правды любви к человеку, к живому, данному, милому для сердца во всем своем целом не поднялись. Застыли в заостренности точки зрения, ее адекватности истине... Не знаю, понятно ли пишу. Боюсь, что не понятно. Когда пытался нечто подобное развить в присутствии В.В. [Зеньковского]⁶ и С.С. Верховского⁷, был обвинен в „релятизм“... Ну, ладно».

Из приведенного отрывка следует, что Лаговский, крайне болезненно переживая разделение эмиграции в целом и движения в частности, пытался обрести единство в «положительной», «созидательной» работе во имя «любви к человеку, к живому, данному, милому для сердца во всем своем целом». Однако эта благородная позиция «христианского гуманизма», вдохновленного духом «Пшеровской пятидесятницы»⁸, не находила понимания даже у близких ему руководителей движения.

Тем не менее, можно сказать, что «линия» Лаговского имела успех. В течение 1936 года единение членов РСХД постепенно укреплялось. Объединению способствовало и то, что в ответ на нападки Синода РПЦЗ и Московской патриархии на о. Сергея Булгакова 6 апреля 1936 «Вестник РСХД» опубликовал статью Лаговского в защиту богословских взглядов о. Сергея Булгакова. А 1 октября 1936 генеральным секретарем движения был избран близкий к о. Сергию Булгакову Лев Зандер. Движение стало позиционировать себя не как антибольшевистское, а как объединение верующей молодежи, способной вести «борьбу с современным материализмом и атеизмом». Его важнейшая задача определилась как развитие «активного христианства»⁹.

Наследие РСХД представляет большой интерес для историков русского зарубежья и религиоведов. История движения в целом и, в частности, РСХД в Эстонии, тесно связанная с судьбами супругов Лаговских, изучена еще далеко не во всей полноте. Надеемся, что данная статья послужит пробуждению интереса исследователей к этим важным аспектам жизни русской эмиграции.

⁶ Председатель РСХД в 1923–1962.

⁷ В РСХД один из активных членов и руководителей.

⁸ г. Пшеров (Чехословакия) – место проведения в 1923 первого организационного съезда РСХД за границей. В истории движения за ним закрепилось название «Пшеровской пятидесятницы».

⁹ Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – Киев: Феникс, 2000. – С. 457.

Марко Клементи

История корабля «Пенчо» и судьба его пассажиров

Марко КЛЕМЕНТИ

доктор исторических наук,
Университет Калабрии
Государственный архив Додеканеса,
Родос

...Мы, члены Народного совета, представители еврейского населения Эрец-Исраэль и сионистского движения, собрались в день истечения срока британского мандата на Эрец-Исраэль, и в силу нашего естественного и исторического права, и на основании решения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, настоящим провозглашаем создание еврейского государства в Эрец-Исраэль – Государства Израиль. <...> Уповая на Твердыню Израиля, мы скрепляем нашими подписями сказанное в настоящей Декларации на заседании Временного государственного совета на родной земле, в городе Тель-Авиве, в сей день, канун субботы, 5 дня месяца Ияр года 5708, 14 мая 1948 года¹.

Данной декларацией Бен-Гуриона, подписанной членами Народного совета, было образовано израильское государство. Все законы, входившие

marcoclementi@hotmail.com

¹ Текст декларации приводится по: Электронная еврейская энциклопедия. – <http://www.eleven.co.il/article/11392>.

в «Белую книгу» о Палестине, принятую Великобританией 17 мая 1939, были отменены². Каждый, кто в последние десять лет считался «беженцем» и потерял свое право на гражданство, стал гражданином новой страны. Так завершилась глава истории, открытая в 1933 с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера. Эти драматические 15 лет для европейских евреев были наполнены беспрецедентными испытаниями, их рассматривали как последний этап холокоста. В антиеврейском законодательстве, принятом тогда сначала в Германии, а затем во многих европейских странах³ и сыгравшем роковую роль в судьбах европейских евреев, я вижу множество элементов «модерна», с них начались современные процессы перемещения населения. Возникло огромное количество беженцев, как в абсолютном, так и в относительном выражении, – сперва в результате расовых законов, а затем вследствие прямых преследований во время Второй мировой войны. Фигура беженца (беженец военного времени и «социальный беженец» в более поздние времена), на мой взгляд, на протяжении XX века становится главным действующим лицом в истории. Таким же образом осуществился геноцид армян в Османской империи: в мае 1915 партия младотурок приняла «временный» закон о депортации, и во время перемещения сотен тысяч людей в пустыни Сирии начались резня.

Миллионы беженцев появились в результате мировых войн, сотни тысяч людей в Советском Союзе были высланы в отдаленные регионы страны вследствие аграрной и промышленной политики советского правительства 1930-х. Миллионы людей были заключены в нацистские концлагеря, где умерли от голода или были убиты. Новая эпоха, помимо военных беженцев, порождает «социальных беженцев» в результате процесса джентрификации⁴. На основе этой реальности родилась новая терминология, которая обобщает происшедшее: *Heimatloser/loserin* (те, кто потерял свою родину)⁵.

С 1933, после того, как философ Ханна Арендт покинула Германию и, по крайней мере, до 1951, когда получила американское гражданство, она считала себя именно *Heimatloserin*. Евреи становились «лишним меньшинством», а «еврейский вопрос» представлялся по-новому: мир перестал признавать евреев в качестве лиц с правом на какое-либо гражданство. Для этого нового

²Эти шагом Англия, которая в 1921 получила от Лиги Наций мандат на Палестину, значительно ограничила еврейскую иммиграцию в регионе.

³ Cappelli A., Broggini R. (a cura di). Antisemitismo in Europa negli anni Trenta. Legislazioni a confronto. – Milano. Franco Angeli, 2001.

⁴«Джентрификация» (gentrification) – комплексное изменение городской среды, происходящее в результате реконструкции и обновления старых промышленных городских кварталов (создание элитного жилья). В 1960-е термин приобрел социально-классовый смысл: вытеснение средним классом предыдущих жителей из мест традиционного обитания.

⁵ Traverso E. Auschwitz e gli intellettuali. La Shoah nella cultura del dopoguerra. Il mulino. – Bologna, 1994. – P. 49–50.

правового положения Арендт ввела понятие *Weltlosigkeit* (состояние того, кто утратил свой мир)⁶.

К концу 1930-х и после начала Второй мировой войны были созданы организации в помощь евреям и для их спасения. В Италии такая организация называлась «Delasem» («Деласем»), она была создана в 1939; более широкую сеть и международный характер имели «Новая сионистская организация» (НСО) и «Моссад ле-Алия Бет». В основном они занимались организацией так называемой «нелегальной» иммиграции евреев в Палестину⁷.

В этом контексте ярким примером представляется история речного парома «Пенчо» и его пассажиров. В мае 1940 «Пенчо» отправился из Братиславы по Дунаю с 400 евреями на борту (в основном словаки и чехи) с целью достичь берегов Палестины. Поездка была организована «Алия Бет» и НСО, и на судне находились их представители: тридцатилетний Золтан Шалк и 23-летний Александр Цитрон. Путь по Дунаю в то время был самым надежным для побега, потому что река считалась «интернациональной» и не было необходимости получения транзитных виз. Первоначально поездка планировалась на август 1939, но тогда на судне «Noemi Julia» отбыла группа польских евреев, так как их положение с началом войны стало крайне опасным. Второй корабль ждал в Марселе, но из-за войны еврейские беженцы не смогли перебраться во Францию. Только зимой 1939 болгарский агент НСО Рувим Франко (Reuben Franco) нашел в порту Браила на Дунае еще одно судно. Это был колесный пароход «Стефан», он был зарегистрирован в Неаполе, имел 165 футов длины и 40 ширины; правда, судно находилось в плохом состоянии и требовало ремонта. Тем не менее, чтобы не потерять, как казалось, последний шанс покинуть Европу⁸, Шалк принял решение купить пароход. Как часто бывает в таких ситуациях, судно было приобретено по очень высокой цене, к тому же его нужно было отремонтировать и приспособить к перевозке сотен людей. Пароход переименовали в «Пенчо» («Pentcho») (болгарское имя и боевой псевдоним Р. Франко), над ним подняли болгарский флаг.

18 мая 1940 группа примерно из 400 евреев покинула Братиславу. Цитрон и Шалк дали четкие указания, согласно которым в поездке не должны были принимать участие люди старше 45 лет, больные и дети дошкольного возраста. Однако это осталось только на бумаге. Также, несмотря на то, что число пассажиров теоретически было ограничено, на судне их оказалось больше, к тому же по указанию НСО по пути к ним присоединились еще около

⁶ Arendt H. Ebraismo e Modernità. – Milano: Feltrinelli, 1986. – P. 35.

⁷ В последнее время историографический спор вызывает следующий вопрос: в те годы иммиграция была нелегальной или неоформленной? См.: Patek A. Jews on route to Palestine 1934–1944. Sketches from the History of Aliyah Bet – Clandestine Jewish Immigration. – Crakow: Jagellonian University Press, 2012.

⁸ Bierman J. Odissey. – London: Severn House, 1984. – P. 24.

ста человек, которые были выпущены немецкими властями из Дахая при условии, что они покинут страну. Согласно докладу Цитрона эмиграционному управлению НСО в Бухаресте, всего на пароме находилось 514 пассажиров, в том числе 12 детей в возрасте до 5 лет, 15 – в возрасте до 12 лет, 130 женщин и 98 «стариков» (неясно, имеются ли ввиду люди старше 45 лет)⁹.

Путешествие было трудным по разным причинам. Во первых, «Пенчо» было затруднительно передвигаться по Дунаю, в русле которого имелись сложные для судоходства места, такие как «Железные ворота» на границе Югославии и Румынии. Во вторых, расположенные по берегам Дуная государства (Венгрия, Югославия, Румыния и Болгария), связанные в начале войны нейтралитетом, имели свои резоны быть враждебно настроенными к еврейским беженцам и не хотели иметь с ними дела.

Несмотря на все сложности, 14 сентября 1940 корабль дошел до Черного моря, а через неделю вышел из порта Сулина в открытое море. Однако морское путешествие закончилось катастрофой. «Пенчо» прошел через проливы и достиг Эгейского моря. Здесь греческие военно-морские власти направили корабль к острову Лесбос. Греция готовилась тогда к возможной итальянской агрессии и не могла предложить убежища пассажирам. Они были вынуждены продолжить свое путешествие, хотя судно находилось в плачевном состоянии. Неизбежная катастрофа произошла в центре Эгейского моря, возле необитаемого острова Камилониси, в 35 милях к северу от Крита и приблизительно в 60 милях к западу от архипелага Додеканес. «Пенчо» затонул, но всем его пассажирам удалось пережить кораблекрушение – они перебрались с тонущего судна на остров. Через несколько дней они были обнаружены пилотами итальянской авиации, по сигналу которых с Родоса за беженцами пришел военный корабль «*Camogli*» под командованием капитана Карло Орланди. Это было 23 октября 1940, за пять дней до начала итalo-греческой войны¹⁰.

На спасении потерпевших крушение заканчивает первую часть этой истории, которая – хотя корабль утонул – всегда будет связана с «Пенчо». Сначала беженцы были размещены в палаточном лагере на острове Родос, а затем, 24 декабря, переведены в казармы San Giovanni. Несмотря на хороший прием итальянских властей, проблем было много. Восемь беженцев умерли от голода, имелись больные и ослабленные длительным путешествием. У людей не было даже одежды – многие потеряли все имущество во время кораблекрушения¹¹. В 1941 по инициативе одного из беженцев, Эрвина Гросса, были собраны статистические данные. В целом тогда на Родосе находились

⁹ Centro di Documentazione ebraica di Milano (CDEC). Fondo Kalk. Busta 3. Fascicolo 40.

¹⁰ О фазах спасения пассажиров «Пенчо» см.: Pignataro L. I naufraghi del Pentcho // Nuova Storia Contemporanea. – 2012. – № 1.

¹¹ CDEC. Fondo Kalk. Busta 3. Fascicolo 40. Class 1.4. Ricordi di Enrico Wisla. Traduzione italiana di Kalk.

505 человек, прибывших на «Пенчо»: 351 мужчина и 154 женщины, из них 33 ребенка в возрасте до 15 лет (18 мальчиков и 15 девочек). Женщин в возрасте от 41 до 72 лет было 34, мужчин – 78 (22,2% от общего числа); в возрасте от 20 до 40 лет: женщин – 103, мужчин – 257 (71,2 %)¹².

1941 год прошел для них без инцидентов, но в конце концов продовольственный кризис военного времени и опасность, нависшая над беженцами в связи с решением немецких властей о депортации всех евреев из оккупированных и союзных стран, привели итальянские власти Родоса к решению перевести бывших пассажиров «Пенчо» на материковую Италию.

В январе и марте 1942 двумя группами они были направлены в Южную Италию, где были интернированы в лагерь «Ferramonti» под городом Козенца¹³. Лагерь в Феррамонти был создан для политических заключенных фашистского режима, но с вступлением Италии в войну в 1940 было решено заключать туда иностранных евреев, которые в то время нашли убежище в Италии или в ее колониях¹⁴. Первая группа евреев прибыла в лагерь в августе 1940 – около 250 польских студентов, обучавшихся медицине в Болонье. Затем поступила вторая группа – из Ливии и, наконец, группа с Родоса. Всего в мае 1943 в лагере Феррамонти было 1500 евреев.

Как только беженцы с Родоса оказались в Италии, им стали помогать две организации: уже упоминавшаяся «Деласем» и «La mensa per bambini di Milano» («Детская столовая в Милане»), директором которой был Израиль Калк, бизнесмен латвийского происхождения. Калк жил в Милане с 1920-х и после принятия Италией расовых законов организовал общество спасения евреев. 13 февраля 1942 «Деласем» обратился с призывом «ко всем заключенным Феррамонти»¹⁵. Затем «Деласем» стала собирать средства в разных городах Италии для поддержки беженцев. Первая помощь, предоставленная «Детской столовой» Калка, также выражалась денежной суммой. В начале апреля 1942 Калк лично отправился в Феррамонти, везя с собой одежду, 70 пар обуви, лекарства, жидкое мыло, продукты питания и игрушки для детей. Возвратившись из лагеря, он написал обращение к своим друзьям и финансистам Милана: «Помогайте беженцам и помните, что 3000 лет назад ваши предки были беженцами в Египте». И еще: «Мы хотим сделать все

¹²Ibid. Statistik des Gesundheitszustandes.

¹³О лагере «Ferramonti» см.: Capogreco S. Ferramonti. La vita e gli uomini del più grande campo d'internamento fascista, 1940–1945. – Firenze: Giuntina, 1987; Rende M. Ferramonti di Tarsia. Voci da un campo di concentramento fascista. – Milano: Mursia, 2009.

¹⁴Как ни удивительно, но после 1933 многих евреев приехали в Италию с туристической визой. Большинство из них собирались отправиться дальше из итальянских портов Риека или Триест, и некоторым это удавалось. Многие, однако, остались в Италии. Согласно «Закону о защите расы» (ноябрь 1938), у них было шесть месяцев, чтобы покинуть страну, но и тогда многие остались, так как им некуда было ехать.

¹⁵CDEC. Fondo Kalk. Busta 3. Fascicolo 40. Aufruf an alle Internierte von Ferramonti, den 13 Februar 1942.

возможное, чтобы время вынужденного пребывания в Италии было лишь этапом на пути к благополучию и счастью, от мучительного прошлого и невероятных трудностей – к новому отечеству»¹⁶.

После падения власти Муссолини (25 июля 1943) и выхода Италии из войны (8 сентября) союзники смогли освободить всех интернированных в Южной Италии, в том числе из лагеря «Феррамонти» (16 сентября). 240 бывших пассажиров «Ленчо» решили уехать в США. Остальные ожидали в Италии возможности уехать в Палестину и получили визы в 1944, несмотря на политику Англии, которая продолжала препятствовать иммиграции евреев вплоть до 1947. Из-за этого и после войны многие евреи уезжали в Палестину «нелегально». Примерно 23 тысячи евреев отправились туда из Италии, а именно – из порта города Специя¹⁷.

В 1965, в связи с 25-й годовщиной прибытия на Родос, группа бывших беженцев с «Ленчо» повторила последний этап своего путешествия – с Родоса в Феррамонти, где посетила лагерь и кладбище, на котором похоронены их товарищи. 20 апреля 1965 в Тель-Авиве в зале гостиницы «Двор» состоялся официальный вечер, на котором присутствовал итальянский атташе Альдо Пьерантони. В знак признательности итальянским властям за спасение «Комитет эмигрантов судна „Ленчо“ в Израиле» выразил «свою симпатию и восхищение к итальянскому народу за его гуманное отношение во время нашего пребывания в областях Родос и Феррамонти»¹⁸.

Р. С.

Когда я готовил эту статью, еще не было известно, что на Родосе находится секретный архив итальянской полиции за 1932–1945. Мне, вместе с директором Госархива Додеканеса, удалось его открыть только в декабре 2013. Архив переехал из здания греческой полиции (где находился закрытым 66 лет) в помещение Госархива, и теперь идет его инвентаризация. Там я нашел личные дела А. Цитрано и других пассажиров «Ленчо», история которых еще далека от своего завершения.

Марко Клементи

Родос, 11 февраля 2014

¹⁶Ibid. Busta 4. Fascicolo 42. Circolari, Allocuzioni, Corrispondenza, attività assistenziale mensa dei bambini.

¹⁷ Поэтому Специю называют в Израиле «Сионские ворота».

¹⁸CDEC. Fondo Kalk, X. Incontri e Congressi nel dopoguerra. Busta 8. Fascicolo 137. Incontro profughi Pentcho. Tel Aviv. F. 137.

Наталья Крук

Последние шарапки – СТБ МВД в Металлострое

Наталья Семеновна КРУК

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

ОКБ, СКБ, ОТБ, ОКТБ и другие конструкторские, технические, технологические бюро в системе ГУЛАГа возникли в конце 1920-х, когда началась борьба с «вредительством» на предприятиях. В результате этой кампании многие квалифицированные специалисты оказались в тюрьмах, лагерях, ссылке. И тогда же появилась идея использовать труд высококвалифицированных специалистов в специальных тюрьмах, в которых они должны были заниматься конструкторскими, проектными, технологическими разработками для оборонной промышленности. Идея, как оказалось, не новая. Есть мнение, что так называемые «шашки» впервые возникли не в нашей стране, а в США. И не в двадцатых годах двадцатого столетия, а раньше, в 1917. В статье М.Ю. Морукова (Институт российской истории РАН) об этом сказано так: «Первое в новейшей истории конструкторское бюро, в котором использовался принудительный труд, возникло в 1917 году в США. Силами содержавшихся под арестом инженеров

был в течение месяца спроектирован и испытан авиационный двигатель „Liberty“, основной двигатель американской авиации в начале 1920-х годов¹.

В СССР использование принудительного труда специалистов в созданных в системе ГУЛАГа конструкторских и технических бюро за 20–30 лет приобрело масштабы, невиданные ни в одной стране мира. В Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове, на Селигере, в Сибири и во многих других местах Советского Союза под надзором работали ученые и инженеры, через шарашки прошли А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.М. Петляков, В.П. Глушко, В.М. Мясищев, Б.С. Стекчин и многие другие известнейшие ученые и конструкторы.

Организовывались ОТБ, СКБ ОГПУ–НКВД по штатам обычного конструкторского бюро, имели такие же подразделения, а также библиотеку, архив. Основной штат состоял из заключенных инженеров, конструкторов, научных работников, с включением некоторого количества вольнонаемных сотрудников. Иногда шарашки выходили территориально за пределы тюрем и лагерей. На некоторых предприятиях НКВД–МВД организовывало свои ОКБ. Тюремные решетки, спецохрана и другие характерные лагерные приметы выдавали статус такой организации.

Шарашки активно работали до смерти Сталина в марте 1953. Их ликвидация началась 30 марта 1953 приказом МВД СССР № 0046: деятельность ОТБ, которое представлял собой подотдел 4-го спецотдела МВД², была прекращена. Расформирован был и весь 4-й спецотдел МВД. Некоторые шарашки продолжали функционировать еще какое-то время. А СТБ в Металлострое вообще появилось уже после того, как началась ликвидация всех шарашек, и просуществовало около трех лет. Заключенные специалисты, работавшие в основном в ОКБ-172 (находилось в тюрьме «Кресты» в Ленинграде) и СТБ в г. Красногорске Московской области, у которых к тому времени срок заключения не был закончен, были направлены во вновь организованное СТБ в Металлострое³.

В Центральном государственном архиве научно-технической документации СПб. (ЦГАНТД СПб.) хранятся документы, касающиеся вопросов организации, структуры и работы СТБ в Металлострое⁴.

¹ Моруков М.Ю. Особые технические бюро ОГПУ–НКВД–МВД СССР // Исторические чтения на Лубянке. 2000. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг: Сб. науч. трудов. – М.: АК ФСБ РФ, 2001.

² Это административная структура – не следует путать ОТБ 4-го спецотдела с конкретными конструкторскими и техническими бюро.

³ Из воспоминаний заключенного специалиста В.К. Каагана: «Около 1950 года внутри КБ (ОКБ-172), где я был, образовалась группа института Гипрониспода или Гипроцемент (мы называли ее „Рога и копыта“), вообще не имевшая отношения к артиллерии. 4-й Спецотдел был, по-видимому, расформирован после смерти Сталина, и многие из работников ОКБ-172 были переведены в лагерь „Металлострой“, на территории которого было создано нечто вроде шарашки Гипрониспода и Гипроцемента» (цит. по: Материалы к истории ОКБ-172 / Публ. и комм. Н.С. Крук // Вестник «Мемориала». – 2001. – № 6. – С. 81–82).

⁴ Цитаты из документов в дальнейшем приводятся без отсылок на архив.

Специальное техническое бюро в Металлострое создавалось следующим образом. Ленинградский проектный отдел института «Гипрониислюда» Главного управления слюдяной промышленности МВД ССР был организован в соответствии с распоряжением начальника управления № 23/10-200 от 5 марта 1951.

В задачу проектного отдела входило обеспечение проектной документацией предприятий бывшего треста «Союзслюдкомбинат», расположенных в Карело-Финской ССР, Мурманской области и в Ленинграде. Ленинградский проектный отдел с момента организации и до конца 1953 не имел самостоятельного юридического лица и являлся составным звеном проектной части института.

Значительное расширение сферы производственно-технической деятельности отдела произошло со второго полугодия 1953, когда, в соответствии с указаниями начальника управления, приказом директора института «Гипрониислюда» за № 6 от 15 мая 1953 были проведены следующие мероприятия.

Организовано специальное техническое бюро МВД в лагерной зоне Металлостроя на базе СТБ МВД, переведенного из г. Красногорска Московской области, в котором работали заключенные специалисты: инженеры, конструкторы, техники, научные сотрудники.

Переданы отделу и СТБ кадры специалистов бывшего ОКБ-172. Заключенные специалисты ОКБ-172 с неоконченными сроками были этапированы в лагерную зону Металлостроя (лагпункт Ленинградского УИЛК⁵, впоследствии учреждение УС-20/5).

Среднегодовая численность персонала СТБ в Металлострое составила на момент его организации 141 человек при плане 130 человек. По свидетельству инженера Д.Р. Гольдмана, также бывшего заключенного, в СТБ работало около 400 человек. Все они отбывали сроки по 58-й статье.

В распоряжении № 5 от 6 июня 1953 начальника Ленинградского проектного отдела и СТБ «Гипрониислюда» в Металлострое инженер-майора Тихомирова указано: «для приемки переданного из ОКБ-172 оборудования и материалов по слюде назначить комиссию в составе: Федоричева А.И. – председателя и членов комиссии Будыхина Н.Н., Глобы В.Т., Тихоненко Е.Н., Браткова В.П. Оприходованное оборудование и материалы принять под ответственное хранение Тихоненко Е.Н. Комиссии приступить к работе 6 июня 1953. Акт представить на утверждение 10 июля 1953».

В приказе № 167 (№ 26) от 21 августа 1953 директор института «Гипрониислюда» Ю.В. Корицкий отметил, что Ленинградским проектным отделом в истекшем полугодии была проведена большая работа по организации при отделе Специального технического бюро, что обеспечило развертывание работ для слюдяной промышленности, предусмотренных планами СТБ и ОКБ-172, в короткий срок.

⁵Управление исправительных трудовых лагерей и колоний.

В распоряжении № 35 от 19 сентября 1953 инженер-майора Тихомирова говорится:

...в связи с необходимостью ежемесячно представлять администрации ЛО № 5 данные о результатах работы каждого работника СТБ из состава спецконтингента, выраженных в едином показателе, нужно: для оценки результатов работы всех работников СТБ из состава спецконтингента начиная с сентября 1953 установить единый сводный процентный показатель, учитывающий как выполнение норм выработки, так и качество работы.

Сводный процентный показатель результатов работы должен определяться для всех работников из состава спецконтингента в строгом соответствии с утвержденной «Инструкцией по определению сводного показателя результатов работы инженерно-технического персонала СТБ».

Планово-производственной группе не позднее 5-го числа следующего за отчетным месяца представлять на подпись персональный список всех перечисленных в § 1 настоящего распоряжения работников СТБ с предоставленным для каждого из них сводным процентным показателем результатов работы в отчетном месяце на предмет представления этого списка администрации ЛО № 5.

Для лиц, занимающих должности в планово-производственной группе, группе нормализации и технического контроля, а также для подсобно-спомогательного персонала (зав. архивом, архивариус, библиотекарь, зав. переплетной мастерской, светокопировальщик, зав. светокопировальной мастерской, фотограф и т. д.), результаты работы которых не могут быть выражены количественным процентным показателем, ввести с сентября 1953 систему суммарной оценки результатов их работы по следующей шкале: удовлетворительно, хорошо, отлично, особо выдающаяся работа.

Обязать планово-производственную группу списков этих работников с проставленными оценками представлять на подпись также не позднее 5-го числа следующего за отчетным месяца на предмет представления его администрации ЛО № 5.

Планово-производственной группе в соответствии с упомянутой выше инструкцией по определению сводного процентного показателя разработать все необходимые формы учета с определением календарных сроков их заполнения и к 20-сентября с.г. представить на утверждение.

Для обеспечения своевременного нормирования выполняемых персоналом работ в порядке, предусмотренном инструкцией по определению сводного процентного показателя, ввести с 15 сентября 1953 года в штат планово-производственной группы должность нормировщика.

Зам. гл. инженера т. Шифрину Н.Б. не позднее 17 сентября с. г. представить свои соображения о персональном замещении этой должности.

Воспоминания В.К. Акулова, бывшего заключенного сотрудника ОКБ-172 и СТБ в Металлострое, дают возможность увидеть лагерь в Металлострое, можно сказать, воочию. Я предлагаю свой пересказ этих воспоминаний⁶.

В начале мая 1953, после ликвидации ОКБ-172⁷, из «Крестов» в Металлострой перевезли специалистов с неоконченными сроками заключения. На территории лагеря, в дальнем его конце, обособленно стояли три барака и одноэтажное кирпичное здание. В один из бараков поселили заключенных сотрудников ОКБ-172.

В бараке уже находились другие зеки, из других ОКБ, СТБ. Все они были в гражданской одежде, также как и заключенные инженеры из ОКБ-172. В основном это были специалисты из г. Красногорска Московской области⁸.

Барак, в котором поселили заключенных из ОКБ-172, имел две половины. В одной размещались осужденные по 58-й статье, в другой – бытовики. Первых было около 35 человек, вторых – 25. Территорию лагеря, где размещались эти четыре здания, отделили от лагеря забором с воротами и калиткой. Никакой охраны у ворот не было. Они символически отделяли СТБ от лагеря. В начале 1955 отбывавших срок по 58-й статье переселили в половину самого дальнего, третьего барака, а во второй его половине были установлены столы и чертежные приборы – организованы рабочие места. Барак же был отделен от остальных зданий СТБ деревянным забором с калиткой, которая закрывалась на ночь на замок надзирателями после вечерней проверки. Это делалось для того, чтобы «враги народа» не обратили бы в свою веру «социально близких» – заключенных бытовиков.

СТБ в Металлострое, также как и СТБ в Красногорске, состояло из двух основных подразделений: конструкторского и проектного отделов.

⁶ Воспоминания В.К. Акулова получены Н.С. Крук в 1990-е. Хранятся в Архиве НИЦ «Мемориал» (СПб.). (Ф. 5. Оп. 1).

⁷ См. об этом в воспоминаниях В.К. Акулова: «После похорон Сталина мы услышали указ об амнистии и были разочарованы: на воле уходили хулиганы и уголовники. В указе говорилось, правда, об освобождении осужденных по статье 58-й, но имевших срок до пяти лет! Это было просто насмешка над нами, ибо мы-то знали, что по этой статье менее восьми лет никому не давали! В марте месяце 1953 года мы продолжали работать как и ранее, но в конце месяца сталиходить „параши“ о принятом в верхах решении повсеместно ликвидировать объекты спецподразделов, в том числе и МГБ. Вскоре эти слухи были подтверждены начальниками отделов ОКБ-172. Наступал конец шарашкам. Апрель был месяцем консервации разработок, упаковки документации. В начале мая на территорию ОКБ въехали несколько „воронков“, и нас стали грузить в них для перевозки в другие лагеря». (Там же).

⁸ Шарашка в Красногорске имела конструкторскую и проектную части. В отличие от ОКБ-172, характер ее работ был сугубо гражданский. КБ разрабатывало различное оборудование и даже путекладчик. Проектная часть в основном обслуживала объекты МВД, в Карелии и Восточной Сибири, в том числе по добыче и обработке слюды. Вся добыча слюды тогда велась силами заключенных и находилась в ведении треста «Союзслюда» МВД СССР. После смерти Сталина было принято решение о расформировании всех спецобъектов МВД и МГБ. Однако руководство понимало, что собранных в течение многих лет квалифицированных специалистов нерационально использовать на общих работах в лагерях. По этой причине часть спецконтингента ОКБ-172 и московских шарашек была сконцентрирована в лагере Металлострой (лагпункт п/я УС-20/5) под Ленинградом.

Конструкторский отдел возглавлял заместитель главного инженера Ленинградского отделения института «ВНИИасбестцемент» герой Советского Союза М.Н. Тургель. Проектный отдел возглавлял инженер-строитель Н.Б. Шифрин, также работник ЛО «ВНИИасбестцемент». В состав проектного отдела входили группы: механо-энергетическая, электротехническая, КИП и автоматики, архитектурно-строительная, сметная, копировальная, светокопировальная.

Проектный отдел выполнял заказы Министерства промышленности строительных материалов по реконструкции отопительных производственных котельных, по проектированию объектов слюдяной промышленности.

Конструкторским отделом СТБ разрабатывались в основном те же конструкции гражданского назначения, как и в подмосковных шарашках.

В отличие от ОКБ-172 и других шарашек 4-го спецотдела МВД, бытовые условия СТБ в Металлострое ничем не отличались от обычных лагерных. В столовой та же пайка хлеба, та же баланда из гнилой морковки и киличевых головок или из хряпь.

Институт имел с лагерем договор и оплачивал ему рабочую силу в соответствии со штатным расписанием. Лагерное начальство выдавало заключенным лишь около 20% от полученных сумм.

Положительным отличием СТБ от других шарашек было то, что здесь, в зависимости от результатов работы (выполнение плана), заключенные получали зачеты – до трех дней за один отработанный день.

Была в Металлострое культурно-воспитательная часть (КВЧ), что тоже отличало СТБ в Металлострое от других шарашек. Там был организован оркестр. По выходным дням на открытой площадке лагеря играл духовой оркестр. Интересно будет рассказать об одном эпизоде, связанном с выступлением этого оркестра.

Начальник КВЧ попросил руководителя оркестра подготовить программу праздничного вечера в клубе в связи с октябрьскими праздниками. Программу подготовили. Начальник КВЧ сказал, что заместитель начальника лагеря майор Пахомов хочет лично познакомиться с программой на генеральной репетиции. И более того, что майор Пахомов очень культурный человек – он даже в хоре пел когда-то.

Майор, вероятно, не очень доверял «врагам народа» подготовку такого ответственного, с его точки зрения, политического мероприятия, как вечер заключенных, посвященный празднику Октябрьской революции.

На генеральной репетиции все шло довольно гладко до тех пор, пока на сцене не появился дут. Объявили: Гулак-Артемовский. Попурри на тему оперы «Запорожец за Дунаем».

– Постойте, постойте, – запротестовал майор. – А при чем здесь ГУЛАГ? Что это за намеки?

Пришлось долго объяснять, что Гулак – это часть фамилии композитора. Майор подумал и сказал:

– Все-таки, чтобы не было недоразумений, объявляйте только вторую часть фамилии.

В 1954 вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об условно-досрочном освобождении заключенных, отбывших две трети срока наказания и проявивших себя в заключении с положительной стороны. Но в феврале 1955 из Верховного Совета СССР пришло разъяснение по применению этого указа: две трети срока должны исчисляться без учета зачетов. Эта поправка лишила смысла сам указ, так как, работая с зачетами, зек освобождался раньше, чем если бы он ждал наступления календарных двух третей срока.

В это же время в СТБ началось устружнение режима: осложнился проход на территорию лагеря, участились обыски как в жилом, так и в рабочем помещении. Ничто не говорило о либерализации.

И тем не менее, в течение 1954 и 1955 заключенные выходили на свободу, причем досрочно. Акулов по-прежнему ожидал своей очереди, как казалось, безнадежно. Его родители писали письма о пересмотре дела в разные инстанции. Летом 1955 родители сообщили ему, что дело должно пересматриваться в ближайшее время на пленуме Верховного Суда СССР. Но время шло, а ничего не менялось. Наконец 28 октября 1955 пленум Верховного Суда постановил освободить В.К. Акулова из заключения: было решено, что линейный суд Балтийского бассейна приговорил его в 1952 к слишком большому сроку. Пленум посчитал возможным назначить Акулову срок наказания 5 лет и, с учетом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 «Об амнистии», Акулова освободили. По этому указу освобождались уголовники и осужденные по 58-й статье на срок до пяти лет. На самом деле по 58-й статье менее восьми лет никому не давали. Пересмотр дела и изменение срока заключения с десяти лет на пять в то время было исключением.

По воспоминаниям В.К. Кагана, работавшего сначала в ОКБ-172, а потом этапированного в лагерь в Сибирь, он был вызван из сибирского лагеря в СТБ в Металлострое своими бывшими товарищами из ОКБ-172. Произошло это потому, что руководство СТБ в Металлострое обратилось к зекам, сотрудникам СТБ, с предложением: сообщить фамилии известных им заключенных специалистов, находящихся в тюрьмах, лагерях, шарашках. Так В.К. Каган попал из Красноярского края в Металлострой. А в 1955 он был реабилитирован по второму делу и досрочно освобожден из заключения.

Документов по расформированию СТБ в Металлострое не обнаружено. Но проанализируем имеющиеся у нас биографические справки по дате освобождения (все заключенные, о которых у нас есть сведения, были освобождены из СТБ Металлостроя досрочно): В.К. Акулов освобожден 23.11.1955, Д.Р. Гольдман – 30.04.1955, В.К. Каган – 13.08.1955, Р.Я. Кольберг –

18.05.1954, И.Х. Озолинг – в 1955, Н.В. Перепечин – 17.09.1954, К.П. Петров – 07.11.1955, В.М. Петропавловский – 14.12.1954, Б.В. Рыбалко (Рыбала) – 06.09.1954, С.М. Сташкевич – 12.01.1956, Г.А. Червинский – 05.02.1954.

Заключенных специалистов стали досрочно освобождать уже в 1954. Наибольшее число освобождений падает на 1955. Позже всех (в январе 1956) освободился заключенный специалист С.М. Сташкевич. Учитывая эти данные, можно считать 1956 годом ликвидации СТБ в Металлострое.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ⁹

Акулов Валентин Константинович, род. 1929 в Ашхабаде, русский. Окончил среднюю школу в Лебедянском Липецкой области в 1947, поступил на судомеханический факультет Ленинградского института инженеров водного транспорта (ЛИИВТ). Перед арестом – студент 5-го курса. Арестован 24.01.1952, приговорен линейным судом Балтийского бассейна 25.02.1952 по ст. 58-10 ч. 1 к 10 годам лишения свободы. В заключении – сотрудник электротехнического отдела ОКБ-172 («Кресты»). В мае 1953, в связи с ликвидацией ОКБ-172, переведен в Металлстрой, где работал старшим техником, затем инженером в СТБ «Гипрониисплюда». Постановлением пленума Верховного Суда СССР от 28.10.1955 срок наказания снижен до 5 лет. 23.11.1955 Акулов освобожден с применением Указа об амнистии от 27.03.1953. С 01.01.1956 – старший инженер института «Гипрониисплюда», переименованного в ЛО «ВНИИасбестцемент», а затем «Гипронинеметаллоруд» Министерства материалов СССР. Окончил ЛИИВТ (1961), переведен на должность инженера, затем старшего инженера, руководителя группы, главного специалиста технологического отдела, начальника того же отдела. В 1987 в составе коллектива ученых и инженеров удостоен звания лауреата премии Совета министров СССР за внедрение в промышленность высокоеффективного материала – вермикулита. С 1989 на пенсии.

Гольдман Давид Рубинович, род. 1916 в Бобруйске Могилевской области, еврей. Образование средне-специальное. По одним данным, инженер-электрик, был военнослужащим – инженером-инспектором 3-й воздушной армии дальней авиации¹⁰; по данным Белорусского «Мемориала», был инспектором по радиооборудованию в/ч 54933. Проживал в Хабаровске. Арестован 11 августа 1949. Приговорен 29 ноября 1949 по ст. 58-10

⁹ Сведения приводятся на основе архивных справок УФСБ и воспоминаний бывших заключенных специалистов и интервью с ними, взятыми Н.С. Крук в 1990-е, (Архив НИЦ «Мемориал», СПб.).

¹⁰ Из интервью Д.Р. Гольдмана Н.С. Крук (1993). В справку включены и другие сведения из этого интервью.

(«контрреволюционная пропаганда и агитация») к 10 годам лишения свободы. Три с половиной года отбывал срок в лагере Ургал в Верхнебуреинском районе Хабаровского края, находился на общих работах (траншеи, лесоповал и т. д.), затем в Чегдомыне. В Чегдомыне произошла авария на электростанции, и Гольдману поручили исправить повреждения. Оказалось, что сгорел генератор американского производства. Гольдман все исправил, – он перемотал провод таким образом, что нельзя было поверить, что это сделал человек. Потом приехала комиссия по общей проверке состояния дел в лагерях. В документах Гольдмана обнаружили свидетельство об изобретении, изданное в 1949 при аресте, и в 1951 его перебазировали в СТБ в Красногорске Московской области. В 1953 все СТБ перевели из Красногорска в Металлострой. Здесь Гольдман работал до освобождения 30 апреля 1955. После освобождения Д.Р. Гольдмана направили в институт «Гипрониннеметаллоруд» в Ленинграде, где он работал старшим инженером, зав. сектором, проектировал минилинии электропередач в Сибири (Витим–Чуй). Реабилитирован 28 ноября 1989 постановлением пленума Верховного Суда СССР.

Каган Виктор Кусиелевич, род. 1920, Смоленск. Родился в семье врача. В 1937 поступил на инженерно-физический факультет Ленинградского индустриального института. После окончания 4-го курса летом 1941 мобилизован, рядовой 3-й роты 1-го полка 3-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения. 3.09.1941 уволен в запас в связи с тяжелым ранением. С 1942 инженер на заводе № 402 в г. Молотовске, экстерном окончил физико-математический факультет ЛГУ (Казань, 1943). Арестован 11.02.1945 в Молотовске за политический анекдот, приговорен военным трибуналом войск НКВД Архангельской области по ст. 58-10 ч. 2 к 10 годам ИТЛ. В заключении в Талаге, с лета 1946 – в ОКБ-172 («Кресты») в расчетной группе, занимался проектированием артиллерийских систем (механизмы наведения, приводы). Вторично приговорен Ленгорсудом 12–14.07.1952 по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы по обвинению в «систематическом проведении среди заключенных контрреволюционной агитации». Этапирован в Красноярский край. В 1953 по спецнаряду направлен в Ленинград, в СТБ на Металлострое. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 16.07.1955 В.К. Каган был оправдан. Освобожден 13.08.1955. После освобождения – старший научный сотрудник в «НИИБуммаш», с 1959 – старший инженер на заводе по ремонту технологического оборудования (МРЭТО), с 1961 – старший научный сотрудник в Ленинградском институте охраны труда. В 1975 эмигрировал в Израиль. В настоящее время живет в Иерусалиме.

Кольберг Роберт Яковлевич, род. 1909 в Санкт-Петербургской губернии в семье эстонского дворянина. Окончил ЛИТМО (1937), работал

в Государственном оптическом институте, преподавал в техникуме точной механики и оптики. В 1941 эвакуирован с техникумом в Череповец. После войны вернулся в Ленинград, декан факультета приборостроения судостроительного техникума. Арестован 06.08.1951 (по другим сведениям – 02.08.1951), приговорен судебной коллегией Ленгорсуда 14–17.03.1952 по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. В заключении в ОКБ-172, с 1953 – в СТБ на Металлострое. Постановлением Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 10.04.1954 срок сокращен до 5 лет. Освобожден 18.05.1954 с применением Указа об амнистии от 27.03.1953. С 1954 преподаватель, затем декан факультета морского приборостроения судостроительного техникума. Умер в 1975.

Озолинг Иван Христофорович, род. в 1903 в Москве, немец, беспартийный. Учился в институте народного хозяйства им. Плеханова в Москве, где одновременно работал с 1924 в светотехнической лаборатории. Окончил институт в 1927, был оставлен старшим ассистентом кафедры электротехники. В 1929 был приглашен Народным комиссариатом путей сообщения для организации светотехнической лаборатории при НИИ железнодорожного транспорта Москвы. В сентябре 1941, в связи с началом войны, выслан с семьей на поселение в Казахстан, находился в Тельмановском районе Карагандинской области. В январе 1942 мобилизован в трудовую армию. Работал на лесозаготовках Свердловской области. В связи с болезнью и травмой в январе 1943 был возвращен в Карагандинскую область. В октябре 1943 вновь мобилизован в трудовую армию, направлен в Джезказганский район Карагандинской области. С июля 1944 работал на Карсакпайской электростанции. Жил в поселке Карасакпай, Ультауский район. Арестован 20 декабря 1947 УМГБ по Карагандинской области. По приговору выездной сессии Верховного Суда Казахской ССР от 5.06.1948 И.Х. Озолинг был признан виновным в грубом нарушении правил технической эксплуатации, что привело к взрыву котла на электростанции, гибели 17 человек, ранению четырех и полному выходу электростанции из строя. Кроме того, он был признан виновным в «антисоветской агитации» и приговорен по ст.ст. 58-10 ч.1, 108-1 ч. 4 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ с поражением в правах сроком на 5 лет. Наказание отбывал в УИТЛ УМВД Ленинградской области. В 1950-е – один из заключенных сотрудников СТБ в Металлострое¹¹. Постановлением Президиума Верховного Суда Казахской ССР от 7.02.1955 приговор 1948 года по ст. 58-10 ч. 1 отменен и делопроизводство прекращено за недостаточностью собранных по делу улик, а по ст. 108-1 ч. 4 – оставлен без изменения. В 1955 И.Х. Озолинг был освобожден с применением Указа об амнистии от 27.03.1953. Постановлением пленума Верховного Суда Казахской

¹¹ По воспоминаниям В.К. Акупова.

ССР от 19.03.1990 приговор 1948 года и Постановление Президиума Верховного Суда Казахской ССР 1955 года по ст. 108-1 ч. 4 оставлены без изменения.

Перепечин Николай Васильевич, род. 1898 в Пинске, Минская губерния. Перед арестом – и.о. директора Ленинградского технологического института. Арестован 31.01.1946, обвинялся по ст.ст. 58-3, 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговорен военным трибуналом войск МВД СССР 24.04.1946 к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года. Определением ВТ войск МВД Ленокруга от 22.05.1946 приговор изменен, обвинение по ст. 58-3 исключено, в остальном приговор оставлен в силе. С 1946 находился в ОКБ-172, с 1953 – в СТБ в Металлострое. Освобожден досрочно 17.09.1954. Работал в ОКБ-43. Умер в 1955. Реабилитирован 19.08.1955 военным трибуналом ЛВО.

Петров Константин Павлович, род. 02.01.1923 в г. Осташков Тверской области, русский. Член ВКП(б), участник Великой Отечественной войны. Перед арестом – студент 5-го курса судомеханического факультета Ленинградского института инженеров водного транспорта (ЛИИВТ). Арестован 30.12.1950. Приговорен 20.02.1951 линейным судом Балтийского бассейна по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР («антисоветская агитация») к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 2 года. В апреле 1951 переведен в ОКБ-172 на конструкторскую работу. С апреля 1951 по апрель 1953 работал в группе механизмов конструктором 1-й категории по артиллерийским системам БЛ-109, БЛ-109а, БЛ-110. В мае 1953 переведен в лагерь в Металлострое, где работал в СТБ. 7.11.1955 освобожден постановлением пленума Верховного Суда ССР от 07.10.1955. Восстановился на заочное отделение ЛИИВТа, в 1957 получил диплом инженера. С 1956 по 1958 работал преподавателем в Осташковском механическом техникуме. С 1957 работал в ОКБ-7 в Торжке ведущим конструктором. С 1983 на пенсии.

Петропавловский Владимир Макарович, род. 1919 в Тверской губернии. Окончил курсы электриков при лесозаводе в Александро-Невской лавре (Ленинград), с 1938 – студент Текстильного института. В 1941 с 3-го курса ушел на фронт (2-я дивизия народного ополчения), демобилизован после тяжелого ранения, направлен на учебу в Военно-механический институт. В марте 1942 эвакуирован с институтом в Пятигорск. Из Пятигорска вывезен в Германию, работал в Варндорфе электромонтером на заводах «Нойман» и «Славак». После прихода советской армии работал электриком в военной комендатуре в г. Цитаду. В октябре 1946 вернулся в Ленинград, восстановился в Текстильном институте. После окончания института (1948) направлен на машиностроительный завод им. К. Маркса. Арестован 27.09.1949, приговорен Ленгорсудом 29.12.1949 по ст.ст. 182-4, 58-3, 10 ч. 2 УК РСФСР к 25 годам

лишения свободы. Этапирован в Ивдель (Северный Урал) на строительство гидролизного завода, главный механик. В 1951 спецэтапом отправлен в ОКБ-172, работал в конструкторской группе по морской артиллерию, затем – старший инженер, зам. руководителя электротехнической группы. Участвовал в создании контрольно-измерительных приборов для артиллерийских систем (БЛ-110). Весной 1953 переведен в СТБ на Металлострой, руководитель электротехнической группы в конструкторском отделе. Освобожден 14.12.1954 по реабилитации. После освобождения – руководитель группы, главный конструктор, начальник конструкторского отдела института «Гипрониислюда» («ВНИИасбестцемент»). Лауреат премии Совета министров СССР за разработку проекта и строительство технологических линий по производству слюдопластов (1980). С 1988 на пенсии.

Рубинович Исаак Моисеевич, род. в 1918 в Бобруйске, БССР, еврей, беспартийный. Образование высшее. Работал инженером-электротехником на Кировском заводе в Ленинграде. Арестован 24.12.1946. Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-16, 58-10 УК РСФСР (в том, что «в 1941, являясь военнослужащим Советской армии, добровольно перешел на сторону немецко-фашистских войск, с марта 1943 являлся агентом немецких контрреволюционных органов, по заданию которых проводил предательскую работу, а также и после победы над фашистской Германией и империалистической Японией среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию»). Приговорен военным трибуналом Ленинградского военного округа 08.03.1947 к 10 годам лишения свободы и к 3 годам поражения в правах, с лишением медали «За победу над Германией». В заключении работал в ОКБ-172, в СТБ в Металлострое. 08.07.1954 постановлением Ленинградской областной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, И.М. Рабиновичу в просьбе о пересмотре приговора по его делу отказано.

Рыбалко (Рыбалка) Борис Васильевич, род. 1908 в Харьковской области. Приговорен 27–28.06.1946 военным трибуналом Азово-Кубанского бассейна по ст.ст. 54-17, 54-1а ч. 2, ст. 54-10 УК УССР к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. 06.08.1946 Военно-воднотранспортная коллегия Верховного Суда СССР переквалифицировала эти статьи на ст.ст. 54-3 ч.1 и 54-10 УК УССР. В 1950-е – один из заключенных-сотрудников СТБ в Металлострое. 06.09.1954 освобожден досрочно.

Сташкевич Сигизмунд Иванович (Иванович), род. 1911 в Санкт-Петербурге. Образование – незаконченное высшее, беспартийный. Инженер-

конструктор Ленинградского филиала института «Гипромез». Арестован 23.02.1950, приговорен 12.04.1950 военным трибуналом Ленинградского военного округа по ст. 58-16 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах, с конфискацией имущества. В заключении работал в ОКБ-172 и СТБ в Металлострое. На основании ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 срок сокращен наполовину. Освобожден 12.01.1956 по Указу ПВС от 17.01.1956.

Чайка Андрей Владимирович, род. 1897, Донецкая область, Горловский район, поселок Ртутный рудник. Бывший директор военного завода в Горьком. Арестован 01.07.1937, приговорен 31.05.1940 Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст.ст. 58-1а, 58-7, 11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. 16.06.1947 освобожден по окончании срока. В 1950 арестован во второй раз. 15.06.1950 приговорен Полтавским облсудом по ст. 54-10 ч.1 УК УССР к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. В заключении работал в ОКБ-172, в СТБ в Металлострое.

Червинский Геннадий (Генрих) Антонович, род. 1924 в Витебской области. Перед арестом – студент Ленинградского электротехнического института, специальность – инженер сигнализации и связи МПС. Арестован 28.05.1949, приговорен линейным судом Октябрьской железной дороги 25.07.1949 по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. Работал в ОКБ-172, в СТБ в Металлострое¹². Освобожден 05.02.1955 по пересмотру дела (определением Коллегии по транспортным делам Верховного Суда СССР от 22.12.1954 срок снижен до 5 лет). После освобождения – инженер в отделе оборудования «Гипроцемента».

¹²См. в распоряжении начальника проектного отдела и СТБ инженер-майора Тихомирова от 31 октября 1953 № 416: «Для обеспечения бесперебойного электроснабжения СТБ, проведения текущих исправлений и обслуживания электрооборудования назначить дежурным электриком СТБ старшего техника Червинского Г.А. с ежемесячным выделением для текущих электромонтажных работ б человеко-дней с отнесением их на подсобно-вспомогательные работы». – ЦГАНД СПб.

Каринэ Маранджян

Японцы, репрессированные в СССР в 1930-е годы: «коллективная биография»

Каринэ Генриховна МАРАНДЖЯН

Институт восточных рукописей РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Сразу после начала перестройки, когда стали открываться архивы, японские журналисты начали заниматься поисками своих пропавших в СССР соплеменников и собрали внушительное количество материалов и следственных дел, позволяющих реконструировать биографии и историю тех японцев, что оказались в СССР и большей частью были физически истреблены или отправлены в сталинские лагеря. Имена этих людей стали возвращаться из небытия, в Японии одна за другой стали появляться книги и статьи на эту тему. В свою очередь, в России также начали предпринимать шаги по выяснению судеб репрессированных японцев. Как правило, этим занимались их родственники, чаще всего дети от смешанных браков. Однако до сих пор история японских иммигрантов в СССР в 1930-е не стала предметом исследования российских ученых, оставаясь вне сферы их научных интересов.

Работая в рукописном отделе РНБ над архивом известного востоко-

kmarandj@gmail.com

веда Д.М. Позднеева, расстрелянного в 1937, в разделе «Разное» я обнаружила учебник японского языка, принадлежавший некоему Ивану Хвану. Это имя было мне незнакомо, я стала наводить справки и нашла это имя в биобиографическом словаре «Люди и судьбы». Приведем полностью соответствующие статьи.

ХВАН Иван Петрович (корейская фам. дана по соображениям секретности, наст. япон. имя – Нагахама Маруя¹; 1902–1937) – японовед. Родился в Японии. В 1918 эмигрировал в США. Окончил двухгодичные курсы английского языка (1920–21) и электроавтомобильную школу (1925–26). Работал шофером, механиком в гараже. В 1927 вступил в Ассоциацию японских рабочих, проживающих в США. С 1928 член Компартии США. Делегат от японских рабочих США на конференции Панамериканской антиимпериалистической лиги в Лос-Анджелесе. В конце 1931 арестован за коммунистическую деятельность, провел 3 месяца в тюрьме. В конце 1932 вместе с женой (см. Н.П. Нами) выслан в СССР. Учился в КУТВ (Коммунистическом университете трудящихся Востока). В 1934 командирован вместе с женой в Ленинград. Преподавал японский язык на Особом (Япон.) секторе ЛВИ. В 1936 развелся с женой, жил с маленьким сыном. Завербован НКВД для слежки за Н.А. Невским, его женой И. Мантани-Невской и преп.-японцем М. Мори. Сообщил об этом Невскому. Арестованного Невского вынудили дать показания, будто он через Хвана передавал НКВД дезинформацию, чтобы отвлечь внимание от своей «КРД»². Остававшийся на свободе и продолжавший преподавать Хван был арестован 23 ноября, в день вынесения приговора Невскому и ряду др. востоковедов, и на след. день, 24 нояб. 1937, расстрелян вместе с ними, по-видимому, даже без символического «суда». Настоящее имя Хвана установлено японским историком проф. Икко Фудзии при содействии Е.Н. Невской в мае 1997³.

Сведения об Иване Хване содержатся также и в «Ленинградском мартирологе» (т. 8)⁴:

¹ 永漢丸也

² КТД (КРД) – «контрреволюционная троцкистская деятельность»

³ Люди и судьбы. Биобиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 396. Далее: Люди и судьбы, с указ. страницы.

⁴ См. в базе данных «Жертвы политического террора в СССР». – <http://lists.memo.ru/index22>.

Хван Иван Петрович (варианты ФИО: Нагахама Маруя). Родился в 1902 г., Японии; японец; беспартийный (б. член Компартии США); в 1932 г. выслан из США в СССР, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, преподаватель японского языка в Особом секторе Ленинградского восточного института. Проживал: г. Ленинград, пр. Добролюбова, д. 6/2, кв. 11. Арестован 24 ноября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12 января 1938 г., обв.: ст.58-6 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 18 января 1938 г. Место захоронения – г. Ленинград⁵.

В «Людях и судьбах» также есть информация о бывшей жене Ивана Хvana – Нине Нами.

НАМИ (Нам) Нина Петровна (наст. имя: Нагахама Сайо⁶ (1911–1938) – японовед. Родилась в г. Ринин, Корея. Японка по национальности. Жила в США, как политэмигрантка прибыла в СССР вместе с мужем Нагахама Маруя (см. Хван И.) в начале 1933. С сентября 1934 доцент Особого (Японского) сектора ЛВИ. Была частой гостьей в семье Н.А. Невского. Бывш. муж Н., И. Хван, был арестован по «делу Н.А. Невского» и расстрелян в один день с ним, 24 нояб. 1937. В документах следствия Н. называлась в числе членов «контрреволюционной группы». Тем не менее, она еще какое-то время оставалась на свободе и по-прежнему жила в общежитии ЛВИ. При аресте в 1938 выбросилась из окна общежития, с 5-го этажа. Настоящее имя Нами установлено японским историком, профессором Икко Фудзии при содействии Е.Н. Невской в мае 1997⁷.

Приведенные выше сведения о Нине Нами во многом основываются на воспоминаниях дочери Н.А. Невского, Е.Н. Невской, опубликовавшей их вместе с материалами следственного дела родителей на страницах «Петербургского востоковедения»⁸.

Некоторые дополнительные сведения о биографии Ивана Хvana можно почерпнуть у проф. Фудзии Икко, который получил их от живущих в Японии родственников супругов Нагахама. По его сведениям, Нагахама Маруя попал в США нелегально, перейдя границу со стороны Мексики. Кроме того, в письмах своим близким его жена писала, что они через Германию собираются в СССР, а потом

⁵Обратим внимание на несоответствие дат в официальных документах.

⁶永浜さよ

⁷Люди и судьбы. С. 277–278.

⁸Невская Е.Н. О родителях // Петербургское востоковедение. – Вып. 8. – СПб., 1996.

через Сибирь домой, в Японию. По словам родственников, Нагахама был арестован (как нелегальный иммигрант, как им сообщили в письме), а затем отпущен⁹.

Никаких прочих источников для реконструкции биографии этой супружеской пары нет. Однако, при сопоставлении этих сведений с биографическими данными других репрессированных в СССР японцев, приведенных в книге японского исследователя Като Тэцуру¹⁰, стало очевидным, что основные биографические вехи (судя по материалам следственных дел) у них почти идентичные. Несколько утрируя, можно сказать, что все они разделили одну судьбу. Конечно, отчасти это связано и с тем, что следственные дела построены по стандартному лекалу, потому и информация, содержащаяся в делах, большей частью схожая. Кроме того, следователи не утруждали себя правдоподобными обвинениями, а чаще всего ограничивались расхожими формулировками и обвинениями в «шпионаже» или чем-то еще в таком же духе. Но никаких других источников для реконструкции индивидуальных биографий этих людей у нас нет и, чтобы понять, что кроется за информацией из следственных дел, необходимо понять тот исторический контекст, который единственно и наполняет смыслом все повороты их судеб. Благодаря своим левым взглядам эти люди оказались меж нескольких огней: им не было места в родной Японии, они оказались «нежелательными» элементами в Америке, и, наконец, СССР, который представлялся им эталоном справедливого и гармоничного мира коммунистической идеи, в реальности оказался далеким от идеала тоталитарным государством, довольно быстро отторгнувшим этих людей как «шпионов» и «врагов».

К сожалению, кроме имен (и то не всегда подлинных) от этих людей почти ничего не осталось. Известно, что, к примеру, у четы Нагахама был малолетний сын по имени Ким, о его судьбе ничего не известно. Скорее всего, он, как и многие другие дети «врагов народа», был отправлен в специальный детприемник, и если ему посчастливилось и ему оставили фамилию Хван, то он вырос, считая себя корейцем и так, вероятно, и не узнав, кем были на самом деле его родители. Если бы не случайно попавший мне в руки учебник, по которому преподавал Иван Хван, я бы никогда ничего не узнала о японских коммунистах-иммигрантах в СССР.

Мне бы хотелось вспомнить об этих людях, чьи мечты о равенстве и братстве на деле обернулись тяжелым кошмаром пересильных лагерей или скорым расстрелом в тюремном дворе. Единственное, что можно для них сделать, –

⁹ <http://www.geocities.jp/fuji2/nagahama.html>.

¹⁰ Тэцуру К. Утопия, преодолевающая границы государств. Эргология национального государства (Коккё-о коэру ютопия. Коумин ко́кка-но энгурододзи). – Хайбонся, 2002. По мнению Като Тэцуру, общее число репрессированных японцев в 1930-е неизвестно, по его оценке, оно колеблется около отметки в сто человек, однако поименно удалось установить только 80 человек (С. 135). При этом имена четы Нагахама помещены в дополнительный список лиц, «которых, с высокой долей вероятности, репрессировали» (С. 182).

это составить их «коллективную биографию», показав, чем были обусловлены многие сходные моменты в их линиях жизни, почему и как они оказались в СССР, где почти все еще молодыми ушли в небытие.

Итак, каковы же основные узловые точки этой «типовой» или, точнее, – «коллективной» биографии?

Попытаемся показать это на примере приведенной выше биографии супругов Нагахама, пользуясь доступными нам источниками.

Первое, что обращает на себя внимание, – нелегальный переход границы из Мексики. В середине XIX в. началась официальная иммиграция японских рабочих на Гавайи и в США; масштаб этой иммиграции был столь велик, что довольно скоро присутствие многочисленных японских иммигрантов стало вызывать недовольство местного населения, что привело к принятию ряда дискриминационных мер и законов. В конце концов, в 1924 в Америке была запрещена иммиграция из стран Азии. Это объясняет, почему Нагахама был вынужден действовать как нелегал. По-видимому, канал неофициального проникновения из Мексики был хорошо известен, доказательством чему служит книга «Печальная повесть иммигранта» (1937) левого активиста с о. Окинава Поля Синсэй Коти (1889–1980) о его нелегальной иммиграции в США через Мексику, вышедшая в английском переводе в 1978¹¹.

Оказавшись в США, Нагахама принимает участие в деятельности Ассоциации японских рабочих, проживающих в Америке, затем становится членом компартии. Здесь важно упомянуть, что японские иммигранты, подвергшиеся сегрегационным мерам в США, отстаивая свои права, были вынуждены самоорганизовываться. В этой среде получили большое распространение социалистические и коммунистические идеи, которые сурово преследовались в Японии. В США перебрались вынужденные изгнанники из Японии, которые уже в 1919 создали в Нью-Йорке небольшую «Японскую социалистическую группу», рапортуя в 1921 в Москву об успехе социалистического движения в Японии¹².

В том же 1921 эта группа была переименована в «Японскую коммунистическую группу в Америке», представитель которой принимал участие в третьем конгрессе Коммунистического Интернационала.

Популярность этих идей была столь велика, что в Коммунистической партии США в 1921 уже функционировала японская секция. Ее основной целью были «помощь и руководство японским движением до того, как оно встанет на

¹¹ Kochi P. Imin no Aiwa: An Immigrant's Sorrowful Tale / Trans. B. Kobashigawa. – Los Angeles (CA), 1978. – 53 p. См. информацию о книге на сайте «Legacy of Japanese American Activism» (<http://jalegacy2011.wordpress.com/about/japanese-american-activist-timeline-five-generations-of-community-activism>). На этом сайте представлены материалы Japanese American National Museum, в том числе хронология деятельности американцев японского происхождения.

¹² См. на сайте «Marxists Internet Archive». – <http://www.marxists.org/history/usa/eam/lf/fedjapanese.html>

ноги»¹³. К тридцатым годам направляющая «рука Москвы» нисколько не ослабила своей хватки. Как пишет японский исследователь Вада Харуки в своей статье о судьбе лидера японских коммунистов Носака Сандзо (1892–1993), «в марте 1934 Носака был командирован в США. С помощью американской компартии Коминтерн создал в Лос-Анджелесе центр для помощи японским коммунистам и руководства их деятельностью, поручив эту работу Носака, который вместе с Джо Коидэ успешно взялся за дело немедленно по прибытии»¹⁴.

Возможно, именно это обстоятельство объясняет, почему в 1930-е в СССР оказалось так много японских коммунистов, прибывших из Америки. При этом стоит упомянуть, что прецедент уже был. В 1923 в Лонг-Бич (Калифорния) были арестованы несколько сотен человек, участвовавших в работе III Интернационала, среди них были и девять японских иммигрантов. Власти распорядились депортировать их в Японию как «нежелательные элементы». На родине их, скорее всего, ожидала бы трагическая часть – арест и тюремное заключение. Число политзаключенных в Японии постоянно росло: если на 1926 известно о 65 арестованных коммунистах¹⁵, то уже в 1928 оно составило 825 человек¹⁶.

В связи с протестами проживающих в Америке японцев, им было позволено добровольно покинуть пределы США, и часть этих людей решила отправиться в СССР¹⁷. По-видимому, арест Нагахама и его последующий переезд в Москву происходил по той же схеме.

Однако, как свидетельствуют материалы дел других репрессированных японцев, существовал и иной канал для переправки в СССР – через Сахалин. Известно, что Южный Сахалин был передан Японии в 1905 по условиям Портсмутского договора, японская сторона в начале 1920-х высказала пожелание купить Северный Сахалин, но советское правительство, посчитав продажу нецелесообразной, вместо этого предоставило японцам концессию на эксплуатацию природных ресурсов. Именно это обстоятельство и обеспечило возможность незаконного перехода советской границы японцами.

По прибытии в СССР Нагахама Марuya, как, кстати, и большинство приехавших из США японских коммунистов, был направлен на учебу в КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина, учебное

¹³ Цит. по: Ibid.

¹⁴ Вада Х. Судьба коммуниста: Носака Сандзо // Япония второй половины XX в. Проблемы и судьбы. – М., 2003. – С. 114.

¹⁵ См.: ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941: [Сб. док-тов] / Под ред. Г. Адибекова и Х. Вада. – М., 2001. – С. 374 (док. № 318: Письмо К. Ямато (К. Янсона) к Явки (С. Катаяма) с просьбой о помощи арестованным японским коммунистам и их семьям).

¹⁶ Там же. С. 491 (док. № 347: материал о политзаключенных в Японии, составленный Танака (К. Ямamoto)).

¹⁷ <http://jalegacy2011.wordpress.com/about/japanese-american-activist-timeline-five-generations-of-community-activism/>.

заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1922 по 1938¹⁸. В нем обучались две категории слушателей – студенты из СССР, из которых готовили партийных и советских работников для национальных номенклатур советских республик, и иностранные студенты, которых «готовили к борьбе за установление коммунизма в своих странах, организации восстаний и революций». Среди выпускников этого заведения были такие известные впоследствии политические и общественные деятели, как Сэн Катаяма, Хо Ши Мин, Дэн Сяопин и др. После окончания выпускники могли либо вернуться в США, либо на родину, либо отправиться на Дальний Восток¹⁹. Косвенным подтверждением справедливости последнего утверждения служит «Материал о политзаключенных в Японии, составленный Танака (К. Ямamoto)» от 25 ноября 1928, в котором среди прочего отмечается, что «среди арестованных имеется около 26 бывших кутвеанцев (т. е. учившихся в КУТВе)»²⁰. Всего же через КУТВ прошло не менее 70 японцев²¹.

Многие из обучавшихся в КУТВе иностранных студентов азиатского происхождения жили под вымышленными фамилиями, часто русскими. По-видимому, это делалось в целях соблюдения секретности, ведь большая часть из приехавших в СССР коммунистов оставалась в поле зрения тайной полиции в своих странах, которая пыталась отслеживать их деятельность и за границей. Кроме того, студенты КУТВа потенциально готовились к революционной работе вне СССР, что требовало соблюдения полной конфиденциальности. Скорее всего, именно это объясняет, почему чета Нагахама была известна под псевдонимами Иван Хван и Нина Нами.

На примере супружеской пары Нагахама видно, что существовала и еще одна возможность – остаться в Москве или в Ленинграде, где ощущалась нехватка кадров со знанием восточных языков. Именно по этой линии Нагахама Марuya, скорее всего, и прибыл в Ленинград.

В Ленинграде он преподавал в особом (японском) отделе Восточного института. Это было учебное учреждение, готовившее специалистов по странам Востока²². Оно просуществовало до 1938, когда было закрыто.

¹⁸ Подробнее о КУТВе и судьбе его выпускников см.: ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. – С. 352–353.

¹⁹ Подробно об этом говорится в книге американской исследовательницы Fowler J. Japanese and Chinese Immigrant Activists: Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2007. К сожалению, с полным текстом книги ознакомиться не удалось.

²⁰ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. С. 492 (док № 347).

²¹ Там же. С. 352.

²² См.: Конюнов А.Н., Иориш Н.И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. – М., 1977. К сожалению, подготовленное в советское время издание весьма скромно рассказывает о деятельности Особого (японского) сектора.

Надо помнить, что в этот период резко обострилась ситуация на Дальнем Востоке: к 1932 Япония завершила оккупацию Маньчжурии, создав на его территории марionеточное государство Маньчжоу-Го, что осложнило ситуацию на границе, где постоянно проходили вооруженные инциденты, переходящие в настоящие боевые столкновения. Все попытки советских дипломатов склонить Японию к заключению двустороннего пакта о ненападении закончились неудачей. На Китайско-Восточной железной дороге маньчжурскими властями проводились аресты служащих из советских граждан.

Напряженность в отношениях с Японией и потенциальная возможность прямого противостояния требовала квалифицированных японистов со знанием менталитета Японии. Дефицит подготовленных переводчиков-японистов стал причиной того, что в марте 1934 при Ленинградском восточном институте был создан особый (японский) сектор. Начальником его был Л.Я. Сокольский, а заведующим кафедрой – профессор Н.И. Конрад, считающийся одним из основателей отечественной японистики. В числе изучаемых предметов были не только японский язык, география, история, экономика, но и военное дело, что недвусмысленно говорит о характере подготовки выпускников этого отдела. Именно там и преподавали супруги Нагахама. Кстати, в том же учебном заведении работал и Н.А. Невский, следить за которым поручили завербованному НКВД Нагахама. Он был своим человеком в доме Невского, жена которого Мантани Исоко почти не говорила по-русски и куда стекалось большинство проживавших в Ленинграде японцев.

Как записано в следственном деле, Иван Хван был секретным сотрудником НКВД, однако по заданию Невского «сообщал НКВД сведения, не соответствующие действительности, чтобы отвлечь внимание НКВД от контрреволюционной деятельности»²³ группы лиц, в которую входили сам Невский, его жена, Ю.К. Щуцкий, Б.А. Васильев, Иван Хван и др.

Иван Хван был расстрелян то ли в 1937, то ли в 1938²⁴. Собственно, на этом фактически и заканчивается известная нам биография Нагахама.

Остался только один вопрос: почему были репрессированы японские коммунисты? Стали ли они просто жертвами «большой чистки», попавшими под каток машины уничтожения, или в действиях советских властей просматривалась хоть какая-то формальная логика? Как мне кажется, ответ на этот вопрос становится понятнее благодаря появившимся в последнее время публикациям о японской политике советского руководства²⁵. Во-первых,

²³ Цит. по: Невская Е.Н. О родителях // Петербургское востоковедение. – Вып. 8. – СПб., 1996. – С. 534.

²⁴ В словаре «Люди и судьбы» в статье о Н.А. Невском сообщается о его расстреле 24 ноября 1937, в один день с женой и несколькими востоковедами, а далее упоминается Хван: «тогда же был, повидимому, убит даже без всякой видимости следствия и суда причастный к „делу Н.“ И. Хван» (Люди и судьбы. – С. 279).

²⁵ См., например: Адилеков Г.М. Японская политика советского руководства // ВКП(б), Коминтерн

НКВД, основной источник сведений о Японии, неоднократно сообщало высшему руководству страны о планах нападения на СССР со стороны Японии. Это стало одной из причин, по которой в 1933 в СССР началась долгосрочная идеологическая антияпонская кампания. Как писал в своем письме Молотову и Кагановичу Сталин, «надо начать длительную, солидную (не крикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии»²⁶. Обратим внимание на характерное слово «мерзавцы». Как отмечает исследователь А.С. Ложкина, в личном фонде Сталина хранятся две книги о Японии с его комментариями и пометками. Это «Военно-фашистское движение в Японии» и переведенная с английского языка работа Т.О. Конюра «Японская угроза», в которой рассказывалось о психологии, быте и укладе японцев. «Согласно пометкам Сталина, в представлении „отца народов“ японцы – это сволочи, мерзавцы. Употребление грубых слов, резких выражений было характерно как для Сталина, так и для его соратников, являясь результатом революционного прошлого»²⁷. «Япония предстала перед советским руководством как общество с дикими, патриархальными традициями. Если судить по заметкам Сталина, у вождя сложилось негативное отношение к культуре и быту японцев, полное непонимание их обычаяев и нравов. Однако все, что способно вызвать у конкретного человека ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных представлений и чувств. Для Сталина было характерно находить и отмечать у других только отрицательные стороны», – делает вывод автор²⁸.

Скорее всего, личное отношение вождя к представителям Японии стало одним из дополнительных стимулов, подтолкнувших работу карательных органов. К тому же подозрительный и видевший вокруг «иностранных агентов» Сталин, по-видимому, был уверен, что и японская сторона стремилась внедрить своих людей в советские организации, точно так же, как это делал и СССР. Впрочем, это было не более чем поводом, нежели истинной причиной расправы с проживавшими в СССР японцами.

В 1936 в Берлине был подписан японо-германский «Антикоминтерновский пакт», через год к нему присоединилась и Италия. Антисоветская направленность пакта была очевидна, хотя руководство страны по-прежнему стремилось не допустить ухудшения отношений с Японией²⁹.

Антаяпонская пропаганда в СССР, вкупе с охватившей всю страну шпиономанией, когда в любом человеке, прибывшем из-за границы и, в частности, из

и Япония. 1917–1941. – М. 2001; Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и pragmatism // Япония 2008. Ежегодник. – М., 2008.

²⁶ Цит. по: Адигеков Г.М. Японская политика советского руководства. – С. 18.

²⁷ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов. – С. 267.

²⁸ Там же. С. 268.

²⁹ Адигеков Г.М. Японская политика советского руководства. – С. 18–19.

Японии, видели «агента японской разведки», стала причиной массовых арестов не только самих японцев, но и отечественных японистов, когда-либо проживавших в Японии. Впрочем, даже люди, никогда не бывавшие в Японии, а просто изучавшие японский язык, также попали в число «шпионов». Аресты «агентов и японских шпионов» прошли не только в Коминтерне, но и в КУТВе, Восточном институте и других учреждениях, так или иначе связанных с Японией.

Конечно, причина широких репрессий была не столько в ухудшающихся отношениях СССР со своим ближайшим соседом, сколько в характере самого сталинского режима, в котором особый акцент делался на борьбе с внутренними и внешними врагами. Тем не менее, как мне кажется, внешнеполитические обстоятельства вместе с личной неприязнью «вождя всех народов» к японцам отчасти объясняют, почему именно в это время большинство прибывших в СССР японских коммунистов (и не только коммунистов, но и просто этнических японцев) стали жертвами советского террора. В этом смысле узловые моменты индивидуальной биографии четы Нагахама являются типовыми для «коллективной биографии» всех японцев, волею судьбы оказавшихся на просторах нашей родины в 1930-е. Все они разделили одну участь, сколь бы различны ни были их личные истории и причины, побудившие их приехать в СССР.

Александр Марголис

К истории казни великих князей в Петропавловской крепости

Александр Давидович МАРГОЛИС

кандидат исторических наук
НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

amargolis@yandex.ru

Сразу после октябрьского переворота 1917 года тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости стала первым застенком советской власти. Вплоть до 1922 в «русской Бастилии», ставшей тюрьмой ПетроЧК, содержались сотни заключенных: министры Временного правительства, участники юнкерского восстания, организованного «Комитетом спасения Родины и революции», члены «Союза защиты Учредительного собрания», лидеры кадетской партии, объявленные в конце 1917 «врагами народа», заложники времен красного террора, участники Кронштадтского восстания 1921 года и многие другие. В годы Гражданской войны крепость была не только застенком, но и местом казней. Есть мемуарные свидетельства о том, что Заячий остров является местом захоронения расстрелянных заложников, в том числе четырех великих князей.

С конца 1980-х в районе Головкина бастиона неоднократно

находили человеческие останки со следами насильственной смерти, а также стреляные гильзы. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, эти захоронения можно датировать 1917–1920 годами. Сегодня очевидна необходимость завершения комплексного исследования потаенного некрополя террора в самом центре Петербурга.

6 сентября 1918 газета «Северная коммуна» опубликовала длинный список заложников ПетроЧК. Первыми в этом списке обреченных стояли имена великих князей Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича, Георгия Михайловича, Павла Александровича и князя императорской крови Гавриила Константиновича Романовых с конца лета 1918 содержали в Доме предварительного заключения на Шпалерной, 25. Об их освобождении хлопотал Максим Горький, но ему удалось добиться разрешения на отъезд за границу только для Гавриила Константиновича. Сообщение о казни четырех великих князей было опубликовано в «Петроградской правде» 31 января 1919 без указания причин расстрела, места и даты. Впоследствии эту расправу объясняли как ответ на убийство в Берлине Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

В июне 1999 Генпрокуратура РФ реабилитировала великих князей, расстрелянных в Петропавловской крепости в январе 1919. Основанием для их реабилитации стала нашедшаяся в архиве выписка из приговора, вынесенного ПетроЧК.

В связи с раскопками в Петропавловской крепости в средствах массовой информации появилось много не свободных от фактических ошибок, отрывочных и противоречивых сведений о казненных здесь Романовых. Между тем, обстоятельства их жизни и смерти сравнительно хорошо известны и заслуживают беспристрастного изложения.

Старший из этой группы – великий князь **Николай Михайлович** – был убит накануне своего 60-летия. Сын великого князя Михаила Николаевича и внук Николая I родился в Царском Селе в апреле 1859. Его отец в 1862–1881 был наместником на Кавказе, все это время семья жила в Тифлисе. Николай Михайлович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за личную храбрость в сражениях. После окончания Николаевской Академии Генерального штаба (1885) он десять лет служил в Кавалергардском полку, в 1897–1903 командовал Кавказской гренадерской дивизией.

Последние два десятилетия своей жизни великий князь посвятил исторической науке. Он автор многих фундаментальных исследований, посвященных эпохе Александра I и Наполеона, в том числе монографий «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» (СПб., 1907), «Император Александр I» (Т. 1–2. СПб., 1912), «Дипломатические

сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона» (Т.1–7. СПб, 1905–1914). Эти и другие работы, внесшие много нового в понимание эпохи, отличает одно существенное качество: в них приводятся уникальные документы, доступ к которым был открыт автору исключительно в силу его особого положения члена царской семьи. При участии и содействии Николая Михайловича изданы многотомные «Петербургский некрополь», «Московский некрополь», «Русский некрополь в Париже», «Русские портреты XVIII и XIX вв.». В 1892–1917 он был президентом Русского географического общества, в 1909–1917 – председателем Русского исторического общества¹ и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Доктор философии Берлинского университета (1910) и доктор русской истории Московского университета (1915).

Сохранилось несколько отзывов об этом великом князе, бывшем «белой вороной» в царской семье. Вспоминает великий князь Александр Михайлович: «Мой старший брат... был несомненно самым „радикальным“ и самым одаренным членом нашей семьи. <...> Он служил в Кавалергардском полку... но был настолько выше в смысле умственного развития своих товарищей-однополчан, что это лишало его всякого удовольствия в общении с ними. Постепенно он отдался от связей с военным миром и проводил все свое время в архивах Петербурга и Парижа. <...> Он остался на всю жизнь холостяком и жил в своем слишком обширном дворце [Ново-Михайловский дворец, Дворцовая наб., 18. – А.М.], окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекциями². Александр Бенуа, описывая свою первую встречу с Николаем Михайловичем зимой 1903/1904 гг. вспоминал: «Однажды среди завтрака в столовую вошел высокого роста сутулый военный в форме Кавалергардского полка. <...> Красивое, значительное лицо было несколько восточного типа <...>. На меня в этот первый день великий князь произвел очень сильное и обворожительное впечатление. Он показался мне удивительным умницей, человеком прелестной воспитанности и просто необычайно приятным собеседником». В дальнейшем в характере великого князя Бенуа заметил «упрямство, граничащее с самодурством³, что, впрочем, не помешало им тесно сотрудничать в целом ряде крупных культурных проектов.

После революции Николай Михайлович не покинул Россию. С августа 1918 в качестве заложника содержался в Доме предварительного заключения вплоть до расстрела в январе 1919.

¹ Русское историческое общество было возрождено в 2012, его главой избран председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин.

² Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М., 1991. – С. 122–123.

³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. – Т. 2. – М., 1980. – С. 331.

Младший брат Николая Михайловича великий князь **Георгий Михайлович** родился на Кавказе в 1863. Служил в лейб-гвардии Конной артиллерийской бригаде, с 1909 генерал-лейтенант.

Обладатель одного из лучших собраний русских монет, Георгий Михайлович в 22 года издал свою первую работу по нумизматике: «Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания». В дальнейшем великий князь опубликовал описания всех русских монет от Елизаветы Петровны до Александра III. Эти работы сохранили научное значение до нашего времени. Он был почетным членом Петербургской Академии наук, Русского географического общества, в 1898–1917 – председателем Русского генеалогического общества. Длительное время состоял управляющим Русским музеем имп. Александра III, принимал деятельное участие в создании коллекции музея. По свидетельству директора Эрмитажа и товарища управляющего Русским музеем графа Д.И. Толстого, «это был очень милый, отзывчивый и добрый человек, всегда готовый прийти вся кому на помощь и за всякого хлопотать»⁴.

Во время Первой мировой войны Георгий Михайлович состоял при Ставке Верховного главнокомандующего, после Февральской революции вышел в отставку и уехал в Финляндию. В апреле 1918 арестован в Гельсинфорсе и доставлен в Петроград.

Еще один внук Николая I, третий из четырех сыновей великого князя Константина Николаевича, **Дмитрий Константинович** родился в июне 1860 в Стрельне.

До 1892 он служил в Конногвардейском полку, затем был назначен командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, расквартированного в Петергофе. С 1897 по 1905 великий князь Дмитрий Константинович возглавлял Государственное коннозаводство, позднее был председателем Российского общества покровительства животным. По свидетельству генерала А.А. Мосолова, «любимой темой его разговоров являлись лошади, коннозаводство и коневодство. Этим двум отраслям хозяйства он посвятил себя полностью, основательно их изучил и применил свои познания... на купленном им большом конном заводе, в который вложил все свое состояние и всю свою немалую энергию»⁵.

Наконец, великий князь **Павел Александрович**, родившийся в Царском Селе в сентябре 1860. Младший сын Александра II с 1882 служил в лейб-гвардии Гусарском полку, затем командовал Конногвардейским полком (1890–1896), 1-й гвардейской кавалерийской дивизией (1896–1898), Гвардейским корпусом (1898–1902).

⁴ Толстой Д.И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже // Российский архив. – М., 1992. – Т. II–III. С. 360.

⁵ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра дворца. – СПб., 1992. – С. 136–139.

В 1889 он женился на дочери греческого короля Георга I, получившей имя великой княгини Александры Георгиевны. В сентябре 1891 после тяжелых родов она скончалась, оставив мужу годовалую дочь Марию и новорожденного сына, названного Дмитрием. Несколько лет спустя великий князь увлекся женой гвардейского офицера Ольгой Валериановной Пистолькорс (урожд. Карнович). В 1902, вопреки категорическому запрету императора, Павел Александрович, уехав за границу, вступил в морганатический брак со своей возлюбленной. Николай II уволил дядю от всех должностей, лишил звания генерал-адъютанта и запретил въезд в Россию.

Опальный великий князь жил во Франции до 1914, когда ему было разрешено вернуться на родину. Вскоре супруга Павла Александровича и его дети от второго брака получили титул князей Палей.

В годы Мировой войны Павел Александрович командовал 1-м Гвардейским корпусом, отличившимся в 1916 в боевых действиях на Юго-Западном фронте. После Февральской революции вышел в отставку и жил вместе с семьей в Царском Селе. Арестован в августе 1918⁶.

Описания последних дней жизни великих князей-заложников содержатся в воспоминаниях их родственников, избежавших расправы и оказавшихся в эмиграции (княгиня О.В. Палей, кн. Гавриил Константинович, вел. кн. Александр Михайлович, вел. княгиня Мария Павловна), узников ДПЭ и Гороховой, 2 периода красного террора (В.Г. Оржеховский, А.Г. Мальцев, К.Ф. фон Брюммер, Н.Н. Пораделов), Ф.И. Шаляпина, Ф.Ф. Раскольникова, И.И. Мухина и др.⁷ В России эти воспоминания стали публиковать начиная с конца 1980-х. Свидетельства современников весьма противоречивы в деталях и требуют тщательного источниковедческого анализа, который еще впереди.

Свидетельствует князь Гавриил Константинович: «Дмитрий Константинович, Николай и Георгий Михайловичи, сосланные в Вологду, где пользовались относительной свободой, в конце лета 1918 были арестованы, перевезены в Петроград и, как и Павел Александрович, посажены в Дом предварительного заключения. В январе 1919 все они были расстреляны в Петропавловской крепости и там же похоронены во дворе»⁸. Некоторые подробности казни содержатся в мемуарах княгини Ольги Палей: «Один старый тюремный служитель, видевший казнь, рассказал о ней... поклявшись всеми святыми, что именно так и было дело. В среду Павла <...> с Гороховой привезли в Петропавловку.

⁶ Марголис А.Д. Царскосельский коттедж: Дача великого князя Бориса Владимировича. – СПб., – 2008. – С. 92–93.

⁷ См.: Красный террор в Петрограде / Сост., предисл., comment. С.В. Волкова. – М., 2011; бережков В.И. Питерские руководители ВЧК–МГБ. 1918–1954. – СПб., 1998.

⁸ Вел. кн. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Воспоминания. – М., 2004. – С. 367.

Трех других великих князей доставили со Шпалерной. Всех вместе отвели в тюрьму Трубецкого бастиона. В три ночи солдаты, по фамилии Благовидов и Соловьев, вывели их голыми по пояс и провели на территорию Монетного двора, где у крепостной стены напротив собора была вырыта общая могила, где уже лежали тринадцать трупов. Поставили князей на краю и открыли по ним стрельбу⁹.

На месте, указанном вдовой Павла Александровича, и были обнаружены человеческие останки в 1989, 2007 и 2009 годах¹⁰. Находки декабря 2009 года и первые результаты их исследования вызвали большой общественный резонанс. Дальше замалчивать тему некрополя террора в Петропавловской крепости стало невозможно. При активном содействии Музея истории Санкт-Петербурга в июне–июле 2010 года были проведены археологические поисковые работы на площади свыше 1200 кв. метров у стены левого фаса Головкина бастиона. В результате экспедиция В.И. Кильдюшевского обнаружила еще шесть захоронений (свыше 90 человек). Общее число казненных, останки которых были найдены вблизи Головкина бастиона, достигло к середине 2010 года 112 человек¹¹.

После этого в исследовании первого некрополя советского террора наступила пауза, продолжающаяся по сей день. Причина в отсутствии финансирования археологических работ и экспертизы останков. Соответствующие обращения за помощью со стороны Музея истории Санкт-Петербурга, «Мемориала» и других общественных организаций, адресованные властям различного уровня, долгое время не давали никаких практических результатов. Наконец руководством города было заявлено, что финансирование продолжения поисковых работ будет открыто в 2013 году. Предстоит исследовать территорию площадью не менее 3000 кв. метров. Только после этого можно будет говорить об истинном масштабе первого некрополя советского террора и формах его мемориализации.

⁹ Палей О., кн. Воспоминания о России. – М., 2005. – С. 157.

¹⁰ Петрова Н.Е. Неизвестные захоронения на территории Заячьего острова // Труды Государственно-го музея истории Санкт-Петербурга. – Вып. 15. – СПб., 2007. – С. 128–135; Марголис А.Д. Первый остров архипелага Бугаг // Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. 20–22 апреля 2009. – СПб., 2010. – С. 146–150.

¹¹ Кильдюшевский В.И., Петрова Н.Е. Находки захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости // Красный террор в Петрограде. – С. 477–503.

Елена Рождественская

Энgramma¹ Афгана: что предпочитают помнить ветераны Афгана и общество о погибших «афганцах»

Елена Юрьевна РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

факультет социологии НИУ ВШЭ,
профессор,
ведущий научный сотрудник Института
социологии РАН (Москва),
доктор социологических наук

В этой статье мы анализируем особенности коммеморации ветеранов-«афганцев», испытывающих сложности в передаче связного рассказа о военной биографии, а также зеркало публичной памяти о них в дискурсе отечественного военного некролога, контрастирующего с дискурсивными особенностями современных натовских некрологов о британских «афганцах», что позволяет оценить различия в культурном производстве публичной памяти.

* * *

Сегодня обращение к Афганской войне 1979–1989 годов с ее неясным смыслом обнаруживает конфликт индивидуальной, групповой, социальной и публичной памяти об этом событии. И двадцать лет спустя как политический смысл этой

rigasvaverite@gmail.com

¹Энграмма – «запись» информации, которая хранится в центральной нервной системе.

войны, незавершенной с уходом советских войск, так и ее энграммический след в индивидуальной и коллективной памяти ветеранов Афгана продолжают видоизменяться, поскольку меняются пресловутые «социальные рамки» памяти.

1. Концептуализация индивидуальной, коллективной и публичной памяти

Но прежде о концепте коллективной памяти и ее соотношении с индивидуальной памятью. Согласно М. Хальбваксу, память всегда коллективна, это память группы, поскольку индивид часть некоторого коллектива, семьи, сообщества, а также потому что группа укрепляет и осознает себя через непрерывное размышление и особую, разделяемую память (Хальбвакс, 2007). Индивидуальная идентичность заключена в этом коллективном общем прошлом, черпает язык описания своего индивидуального прошлого в нарративах, созданных коллективом. Если принять во внимание, что, словами Витгенштейна, приватного языка не существует, то дискурс воспоминаний индивида вбирается коллективной коммеморацией, которая в свою очередь несет идеологический заряд, более того, «образы прошлого часто служат настоящим социальным заказом» (Connerton 2000, р. 3).

Коллективные воспоминания – это «образы прошлого», которые социальные группы отбирают, воспроизводят через «особый набор практик» (Olick & Robbins, 1998, р. 106). В противовес критике рамочного концепта памяти М. Хальбвакса, который неоднократно критиковался за эффект искажения прошлого в интересах солидаризированной группы коммеморации, в некоторых современных концепциях подчеркивается эманципаторное влияние коллективной памяти по отношению к индивидуальной.

Относительно современные направления анализа коллективной памяти в теории дискурса определяют коллективную память как комбинацию дискурсов о сексуальности, этничности, истории, особенностях региона, культуре, семье, которые пересекаются в идентичности (Singh at all, 1994). Они образуют сетевой язык, мета-рассказ, которым пользуется сообщество в целом, на который сориентированы отдельные индивиды. В этом смысле Фуко и постструктурализм объединяются с традицией Дюркгейма, в рамках которой коллективная память мыслится как результат взаимодействия, переговорный диалогический процесс индивида и группы.

Вслед за Дж. Оликом (Olick, 1999, р. 332) мы также будем проводить различие между совокупностью социально фреймированных индивидуальных воспоминаний и социально-культурными паттернами публичной и личной памяти. Последний аспект паттернизации памяти важен, поскольку импульс к воспроизведству коллективной памяти стимулируется не только общими воспоминаниями, но и «коммеморабильностью» как определенными усилиями

коммеморативного сообщества, обладающего совокупно мнемоническими способностями и институциональными возможностями, благодаря которым разворачиваются ритуалы и торжества памяти, как показывают в своем исследовании Э. Армстронг и С. Крэг (Armstrong & Crage, 2006). Важным условием коммеморабильности является мобилизационная активность тех, кто берет на себя задачу строительства коллективной памяти – от создания и формулирования «социальных рамок» до сценария публичного ритуала (Wagner-Pacifici and Schwartz, 1991; Vinitzky-Seroussi, 2002; Olick, 2003). Под мнемонической способностью Э. Армстронг и С. Крэг предлагают подразумевать навыки и ресурсы, необходимые для трансляции содержания коллективной памяти. Очевидностью эти ресурсы связаны, но не идентичны политическим, организационным и культурным возможностям (McAdam, 1982; Morris, 1984; McAdam et all, 1996).

Интересным выводом упомянутого исследования Э. Армстронг и С. Крэг является различие социальных акторов с высокой и низкой мнемонической способностью, соответственно, в большей или меньшей степени влияющих на практики коммеморации, управляющих или подчиненных воспоминанию в определенных социальных рамках. В нашем исследовании, построенном на интервьюировании членов меморативной группы «Паншер» как одного из многочисленных союзов ветеранов Афгана, обнаруживается аналогичная картина различий в мнемонических способностях и ресурсах, которыми обладают в большей степени ее руководители. Соответственно их нарративы содержат больше описаний предпринимаемых акций меморации, их идеологии, сложностей осуществления, меры собственного участия в управлении этим процессом. В терминах Э. Армстронг и С. Крэг, руководители ветеранского сообщества более коммеморабильны, мобилизуя других на ритуалы воспоминаний.

Таким образом, постхальбаксовская социология памяти, преодолевая этап критики М. Хальбакса, переосмысливает рамочный концепт коллективной памяти в направлении коллективного воспоминания как перформанса, коллективного действия, в котором на разных позициях вовлечены и мобилизованы социальные акторы с различными мнемоническими характеристиками и социальными ресурсами, отражающими соответственно и различия в иерархически организованных коммеморативных сообществах. Очевидно, что в отношении нашего объекта анализа – ветеранского клуба «Паншер» – особенно важными для коммеморабильности аспектами будут привнесенные в культуру сообщества воинские статусные различия, сохраняемые в гражданской жизни и обуславливающие различные ресурсы для мобилизации коллективной памяти. Ниже мы рассмотрим отличительные особенности военно-го нарратива об Афгане у рядовых и офицеров.

2. Что помнят из своего прошлого проинтервьюированные ветераны Афгана?

В поисках ответа на этот вопрос мы ориентировались не только и не столько на содержание нарративов об афганском опыте, сколько на связность биографии ветерана-афганца, предполагая, что по-разному переработанная травма участия в войне скажется на степени связности² биографии в целом. Мы полагали, что сложности обеспечения когерентности биографии рассказчиками, пережившими социальные травмы, гипотетически должны найти отражение в биографических разрывах и фигурах умолчаниях. В любом случае, проблемы когерентности могут сигнализировать как об идентификационных проблемах личности рассказчика, так и быть особенностю нарративного текста, в плоскости которого рассказчик испытывает сложности смыслопроизводства.

В нашем анализе коллекции биографических нарративов (18 интервью) обнаружился ряд нарративных конструкций, которые, прежде всего, подразделяются на типичные для рядового состава ветеранов и для профессиональных военных. Дальнейшие различия касаются типологического разнообразия некогерентности биографического нарратива.

Рядовые ветераны	Профессиональные военные
1. Тематизируется жизненный путь / биография до и после Афгана: отсутствует рассказ о войне	4. Война нарративизируется как опыт профессии, командировка
2. Война нарративизирована как служба и исчезает дискурс биографии до и после Афгана	5. Война нарративизируется как опыт карьеры и продвижение по службе
3. Война нарративизирована как коллекция ярких случаев (спасения, гибели товарищей, армейских анекдотов)	6. Война нарративизируется как опыт профессии с вовлечением политической конъюнктуры как режима оправдания

Приведем примеры из интервью, которые послужили основанием для конструирования различных типов нарративной некогерентности. Начиная с рядовых, в нижеприводимом нарративе Владимира элиминируется рассказ о войне, который стал возможным только благодаря нарративному расспрашиванию. Описание жизненного пути, начиная со школы и подростковых увлечений, содержит нормативную встроенность армейского опыта в жизнь

² Отметим, что нарративная идентичность и биография теоретически или в идеале обладают связностью/когерентностью, понимаемой как создание связного образа на основе автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое. Эта связность предполагает сложную работу по воспоминанию и рефлексии. Чаще под когерентностью понимается либо достигнутая идентичность в биографии, либо формообразующий принцип рассказа о ней (Рождественская, 2010, с. 21).

советского молодого человека, необходимую часть маскулинной социализации. В итоге рассказ в целом подчинен логике непрерывно занимаемых и оставляемых позиций, занятый, которой сопротивляется обнаружение смысла как остановка в этом потоке непрерывного действия.

Родился я в городе Ижевске 1 мая 1963 года. Закончил среднюю школу. Увлекался музыкой и спортом. Спортом очень активно увлекался, потому что знал, что надо идти в армию. Музыкой – уже старше, когда стал лет 15–16. Вот. И 7 мая 1981 года я призвался в армию, в десантные войска, здесь сделал потом три прыжка, потому что очень хотел только в ВДВ³, другие войска уже вообще, даже не рассматривались. Потому, что у меня старший брат был десантником. И я очень хотел бы быть похожим на него. Все, и пошел в армию. Попал под город Ташкент, под Ташкентом есть город Чартак. Нас двоих туда отправили, узнал, что попаду в Афганистан уже потом в центральном военкомате. И вот мы вдвоем с товарищем моим ехали туда сами, это очень редко такое бывает. Мы так и сделали, приехали туда, сказали, что приехали служить в армию. Над нами посмеялись, но приняли. Все, и началась служба, сделали там тоже три прыжка, приняли присягу. 7 мая я призвался, двадцатого или пятнадцатого июня нас уже отправили в Афганистан, через месяц. Вот, попал в первый город Кундуз. Есть такой, отслужил там полгода солдатом, рядовым. Через полгода нас отправили в город Гардес. Это ближе к пакистанской границе. Когда год отслужил, мне дали младшего сержанта. И так и я прослужил сержантом уже 2 года там. Ну, вот. А потом, когда пришел с армии, устроился на радиозавод, наладчиком работать. Сразу женился. Через три месяца, как пришел из армии. Практически не успев устроится на работу. Через год родился сын. На заводе так же работал, занимался спортом, везде участвовал, и играл и в футбол, и в хоккей за завод. Пять лет играл в ансамбле. Инструментально-вокальном. Потом перешел на другой завод, механический. Это все я работал на военном производстве. Еще пять лет отработал, потом началась перестройка, и военное производство у нас закрыли. Несколько лет пришлось и там, и там, везде работать. Потом пришел к нефтяникам работать, и до сих пор там работаю, закончил нефтяной техникум и продолжаю тут работать. (Владимир)

В рассказе Игоря время войны нарративизировано как служба с ее задачами, тяготами, бытом, отношениями, казусами. Избранный стиль нарративизации здесь подчинен задаче отзеркаливания – фон армейских будней призван подчеркнуть разворачивающийся сценарий самопрезентации. Попутно фено-

³ Воздушно-десантные войска

вые события в армейской службе содержат важные этнографические детали, характеристики армейской бытовой культуры, а рассказчик становится своего рода проводником по закрытому маскулинному миру этой культуры и ее умелым и компетентным пользователем.

Что хочу отметить, в армии, конечно, нужно иметь здравый смысл, смекалку, чтобы попасть куда нужно, вовремя смотреть, где, на твой взгляд, будет лучше. Значит, там было распределение по специальностям, специалистов готовили, т.е. там были наводчики, операторы, механики и сержанты. Ну, мне на тот момент хотелось и порулить боевой машиной, но и сержантом хотелось быть (смеясь). Как говорится – маленьким начальником. Ну, там естественно был отбор. Всех построили, и офицер ходил и, глядя на наши физиономии, выбирал наиболее адекватных, я так понял. Ну, а потом – армейские будни... Потом уже (после учебки) наш батальон, кроме проводки, занимался еще (задумавшись), знаете, были такие операции – задержка караванов, уничтожение караванов, это значит, по каким-то данным разведки идут неприятели, духи, везут оружие, наркотики, еще что-то. И мы должны, как бы, их уничтожить, обезвредить. (Игорь)

На примере двух нарративов ниже в рассказах ветеранов обнаруживаются сложности мобилизации памяти, когда отсутствие коллективного ритуала воспоминания, приуроченного к датам событий, равнозначно заблокированному воспоминанию. Если привлекать введенные в начале статьи понятия коммеморабильности и перформативного характера коллективных воспоминаний, то становится очевидным процесс отбора воспоминаний, воспроизведенных с учетом коммуникативных задач и отобранных по принципу яркого/смешного эпизода.

Как-то не хочется включать эту память. Вот только когда со своими встречашешься, как правило... Нет, ну вспоминаем, но именно вот те ситуации, смешные, ведь в бою бывает столько смешных ситуаций, да, вроде бы тяжело, а выскочил там, живые остались, а потом кто-то чего-то там... Ну, я не хочу приводить примеры. Некоторые просто такие казусные. Ну, вот и просто то, что вот приятно вспоминать, мы вспоминаем. (Сепета)

Первый ночной обстрел запомнился. Ночью – очередь автоматная, вскакиваю, хватаю автомат, гранаты так и не схватил, в общем, мимо пролетел, нафиг они нужны. Добежал до окопчика, нырнул, высунулся, посмотрел, трассера⁴ летят туда, трассера летят сюда, вот, я залег, как

⁴ Трассирующие пули.

мышонок, прижался, ну, нафиг, пусть воюют без меня. Потом какое-то затаище, сержант орет: Молодой, жив? Молодец! – Я: Не понял, а почему молодец? – А потому, что лежал тихо-тихо, я думал, тебя грохнули. Страшно? Ну, ничего страшного, это нормальное явление. – Тогда почему же я молодец? – Да потому, что по своим стрелять не стал. Довольно часто в первом бою, когда начинается, не думают, лупят по тому, где вспышки идут, т. е. по своим. Вот. (Никишин)

Нarrатив офицеров как профессиональных военных также селективен, но в меньшей степени подвержен некогерентности, поскольку биография получает сквозные опоры из времени довоенного и от части послевоенного – военная учеба и ориентация на военную профессиоinalизацию, в рамках которой проходит растянутая во времени и подготовливающая к службе профессиональная социализация. Многие рассказчики описывают время Афгана как лучшие годы жизни, которые позволили накопить профессиональный капитал, который некоторым из них удалось конвертировать в занятость в новых условиях рыночной экономики в постсоветской России.

После окончания училища, попал в разведку войсковую сразу в Германию на границу ФРГ, оттуда в туркестанский Чирчик – учебный полк, спецназ наш. И после этого уже в Афганистан попал в Джелалабад, замкомандира отряда, выслали меня в 88 году опять же в Чирчик, 15 отделение спецназа⁵, затем поступил в академию, закончил ее в 92 году. Затем в адъюнктуру⁶, был зам начальником факультета, затем преподавателем стал. Преподавал философию. (Смирнов)

Я служил в Мурманске, у меня было желание вернуться в Ленинград, и подвернулся случай, когда в восьмидесятом году я достаточно хорошо выполнил свою задачу, потому что я был начальником медицинской службы оперативной группы. В принципе, я видел какую-то перспективу роста. Видимо, не отказался бы, если бы предложили ехать в Афганистан, потому что часто слышал, что тот или иной офицер уезжает в Афганистан... [Уже будучи там,] мы частично обеспечивали выполнение боевых задач в 76-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. В общем, я считаю, что это счастливые годы моей жизни. Потому что я мог делать все, что хотел, как специалист и как человек, и ничего не боялся. (Дорофеев)

⁵ Воинские подразделения специального назначения.

⁶ Адъюнктура – основная форма подготовки офицерских кадров к самостоятельной педагогической и научной работе в единой системе непрерывного образования. Создается при высших военно-учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях.

У меня была цель. Я кадровый потомственный офицер. Поступил в академию в 29 лет, у меня были нормальные, хорошие перспективы роста, чтобы мне по этой линии идти дальше. А потом начался развал Советского Союза. И я бы, честно говоря, до сих пор служил, если б не то, что произошло с армией. Я, конечно, тяжело переживал увольнение из армии. Получив полковника в 2000 году, всю жизнь отдав армии, я привык к той среде, офицерской среде, которая мне абсолютно понятна, которая предсказуема, вот. (Смирнов)

Я сейчас понимаю, ошибка была, что мы в Афган вошли, а еще большая ошибка, что мы оттуда вышли. Как мы оттуда вышли, сразу и талибы возвратились, и наркотики пошли по всему миру, в том числе и по России. Надо было довести войну до логического конца. Мы бы ее довели рано или поздно. А вот эта демократия, [Горбачев] с западом хотел там целоваться, поэтому и вывел войска. А по большому счету, ошибку сделал большую, и это все понимают, теперь видите, что в Афганистане творится. И американцы ничего сделать не могут. (Фомичев)

Подытоживая эту часть статьи, важно отметить, что ни одному из наших рассказчиков, ветеранов Афгана, не удалось дискурсивно связать воедино в ко-герентный образ жизнь до войны, собственно военный опыт и послевоенную адаптацию. Эта дискурсивная разорванность заставляет их выбрать в качестве фокуса свободного нарративного рассказа для внешнего по отношению к ним человека – исследователя – либо гражданскую жизнь (до и после Афгана), либо только службу, либо отбор ярких историй войны, либо опыт карьеры, военной командировки. Ветераны-офицеры в сравнении с рядовыми явно обладают большей коммеморабильностью, ресурсы которой – в преемственности образовательного пути, профессиональной социализации и опыта военных командировок, таких как Афганская война. Но и в этом случае милитаризированная идентичность закрывает собой другие опыты, и рассказ приобретает связность за этот счет. Многими рассказчиками упоминалось, что между собой, в узком кругу, в разговорах «на кухне», они делятся тем, что относится, по-манигеймовски, к структуре разделенного коллективно пережитого опыта. Но эта полнота индивидуального переживания существует и воспроизводится в закрытых частных коммуникативных нишах, на пресловутой «кухне».

3. Афганский некролог: что и как помнит общество о павших в Афгане?

В этой части мы обратимся к специальному жанру военного некролога, который овеществляет идеологическую коммеморацию государства в отношении к погибшим солдатам. В этом смысле такие документы, как военные

некрологи, официальные мемуары, исторические очерки в энциклопедиях и учебниках насыщают общее дискурсивное пространство, которое является социальным взаимодействием, ареной переговорного диалогического процесса индивидов и социальных групп. Поэтому военный некролог может быть рассмотрен как дискурсивный документ, формулирующий институциональную рамку памяти по отношению к тем, чьей жизнью пожертвовали. Исходя из этого, в задачи некролога не входит память о прошлом (войне и погибших), основная цель – зарядить память для отношения к настоящему и возможно, будущему и легитимировать потери для общественности.

3.1. Структура некролога

Советская война в Афганистане в этом смысле должна была породить и символические формы признания за те жертвы, которые принесло определенное поколение. Дискурсивные следы этого признания мы можем реконструировать, анализируя тексты архивированных некрологов. Мы обратились к региональному контексту Челябинской области, проанализировав некрологи 117 человек на сайте «Павшие в Афганской войне. Челябинская область». Из этого списка погибших в отдельную группу выделяются пропавшие без вести, чьи некрологи имеют сокращенную структуру и фактически приводят скучную информацию об образовании, время и место призыва, упоминание родителей, до сих пор ожидающих сыновей, а также практически не имеют оценочных комментариев. Разумеется, такая лаконичность продиктована неизвестной судьбой солдата, который мог оказаться в плену или дезертировать. Но большинство некрологов с официально задокументированной смертью обладают инвариантной структурой, напоминающей институциональную биографию. Прежде всего, это некролог павшего солдата. Некролог в подавляющем большинстве примеров развертывается по следующей схеме:

1. Место и время рождения.
2. Национальность.
3. Сведения о среднем образовании, членстве в комсомольской организации, наличии собственной семьи (очень редко).
4. Имена родителей.
5. Опыт профессионального образования и труда.
6. Затем следуют сведения, каким военкоматом и когда был призван в армию, в какой части проходил службу, когда послан в Афганистан, в каком звании и в какой пункт.
7. Дата смерти. Награждения, чаще посмертно (орден Красной Звезды, медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», Грамота Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту»).

8. Место захоронения. Формы увековечивания памяти.
9. Мать, отец проживают в таком-то месте.

Это клише может быть дополнено 1) несколькими сюжетами, которые индивидуализируют погибшего, выделяют его из множества других с такой же судьбой, а также 2) этико-смысловой атрибуцией, если под ней понимать попытку вычленить стиль распознаваемых образов официального военного некролога (Родионова, 2008), 3) отзывами, воспоминаниями очевидцев, однополчан, командиров, друзей, 4) небольшим разнообразием форм сакрализации и увековечивания. Именно эти сегменты нарративного дискурса некрологов обнаруживают репертуар этических норм, на которые опирается институционализированная публичная память.

3.2. Мера индивидуализации личности погибшего

Некролог допускает небольшое отступление от инвариантной структуры этого дискурсивного документа в виде отдельных текстуальных дополнений, раскрывающих индивидуальный биографический опыт и позволяющих преодолевать холодность и отчуждение институционального жанра.

До призыва в Вооруженные Силы СССР Владимир с увлечением занимался парашютным спортом, поэтому служить пошел в ВДВ.

Чувство товарищества и коллективизма, заботы никогда не покидали его. Мать написала в своем письме: «...с людьми, которые жили плохо, особенно своими ровесниками, готов был всем поделиться. Он так и поступал: всегда давал поносить свою одежду и обувь. Я, конечно, ругала его, когда они не возвращали, а он мне в ответ говорил: „Ты знаешь, мама, они хлеба досыта не едят, мы против них – богатые“».

Во время учёбы в Симском механическом техникуме Олег не давал себе отдыха во время каникул и в течение двух лет работал подсобным рабочим на птичнике. А перед последним курсом работал в качестве воспитателя в пионерском лагере. Очень увлекался спортом. Имел много дипломов по спортивным играм (футбол, баскетбол, шахматы), участвуя в юношеских командах.

Анатолий много занимался самовоспитанием, был нетерпим к своим недостаткам и недостаткам других, всегда говорил правду в глаза. Работая на заводе, завоевал уважение товарищей и был выбран комсоргом своего цеха.

Учился Михаил отлично, занимался в музыкальной школе № 5, с большим удовольствием играл на баяне, много читал, любил рыбалку, охоту, охотно сажал молодые деревца в школьном саду и ухаживал за ними.

Та мера индивидуализации личности погибшего воина-интернационалиста, которая допускается в некрологе, за редкими исключениями (сажал деревца, играл в шахматы) имеет инструментальное значение: увлечение спортом подготавливает к армейской службе; альтруизм подготовит к коллективизму и жертвенности в армии; бескомпромиссность завоевывает уважение и выдвигает на лидерские позиции в армии. Даже относительно негативные качества, как упоминаемая нетерпимость к недостаткам других, уравновешиваются само-воспитанием и «правдой в глаза». Так особый жанр некролога, цензурирующий события и отзывы в духе «о мертвых хорошо или ничего», вырабатывает род баланса, в котором компенсируются неоднозначно представленные черты характера героя, превращая жизнь в житие.

3. 3. Примеры этико-смысловой атрибуции

Дальнейшая аналитическая работа с текстом некролога по логике от целого к частям нацелена на уплотнение дискурсивных структур, мы фактически редуцируем текст до повторяющихся мемов. Мы осуществляя эту процедуру, намереваясь обнаружить язык описания, благодаря которому и осуществляется государством конечная легитимация солдатских жертв войны.

Ценой своей жизни; трудолюбивый, самоотверженный и исполнительный воин; настойчиво шел к достижению поставленной цели. Собранный, целеустремленный, он во многом был примером для своих товарищей; его отличали подтянутость, опрятность в ношении военной формы одежды. Обладал хорошими качествами, присущими советскому гражданину: политически сознательен, идеино убежден, отлично знал свою боевую специальность, обладал высокими морально-боевыми качествами, служил образцом выполнения воинского долга; проявил он мужество и героизм; высоко держал марку гвардейца-десантника. Был убежден в необходимости помочь народу соседней страны установить справедливую власть, бороться с нуждой. Наш земляк честно выполнил долг солдата, так же, как наши парни, побывавшие в Чечне. И те, и другие были уверены в своей правоте, знали, что защищали и против чего боролись. Служил честно, за спины ребят не прятался.

В рефрене повторяющихся мемов мы обнаруживаем риторическую фигуру честно отдавшего долг родине солдата, но ценой своей жизни. Мера после-

довавшего символического признания со стороны благодарной Родины, отраженная в тексте ниже, резко контрастирует с принесенной жертвой. Что касается смысловой атрибуции и легитимации коллективной жертвы, они встречается в проанализированных некрологах крайне редко, заслоняясь формулой интернационального долга либо эвфемизмами (*были уверены в своей правоте, знали, что защищали и против чего боролись*). Но в приводимых примерах (*был убежден в необходимости помочь народу соседней страны установить справедливую власть, бороться с нуждой*) атрибуции отсылают к архетипичному крестьянскому паттерну – помочь соседу в нужде, что расценивается как акт справедливости. В итоге следует признать, что дискурсивная реконструкция военного регионального некролога реферирует не к экспертному историческому или политологическому знанию, как ресурсы легитимации подвергшимся девальвации, а к российским архетипическим паттернам справедливости, коренившимся в пластиках крестьянской культуры.

3.4. Свидетельства и воспоминания однополчан, командиров

Заметной частью некролога, претендующей на нарративизацию кульминационного момента биографии героя – его смерти, являются воспоминания свидетелей. Им отводится важная роль документализации произошедшего и вынесения оценочного суждения с помощью вышеупомянутого языка описания.

25 октября мы, как обычно, вышли на очередное боевое задание. Двигаясь по ущелью, мы проводили разъяснительную работу в кишлаках. Он погиб, но задача, которая стояла перед боевой группой, была выполнена. Банда была уничтожена.

По воспоминаниям друзей, Владимир погиб в неравном бою. Командованием была поставлена задача его отделению провести разведку местности в районе ущелья Лайвонд-Тайлисейдон. Завязался бой с мятежниками. Во время боя, видя тяжелое положение роты, попавшей под сильный оружейный огонь противника, проявил смелость и инициативу, личным примером поднял свое отделение в атаку и вышел на выгодную позицию. Прикрывая огнем отделения выход роты из ущелья, погиб. Ценой своей жизни он спас многие жизни своих товарищей. Обнаруженная им огневая точка была уничтожена, и рота вышла из ущелья без потерь.

Радис, рискуя жизнью, вывел машину с горящими ящиками со снарядами в безопасное место. Покидая горящую машину, Радис был смертельно ранен и скончался от полученного ранения на поле боя.

Краткие описания подвига и гибели интуитивно следуют классической схеме сторителлинга, нарративной технологии публичного рассказа (Watts, 2006), и вбирают следующие компоненты:

1. Статус-кво – рутинные для военного контекста задачи (разведка, очередное боевое задание, прикрытие и т. д.).
2. Поворотный/ключевой момент – нападение, взрыв, обстрел, засада.
3. Инициатива героя / принятие индивидуального решения / выбор.
4. Кульминация – гибель героя.
5. Последствия поступка героя – спасение других, решение боевой задачи, умерщвление противника.
6. Кода – оценка подвига однополчанами и обещание помнить.

Следуя этой схеме с некоторыми незначительными отклонениями, инкорпорированные в некрологи воспоминания придают документу своего рода занимательность, увлекая пережитой историей, придавая ему статус документа жизни, словами К. Пламмера.

3. 5. Стратегии увековечения, упомянутые в некрологах

Военные некрологи в качестве институционально продвигаемых текстов коммеморации отражают также важные социальные стратегии увековечивания/запоминания⁷. В анализируемых некрологах эти задачи решаются как на уровне перформативных высказываний – «Ваш подвиг мы не забудем», коммеморативного поименования – улиц, присвоения имен коллективам, отрядам, школьным классам, так и благодаря материально-вещным стратегиям – передаче личных вещей и оружия в музеи, уголки памяти, боевые части – запускающим воспоминания через ассоциативные ключи, синекдоху⁸, отождествление, замещение, как механизмы связи индивидуальной и социальной памяти в публичном пространстве.

Вариации увековечивания:

Его имя занесено в альбом Памяти Ленинского РВК г. Челябинск, а фотография помещена в фотоальбоме музея Союза ветеранов воинов-интернационалистов Ленинского района г. Челябинск.

Автомат Вашего сына вручен лучшему солдату подразделения, а его комсомольский билет, как реликвия, хранится в части.

⁷ Если говорить о континууме социальных стратегий публичной памяти, то они простираются от включения в память как увековечивания до исключения из памяти как репрессии, от награды запоминанием и до наказания забвением. Инверсивные стратегии – включение в память как репрессия и исключение из памяти как прощение, наказание запоминанием и награда забвением (Брагина, 2007).

⁸ Синекдоха – употребление слова в переносном значении.

В средней школе № 4 п. Черемшанка имя Саши носил пионерский отряд шестого класса.

В родном СПТУ-113 г. Еманжелинск установлена мраморная доска памяти с его именем. На Аллее памяти погибших воинов-интернационалистов имеется памятная надпись о гвардии ефрейторе Владимире.

Его именем названа в селе одна из улиц.

В средней школе, в которой учился Жавдат, создан уголок его памяти. Одному из пионерских отрядов школы было в свое время присвоено его имя.

В школе, где учился Володя, установлена мемориальная доска. Фотографии гвардии младшего сержанта находятся в фотоальбомах Ленинского РВК и в музее Союза ветеранов воинов-интернационалистов Ленинского района г. Челябинск.

В Каменской средней школе, где он учился, оформлен стенд памяти о его жизни и обстоятельствах гибели на Афганской войне.

Приведенные примеры увековечивания отчетливо размечают публичное пространство города, поселка, деревни. Маркеры коммеморативного поименования часто присваиваются образовательным учреждениям, в стенах которых осуществляется патриотическая работа, нацеленная на идеологическое обеспечение преемственности в рекрутировании новых поколений для обороны страны, прежде всего мальчиков. Кроме того, образовательные учреждения, в стенах которых выросли будущие воины-интернационалисты, павшие затем на Афганской войне, приобретают в их лице живой образец идентификации, а не только назидательный образ для подражания.

Итак, афганский некролог как институционально порожденный текст создает свою оптику взгляда на биографию погибшего солдата – фактически он переписывает историю жизни погибшего в направлении присвоения и почти полного поглощения индивида государственной машиной. Мера индивидуализации в некрологе личности погибшего воина-интернационалиста в большинстве своем имеет инструментальное значение. Вся предшествующая войне жизнь коннотирована как подготовка к долгому службе, а смерть иногда легитимирована в терминах сложносочиненного конструкта «интернационального долга» либо архетипического крестьянского паттерна «помохи соседу в нужде». Таким образом, смысл смерти на этой войне, равно как и самой войны, – сюжет крайне редкий. Эта линия смыслопроизводства переведена в другую плоскость, порождаемую нарративами свидетелей-однополчан, – смерть погибшего приобретает смысл в контексте самопожертвования ради товарищей, для их спасения.

4. Актуальные афганские некрологи натовцев: что изменилось?

Социальное восприятие военных некрологов российских воинов-афганцев сегодня было бы неполным, если не принять во внимание опыт других стран, вовлеченных в перманентную войну в Афганистане. Речь об участии стран НАТО в афганских военных действиях, начиная с 2001 года. В частности, Великобритания в 2006 вела интенсивную военную кампанию в провинции Хелманд, где были убиты более 200 солдат. Известный британский исследователь афганских войн Э. Кинг в связи с этим анализирует публичные некрологи, публикуемые Министерством обороны (King, 2010). Вследствие своего анализа, Э. Кинг приходит к выводу, что ритуалы публичной памяти XX века, которые оплакивали анонимных солдат как жертвы нации, были заменены новыми конвенциями, которые принципиально пересматривают статус военнослужащего в общественном воображении и сознании. В современных публичных актах памяти солдаты персонализируются, вспоминаются прежде всего как отцы, мужья, жены, сыновья и дочери (King, 2010).

Каковы политические последствия этого пересмотра концепта публичной памяти? Э. Кинг полагает, что Англия и США рассматривают войны в Ираке и Афганистане не как проблему национального выживания, что меняет восприятие погибших. Если мы примем во внимание дискурс Афганской войны в России, то здесь также не участвовал сюжет национального выживания, фигура речи «международный долг» как легитимация вовлечения в войну позиционировала Россию как озабоченного соседа. Но стала ли эта позиция поводом для иного взгляда государства на своих погибших солдат?

Память, личность и семья, по мнению Э. Кинга, становятся основными сферами обсуждения и действий, в то время как сюжеты нации, государства, класса или экономики отступают, что выглядит как пересмотр договора между гражданином и национальным государством. Солдаты стали личностями и, следовательно, коллективная харизма корпоративной жертвы оказалась приватизированной. Однако Э. Кинг подчеркивает и другую сторону этой персонализации: у государства есть обязанность заботиться о своих солдатах, не допуская больших жертв, оно не может позволить себе терять свои вооруженные силы. И в этом смысле персонализация может работать на государство: оно действует уже не во имя абстрактной нации, но от имени личности и семьи.

Пожалуй, именно этот момент – допущение или не допущение персонализации погибших, ее мера и, следовательно, ответственность государства за принесенные жертвы – отличает британские и российские некрологи, несмотря на разделяющую их временную дистанцию. Зайдя, например, на региональный сайт Смоленска, в поисках современных некрологов в связи с Чечней⁹, мы обнаружим тот же инвариантный дискурс военного некролога о смерти служивого

⁹ История Смоленщины на гранитных плитах. – <http://www.pomni-smolensk.ru>.

человека. Но общим признаком как английских, так и российских военных некрологов будет, на наш взгляд, неразрешимая задача оправдания войны, которую не компенсирует приватизация корпоративной жертвы, а также институциональная потребность эмоционально и пафосно зарядить публичную память для отношения к настоящему.

* * *

Мы дискурсивно сравнивали в статье индивидуальные нарративы ветеранов Афганской войны с точки зрения памяти социального актора о событии и такую форму публичной памяти об «афганцах» как военный некролог. Такой фокус анализа позволяет увидеть контрасти мнемонических характеристик рядовых и офицеров: если первые испытывают большие сложности в нарративизации всех этапов биографии в целом, то вторые имеют в распоряжении милитаризованный образовательно-профессиональный сублейтмотив рассказа, который позволяет вобрать в наррацию разнообразные опыты жизни. Существенным отличием оказался и сюжет легитимации войны в целом, который чаще присутствовал в нарративах офицеров.

Военный некролог решает особые цели – рассказать об оборванной жизни солдата таким образом, чтобы придать смысл индивидуальной и коллективной жертве, легитимировать потери для общественности. Мера индивидуализации в некрологе личности погибшего воина-интернационалиста в большинстве своем имеет инструментальное значение как подготовка к долгому службы. Смерть погибшего приобретает смысл в контексте самопожертвования ради товарищей, для их спасения.

Если сравнивать российские и натовские (благодаря исследованию Э. Кинга) военные некрологи, то очевидно изменение восприятия погибших. В современном натовском сценарии некролога солдаты стали личностями, и, следовательно, коллективная харизма корпоративной жертвы оказалась приватизированной. Именно этот момент – допущение или не допущение персонализации погибших, ее мера и, следовательно, ответственность государства за принесенные жертвы – отличает британские и российские некрологи, несмотря на разделяющую их временную дистанцию. Но общим признаком как английских, так и российских военных некрологов будет, на наш взгляд, общая неразрешимая задача оправдания войны.

Литература

- Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007.
- Родионова Е.С.* Методы атрибуции художественных текстов // Структурная и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. – Вып. 7 / Под ред. А.С. Герда. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. С.118–127.
- Рождественская Е.* Нarrативная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2010. – № 30. – С.5–26.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007.
- Armstrong E.A. & Crage S.M.* Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // American Sociological Review. – 2006. – Vol. 71. – P. 724–751.
- Connerton P.* How Societies Remember. – Harmondsworth: Penguin, 2000.
- King A.* The Afghan War and ‘postmodern’ memory // The British Journal of Sociology. – 2010. – Vol. 61, issue 1. – P. 1–25.
- King A.* Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance. – Oxford: Berg, 1998.
- McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1982.
- McAdam D., John D. McCarthy J.D., Zald M.N.* Introduction: Opportunities, Mobilizing Structures and Framing Processes // Comparative Perspectives on Social Movements / Ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy and M.N. Zald. – New York: Cambridge University Press, 1996. – P.1–20.
- Morris A.* The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. New York: Free Press, 1984.
- Olick J.K.* Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. – 1999. – Vol. 17. – P. 333–348.
- Olick J.K (ed.)*. States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection. – Durham, NC: Duke University Press, 2003.
- Prelli L.J.* Introduction to: Rhetorics of Display / Ed. by L.J. Prelli. – Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 2006. – P. 1–38.
- The September 11 Digital Archive. – <http://old.911digitalarchive.org/about>
- Singh A., Skerrett, Jr., Hogan R.E.* Memory, narrative, and identity: new essays in ethnic American literatures. – Boston: Northeastern University Press, 1994.
- Snow D., Burke E., Rochford, Jr., Worden S.K., Benford R.* Frame Alignment Processes, Micromobilization and Movement Participation // American Sociological Review. – 1986. – Vol. 51. – P. 464–481.
- Vinitzky-Seroussi V.* Commemorating a Difficult Past: Yitzhak Rabin’s Memorials // American Sociological Review. – 2002. – Vol. 67. – P. 30–51.
- Wagner-Pacifici R. & Schwartz B.* The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. – 1991. – Vol. 97(2). – P. 376–420.
- Wagner-Pacifici R.* Memories in the Making: The Shapes of Things that Went // Qualitative Sociology. – 1996. – Vol. 19. – P. 301–322.
- Watts N.* Teach Yourself Writing A Novel. Publisher: McGraw–Hill, 2006.

Надежда Слепкова

«А места не сказали...»

**Анатолий Эсперович Серебряков
в дневниках матери**

Надежда Валентиновна СЛЕПКОВА

Зоологический институт
Российской Академии наук
(Санкт-Петербург)

Ярким свидетельством эпохи социальных потрясений в России в XX веке является дневник Екатерины Александровны Серебряковой, урожденной Тетельман (1862–1942). После смерти мужа Эспера Александровича Серебрякова (1854–1921) она стала супругой известного художника Павла Николаевича Филонова (1883–1941). Благодаря этому архивные материалы, связанные с семьей Серебряковых, попали в Отдел рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ).

В дневнике Е.А. Серебряковой множество подробностей о жизни ее сына – Анатолия Эсперовича Серебрякова (25.04.1890 – 08.07.1938). Имя его известно в настоящее время немногим. Серебряков родился в Париже в семье народовольцев-эмигрантов, детство провел в Лондоне, после возвращения в Россию учился на историко-филологическом отделении Императорского Санкт-Петербургского университета. Был учеником И.М. Грэвса и членом Эрмитажного кружка. В середине 1930-х он работал над написанием

snv@zin.ru

истории Зоологического музея Академии наук. В советские годы был репрессирован трижды. В 1920 в Вологде он ненадолго был арестован местной ЧК и привлечен к принудительным работам. После этого он покинул Россию, но в 1924 нелегально посетил Петроград с целью повидаться с матерью и друзьями, был задержан на обратном пути в Финляндию, оказал вооруженное сопротивление и был приговорен к 10 годам лагерей. Восемь лет Серебряков провел на Соловках. В 1938 вновь был арестован и погиб в заключении. Дневник матери не только заполняет лакуны в биографии А.Э. Серебрякова, но и представляет собой эмоциональное личное свидетельство. Пространная статья о Серебрякове уже написана и вскоре будет опубликована¹. Здесь же внимание будет уделено главным образом дневниковым записям Екатерины Александровны о сыне.

Несколько слов нужно сказать о дневниках в целом. Более или менее постоянные записи начинаются после смерти первого мужа в 1921. К этому времени относятся и первые упоминания о Филонове. Возможно, Екатерина Александровна писала и раньше, но в филоновский фонд ее записи не попали. Ранние периоды жизни семьи нашли фрагментарное отражение в дневниковых записях, написанных от имени детей («дневники» Анатолия, Пети, Ани), которые на самом деле вели не дети, а сама Екатерина Александровна. Дневник представляет собой несколько не самых толстых общих тетрадей, записи выполнены разными чернилами, иногда даже карандашом². К этим записям в семье обращались неоднократно. Перечитывались страницы, связанные с ранними годами жизни детей, о чем упоминает Филонов. В 1938 Екатерина Александровна немного отредактировала дневник: «28 марта 1938 г. решила пересмотреть свои дневники и перечеркиваю то, что нахожу несуразным»³. Таких зачеркнутых мест, впрочем, не особенно много. После 1921 существенный пробел в записях есть только между 20 февраля 1933 и 24 мая 1936. Скорее всего, дневник за этот период просто не сохранился.

У Эспера Александровича и Екатерины Александровны было четверо детей: Владимир, Анатолий, Анна и Петр.

Владимир Эсперович Серебряков (1888–1957) родился в Женеве. Когда семья Серебряковых приняла решение вернуться в Россию, он остался в Лондоне. В 1912 Владимир женился на Ethel Gracham, и мать по просьбе сына ездила

¹ Слепкова Н.В. Историк Зоологического музея Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938) // Историко-биологические исследования. – 2013. – Т. 5, № 3. – С. 43–71 (в печати).

² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34 (30.08.1921–31.08.1922); Д. 35 (31.08.1922–29.08.1930); Д. 36 (Л. 18–31: записи 1893, 1896, 1897, 1899, 1908 гг. и 01.1927–12.03.1931); Д. 37 (01.12.1927–30.10.1928; Л. 4, 80–95 – записи Э.А. Серебрякова); Д. 38 (1.11.1928–2.01.1929); Д. 39 (7.01.1929–28.10.1929); Д. 40. (Л. 1–60: «Дневник Анатолия Серебрякова–Тетильман», 1894–1899; дневник Е.А. Серебряковой, 1929–6.02.1930); Д. 41 (25.01.1932–21.02.1932); Д. 42 (4.01.1932–13.08.1932); Д. 43 (16.08.1932–20.02.1933); Д. 44 (24.05.1936–11.03.1940); Д. 243 («Дневник Пети», 1910–1914).

³ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 1.

в Лондон присутствовать при первых родах его жены⁴. У четы было шестеро детей – четыре дочери и два сына⁵. Последние записи дневника Е.А. Серебряковой, посвященные Владимиру, относятся к 1936.

Второй сын – Анатолий появился на свет во Франции. «Родился Толя 25 апреля 1890 г. в Neuilly, близ Парижа»⁶, – пишет мать в «Дневнике Анатолия Серебрякова-Тетельман» за 1894–1899 гг. Наряду с чисто житейскими наблюдениями матери, есть в дневнике записи, свидетельствующие о передавшихся ребенку антимонархических настроениях семьи. Так, четырехлетний Толя «мечтает быть кондуктором на железной дороге. Царя и царицу закутает и бросит в товарный вагон и туда же поместит слона, который их раздавит»⁷. Один фрагмент из Толиного дневника даже был украден в качестве улики служанкой-шпионкой. Е.А. записала: «Начало дневника украла девушка в [1]907–908, когда мы жили в Куоаколо⁸. Была у нас В. Фигнер и еще несколько человек. Я им прочитала выдержки из дневника Толи, где он говорит „мои grand, мои elefant⁹ с хоботом, убью царя“, и рисунок Толи, где царя, лежащего на деревянной скамье (под скамьей ночной горшок), секут два мужика. Девушка-служанка оказалась шпионкой; мы ее уличили, когда она подслушивала»¹⁰. В дневнике эти места подчеркнуты красной волнистой чертой.

Третьим ребенком Серебряковых была дочь Анна (1893–1897), умершая во младенчестве¹¹. Четвертый ребенок – Петр (Петр Эсперович Серебряков; 1898–1938) родился 24 сентября 1898¹² уже в Англии, в Лондоне.

В соответствии с манифестом 1905 г. у семьи появилась возможность вернуться в Россию. Сначала Серебряковы жили в Финляндии. В 1908, когда Анатолию исполнилось 18 лет, семья перебралась в Петербург. Записей этого периода об Анатолии нет, и некоторые сведения можно почерпнуть только из «Дневника Пети». 29 мая 1911 Анатолий сдавал экзамен и 17 июля «принес свой аттестат»¹³. Вероятно, это был какой-то экзамен, необходимый для поступления в университет, свидетельства о котором у сына эмигранта

⁴ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 40.

⁵ Сведения предоставлены Марком Серебряковым, внуком В.Э. Серебрякова от его старшего сына Виктора.

⁶ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 1. По всей видимости, имеется в виду промышленный пригород Парижа Нёйи-сюр-Сен.

⁷ Там же Л. 7об.

⁸ Имеется виду Куоккала – деревня волости Терийоки Выборгской губернии (Финляндия; с 1948 – пос. Репино в Ленинградской области).

⁹ «Я слон, я большой...» (фр.)

¹⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 36. Л. 20, 23.

¹² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34. Л. 23; Ф. 156. Д. 40. Л. 62.

¹³ Там же. Д. 242. Л. 23.

не было. Весь период обучения Анатолия на историко-филологическом отделении Санкт-Петербургского университета, который он закончил в 1915¹⁴, и первые годы его работы, пришедшиеся на время революции, никак не отражены в дневнике матери. Известно, что по окончании университета А.Э. Серебряков был оставлен при кафедре всеобщей истории и одновременно стал преподавать историю в Коммерческом училище в Лесном.

В июле 1918 Анатолий Эсперович был командирован в Архангельскую и Вологодскую губернии «для осмотра состояния древних церквей Севера в связи с поручением Археологической комиссии»¹⁵. Какое-то время он служил младшим хранителем Художественного музея в Вологде. Здесь весной 1920 Серебряков был ненадолго арестован местной ЧК. Об этом в дневнике матери сохранилось следующее свидетельство, записанное на Пасху 15 апреля 1922: «В позапрошлом году в это время Толя был в Вологде, в лагере принудительных работ. Ему захотелось пойти в церковь. И его кто-то заметил из ЧК и сделал выговор, что Серебрякова держат не строго и чтобы его не выпускали в город, и некоторое время его не выпускали»¹⁶.

По освобождении Анатолий Эсперович бежал за границу. С 1920 он проживал в Финляндии, работая переводчиком¹⁷. 13 марта 1921 скончался его отец¹⁸. Именно с подробного изложения обстоятельств смерти мужа начинается дневник Екатерины Александровны. Посмертный портрет попросили написать соседа по дому – Павла Николаевича Филонова. Через некоторое время Екатерина Александровна стала женой художника, которого была старше почти на 20 лет. Зарегистрировали они свои отношения по инициативе П.Н. Филонова в октябре 1929¹⁹. Екатерина Александровна неоднократно от этого отказывалась, ссыпаясь на то, что «прожила <...> с Эспером Александровичем почти 36 [лет] и без всяких обрядностей»²⁰.

Через некоторое время после того, как Анатолий Эсперович покинул Россию, он прислал матери свой адрес. В декабре 1922 она писала: «26го пришло

¹⁴ Ряд биографических сведений о А.Э. Серебрякове приводятся в комментарии А.И. Добкина к изд.: Анциферов Н.П. Из дум о бытом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. – М.: Феникс, Культур. инициатива, 1992. – С. 499.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 34. Л. 49об.

¹⁷ Сведения приводятся по материалам архивных уголовных дел № П-93190 (1924 г.) и П-6079 (1938 г.) из Архива УФСБ по СПб. и Лен. области (ответ ИЦ УФСБ от 20.03.2013 на запрос о А.Э. Серебрякове); далее Архив УФСБ.

¹⁸ Об А. Серебрякове см.: Тютчев Н.С. К истории военной организации «Народной воли» (Памяти Эспера Александровича Серебрякова) // Тютчев Н.С. Статьи и воспоминания. Ч. 1: Революционное движение 1870–80 гг.: ст. по архив. мат-лам / Ред. А.В. Прибылева. – М., 1925. – С. 144–153.

¹⁹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 40. Л. 65.

²⁰ Там же. Д. 39. Л. 27об.

письмо от Толи с адресом»²¹. И дальше, в феврале 1923: «Сегодня получила прекрасное письмо от Толи. Долго оно шло и письмечко, как благоухающая роза, от его подруги Рафаели. Петю и меня письмо это чрезвычайно порадовало, так как мы уже с декабря не имели никаких известий и беспокоились. Довольна я и спокойна за Толя. Давно мне хотелось, чтобы он кого-либо, достойного его, полюбил бы. Особенно это существенно на чужбине. По всем видимостям, нашлась такая девушка»²².

Все шло более или менее благополучно, однако через некоторое время Анатолий Эсперович совершил поступок, который коренным образом изменил всю его дальнейшую судьбу. В 1924 он тайно посетил СССР, соскучившись по матери и друзьям. При попытке возвращения в Финляндию на лыжах по льду залива он был арестован, оказал вооруженное сопротивление. «23 февраля 1924 г. Серебряков был задержан пограничным постом № 4 ОГПУ в Ленинградском военном округе при нелегальном переходе через границу»²³.

Он попал в Дом предварительного заключения на Гороховую. Следствие шло не быстро. Некоторые эпизоды, связанные с этим арестом, Екатерина Александровна записывает с кинематографической точностью. «16 декабря 1924 г. отправилась к Толе на свидание, мне его не дали. Он был в Особом ярусе, отняли разрешение на свидания, которое было постоянным, данное в июле следователем Хотаки, [кто]рым я и пользовалась. На мой вопрос „где же мой сын?“ ответили „откуда я знаю, спрявьтесь в ГПУ“. Я направилась к прокурору К. Он мне сказал, что он там же. <...> В тот же вечер я уехала в Москву. Видела 17го утром Черткова²⁴, который за Толю хлопотал. Он видел Енукидзе²⁵, Смидовича²⁶, писал Зиновьеву²⁷. И что все обещали содействие. Видела Ряз. [?] нрзб.]. „Ваш сын будет жив“ – встретил он меня. 18го встретила Стучку²⁸. <...> я ему в нескольких словах рассказала, в чем дело. „Вам не о чем беспокоиться“, – сказал он. На Спиридоновке 30го пошла записаться к Катаняну²⁹ <...>. В тот же вечер

²¹ Там же. Д. 35. Л. 2.

²² Там же. Л. 116б.

²³ Архив УФСБ.

²⁴ Вероятно, Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) – лидер толстовства как общественного движения, общественный деятель.

²⁵ Енукидзе Аvelи Saфоновиch (1877–1937) – секретарь Президиума ЦИК СССР с декабря 1922 по 3 марта 1935.

²⁶ Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) – партийный и государственный деятель СССР.

²⁷ Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – революционер, советский политический и государственный деятель.

²⁸ Стучка Петр Иванович (Pēteris Stučka, 1865–1932) – писатель, юрист, политический деятель Латвии и Советского Союза.

²⁹ Катанян Рубен Павлович (1881–1966) – помощник прокурора РСФСР с 1923, затем старший помощник прокурора Верховного Суда СССР. В 1933–1938 – старший помощник прокурора Верховного Суда СССР по специальным делам.

поехала в редакцию „Известий“ повидать Стеклова³⁰ <...>. 19го к 12 явилась в Наркомюст. Народу было много. Через полчаса, боясь, что не примет и уйдет, как говорили, бывает, написала записку „прошу принять меня, жену известного народовольца Э.А.С. бывший член П.Н.В.“»³¹.

Катанян Е.А. Серебрякову принял, но решения не было ни 22, ни 23, ни 24 декабря³². 27 декабря она уехала в Ленинград. Свидание, в конце концов, было разрешено. Чуть позже Екатерина Александровна пишет: «б-го [возможно, января 1925. – Н.С.] снова виделись. Возвратившись поздно с П.Н.³³ домой, нашли телефонограмму от Пешковой³⁴: „Постановлением особого совещания сын ваш ссылается в Сибирь на 3 года“»³⁵.

Однако в Ленинграде московское решение опротестовали. Помимо вооруженного сопротивления, Серебрякову вменялся нелегальный переход границы с разведывательными целями. Из материалов архива УФСБ следует, что «постановлением Коллегии ОГПУ от 16 февраля 1925 г. Серебряков был осужден к высшей мере наказания – расстрелу». Неделей раньше, 10 февраля 1925, Екатерина Александровна писала: «Что за день! Утром торопилась в губпрокуратуру. Пришла в 11. Красти³⁶ пришел поздно, получила разрешение около часу. В ДПЗ в 4^е отделение попала во вторую очередь. Говорили мы недолго. Толя в подавленном настроении, говорил 23 [февраля] будет год, как арестован, что если 25 все так неопределенно будет, то он объявит голодовку. Я не советовала, так как дело в Москве и пока от местных не зависит. Минут через десять нас лишили свидания, п[отому] ч[то] он ел яблоко, а фрукты запрещены. Тут же рядом арестован[ный] пил из бутылки молоко с сухарями. Я так обалдела, что потеряла пропуск. Меня не выпускали и запретили, пока свидание со всеми не окончится, искать его»³⁷.

События разворачивались так, что Екатерине Александровне пришлось снова побывать в Москве. Обстоятельства второй своей поездки в Москву она излагает в дневнике настолько скрупультно, что понять, что конкретно случилось, из

³⁰ Стеклов Юрий Михайлович (Нахамкис, 1873–1941) – политик, историк, публицист, редактор «Известий» (с 1917).

³¹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 28, 28об. (запись от 10 февраля 1925).

³² Там же. Л. 29об.

³³ Павел Николаевич Филонов.

³⁴ Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965) – первая жена М. Горького. В 1922–1937 возглавляла организацию «Помощь политическим заключенным».

³⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 30об.

³⁶ Крастин Иван Андреевич (Kraštins Jānis, 1904–1936) – начальник Следственного отдела Петроградского губернского Революционного трибунала, в 1922–1926 – прокурор Петроградской / Ленинградской губернии (Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. – <http://www.knowbysight.info/KKK/09273.asp>).

³⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 27об., 28.

кратких записей трудно. Она пишет: «...злополучный разговор с Генкиным³⁸, в котором я завралась, протест в Москву из ГПУ. Моя поездка в Москву. Встреча с Катаньяном и ссылка Толи в Соловецк – на 10 лет. Все это имеется среди моих бумаг»³⁹.

Усилия матери и заступничество ее московских друзей все же принесли плоды: «постановлением Коллегии ОГПУ от 2 марта 1925 г. в порядке пересмотра дела, принимая во внимание революционные заслуги его отца, Серебрякову А.Э. приговор изменен на заключение в концлагерь сроком на 10 лет. Срок наказания Анатолий Эсперович отбывал в Соловецком лагере (СЛАГ) ОГПУ»⁴⁰.

На Соловках Анатолий Эсперович какое-то время был научным сотрудником Соловецкого общества краеведения (СОК) и опубликовал очерк о его работе⁴¹. Через некоторое время Серебряков был переведен в Пушхоз. Питомником заведовал финн Карл Густавович Туомайнен (1893–1937)⁴², его имя неоднократно появляется на страницах дневника матери Анатолия Эсперовича.

Мать переписывалась с сыном постоянно. Какое-то время она даже записывала, какого числа она получала корреспонденцию, что и когда отправляла сама. Например, в мае, по всей видимости, 1926 года она отправила ему 4-го – письмо, 9-го – письмо, 13-го – посылку, 16-го – письмо, 20-го – посылку, 22-го – письмо, 25-го – посылку, 27-го – посылку, 27-го – 7 руб., 30-го – письмо⁴³. Попав в больницу, 12 января 1927 она пишет: «Выйду ли отсюда. Бедные Толя, Петя, Павел Николаевич. Я знаю, Паня⁴⁴ будет тосковать, Петя тоже, но хуже всего будет Толе. Надо, чтобы Петя отправился к Крастину и посоветовался о Толе, а также написать Марусе, чтобы хлопотала через Красный Крест»⁴⁵. Надо сказать, что у Екатерины Александровны был большой опыт по поддержке политкаторжан. Кроме того, мать навещала сына на Соловках, по крайней мере она была у него в июле-августе 1929. 23 сентября 1929 она писала: «31 августа

³⁸ Возможно, Генкин Яков Михайлович (1888–1970) – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД.

³⁹ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 35. Л. 30об.

⁴⁰ Архив УФСБ. Там же: «Постановлением Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 2 апреля 2003 все постановления Коллегии ОГПУ в части осуждения Серебрякова А.Э. по ст. 66 ч. 1 УК РСФСР отменены и уголовное дело в этой части прекращено за отсутствием состава преступления. Такое суд постановил считать Серебрякова А.Э. осужденным по ст. 86 ч. 1, ст. 98 и 220 УК РСФСР в редакции 1922 г. по совокупности преступлений на 5 лет лишения свободы».

⁴¹ Издан трижды: Серебряков А. Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. – Соловки, 1926. – (Мат-лы СОК, вып. 1). – С. 3–8; То же // Соловецкие острова. – 1926. – № 2–3. – С. 103–108; То же // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. – 2-е изд. – Соловки, 1927. – (Мат-лы СОК, вып. 16). – С. 9–15.

⁴² О нем см.: Бродский Ю.А. Соловки. Двадцать лет особого назначения. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 310.

⁴³ ОР ГРМ Ф. 156. Д. 35. Л. 31.

⁴⁴ П.Н. Филонов.

⁴⁵ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 37. Л. 11.

возвратилась от Толи, где провела 40 дней. 30 дней мы жили вместе в одной комнате. 10 дней взяло путешествие, из которых 6 дней прождала на Попове о[стро]ве, ожидая разрешения»⁴⁶.

Постановлением Комиссии по условно-досрочному освобождению срок наказания Серебрякову был сокращен до 8 лет. В дневнике матери в записи от 28 ноября 1928 значится: «Два письма, пересланые П.Н., получила от Толи. Все тяжелее и тосклинее ему. Хотя он пишет, что бодр и работа не дает времени скучать, но тоской по иной жизни пронизано письмо. Знает ли он, что спустили два года»⁴⁷.

В лагере Серебряков довольно успешно работал. «Днем ко мне приехала Сыркус, – пишет мать 17 февраля 1929, – передать поклон от Толи. Она его видела случайно, когда он <...> пришел в комендатуру <...>. Он пришел с какими-то бумагами относительно ондатры, и ей показалось, что к Толе относятся с большим почтением»⁴⁸. С ее же слов можно представить облик Серебрякова в это время: «Лицо его <...> интересное, а особенно глубокие выразительные глаза... Произвел впечатление юноши 25 лет». Наконец, стали поступать сведения о возможности досрочного освобождения. В письме от 2 мая 1931 Анатолий пишет: «Ему начальство сказали, что он свободен, но бумаг из Москвы еще нет»⁴⁹. В соответствии со справкой, выданной Святошинским районом милиции г. Киева при взятии Серебрякова на учет, он был освобожден из УСЛАГа ОГПУ 12 января 1932 г.⁵⁰

Дневник Е.А. передает напряженность ожидания Толиного возвращения. Сначала Туомайнен передал брату по телефону весть, что в первых числах января Толя освободят «вчистую». Потом было получено «спешное» письмо от М.Н. Сидоровой, что скоро Толя будет дома. И наконец, 15 февраля вечером пришла «молния-телеграмма» от нее же: «16 утром приедет Толя». «Петя всю ночь не спал, узнав, что поезд приедет в 6 ч[асов] у[тра]. В 4 у[тра] 16-го пошел пешком на вокзал. Поезд опоздал на два часа с половиной. Около десяти Толя веселой походкой вошел в мою (нашу с П. Н.) комнату, раздевшись у Пети. Восемь мучительных лет прошло, и Толя опять с нами. Тихая радость и особенное спокойствие наполнили меня. Глядел он бодрым, хотя последние 2 месяца работал без устали, желая оставить все в порядке и передать свой опыт заместителям»⁵¹.

⁴⁶ ОР ГРМ. Д. 40. Л. 61об.

⁴⁷ Там же. Д. 40. Л. 69.

⁴⁸ Там же. Ф. 156. Д. 39. Л. 18

⁴⁹ Там же. Ф. 156. Д. 41. Л. 32.

⁵⁰ Там же. Д. 245. Л. 1. УСЛАГ ОГПУ – Управление Соловецкого лагеря особого назначения Объединенного государственного политического управления.

⁵¹ Там же. Д. 42. Л. 8, 9.

Незадолго до нового 1931 года он получил согласие от Марии Николаевны Сидоровой (1898–1955), с которой познакомился в Повенце, стать его женой, и вскоре они поженились⁵². По возвращении начались хлопоты по устройству на работу. Обсуждались два возможных места работы – Казань и Киев. Приглашение пришло из Киева.

Представляется важным привести один из эпизодов, предшествовавших отъезду Анатолия в Киев. Являясь ярким свидетельством своего времени, он косвенным образом раскрывает для нас взгляды Анатолия Эсперовича. Е.А. подробно описывает прощальный обед перед отъездом. Стол был приготовлен в комнате брата Пети. Мать вспоминала, как провожала его с отцом (видимо, когда он в первый раз покидал Россию), и не могла говорить. Застольные слова П.Н. Филонова мать передает пространно:

«Несколько лет назад в этой самой комнате Толя сидел и как старинный витязь на распутье раздумывал, по какой дороге ему пойти. Пойти налево – коня потерять; пойти направо – самому пропасть и – выбрать не сумел, несмотря на советы своей матери. Обдумывая свое решение, он не случайно попал в Соловецкие питомники пушных зверей, где провел 8 лет, пройдя такую школу жизни, которая будет равна окончанию пятнадцати лучших университетов <...>. Теперь Толя снова в этой комнате, и я надеюсь, что на этот раз он понял, что ему делать. Мы, ваша мать, брат и я, люди целиком и полностью верящие в партию и в правильность ее великой работы, требуем от Толи, чтобы он понял эту небывалую титаническую работу партии, за которой идут и пойдут миллионы лучших людей, и пошел за партией, чтобы со всей силой и энергией стать вернейшим союзником пролетариата в его последней решавшей борьбе, борьбе классов»⁵³.

Впрочем, в своей «небывалой титанической работе» партия дала Анатолию Эсперовичу поучаствовать недолго. Впереди у него было всего шесть лет. Первое время он работал в Киеве. В Ленинград они с женой приезжали по гостить. Так с 13 октября по 7 ноября 1932 Анатолий с женой были у матери. «Время с Толей и Марией прошли хорошо – больше дома, беседуя на разные темы: преимущественно об искусстве»⁵⁴. Анатолий Эсперович даже писал о Филонове. Мать вспоминает: «24го мая [1936] был у меня Толя. Принес прочесть статью о П[авле] Н[иколаевиче]. Она много глубже и интереснее первой его статьи, написанной два года тому, как по подходу, так и пониманию искусства Пани и его личности»⁵⁵.

⁵² ОР ГРМ. Д. 44. Л. 33. Запись от 7 февраля 1937: «Толя с Марией пришли к нам отпраздновать пятилетие их свадьбы».

⁵³ Там же. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Д. 43. Л. 21.

⁵⁵ Там же. Д. 44. Л. 2. Мне в настоящее время неизвестно, были ли опубликованы эти статьи.

Через некоторое время Анатолий Эсперович перебрался в Ленинград. К сожалению, точное время его переезда не известно. В Ленинграде он стал сотрудником Академии наук СССР, где работал в редакции при издательстве как переводчик, о чем пишет Филонов⁵⁶. В 1934 он был привлечен к работе в Институте истории науки и техники (ИИиТ) в секции истории Академии наук и написал статью «Зоологический кабинет Кунсткамеры»⁵⁷, задуманную как первая часть работы по истории Зоологического музея Академии наук. Возможность работать по специальности, публиковаться в академическом издании была для Анатолия Эсперовича большой радостью. В феврале 1936, когда все собрались вместе праздновать день рождения брата Петра, мать записала в дневнике его слова: «Теперь легче будет отпраздновать выход моей первой статьи „о Кунсткамере“ (в издании Академии наук), а то пришлось бы в два приема – с мамой и Петей, с мамой и П. Н.»⁵⁸. В этом же году, 20 ноября (?) 1936 Е.А. записала: «Вчера Толя с Марусей пришли, предложив отпраздновать первое появление его статьи в издании Академии. Посидели до 2-х часов. Несколько отрывков он нам прочитал»⁵⁹. Девятый том «Архива истории науки и техники» был подписан к печати уже после ликвидации ленинградского ИИиТ и оказался последним.

В Архиве РАН сохранились три письма А.Э. Серебрякова акад. В.И. Вернадскому⁶⁰. В письме от 6 апреля 1938 он сообщает, что продолжал изучать историю музея и, в основном, собрал материал для второй части – до конца XVIII в., но был вынужден приостановить эту работу. Был собран обширный материал и для последующих периодов, вплоть до 1932⁶¹. Работал он много. 23 июля 1936 мать писала: «Толя <...> работает не менее 12–14 часов последнее время, – особенно с тех пор, как много времени отдает своей научной работе»⁶². В письме упоминается еще одна тема работы Серебрякова – о мамонтах⁶³. В том же письме Серебряков указывает, что часть результатов он изложил в статье «Мамонт и история палеонтологии в XVIII веке», находившейся

⁵⁶ См.: Филонов П.Н. Дневник / П.Н. Филонов, Вступ. ст. Е. Ковтуна. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 74, 357. На момент ареста в 1938 А.Э. Серебряков работал по договорам научным сотрудником и переводчиком при АН СССР, проживал в Ленинграде: ул. Литераторов, д. 19, кв. 13. (Архив УФСБ.)

⁵⁷ Серебряков А.Э. Зоологический кабинет кунсткамеры // Архив истории науки и техники. – Вып. 9. – 1936. – С. 70–128.

⁵⁸ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 13об.

⁵⁹ Там же. Л. 27об.

⁶⁰ АРАН Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). Л. 1–5 (письма от 6 и 30 апреля, 24 мая 1938).

⁶¹ Там же. Л. 1об. См.: http://www.ras.ru//VArchive/pageimages/518/3_1495/002.jpg

⁶² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 45об.

⁶³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495 (1938). Л. 1. Не имея прямых доказательств, я могу предположить, что какие-то соображения Серебрякова были известны В.Е. Гарутту, писавшему об истории первых находок мамонтов на территории России.

в печати в журнале «Природа» к моменту написания письма. Однако обнаружить ее в журнале за этот год не удалось.

8 мая 1938 Серебряков делал в ЗИНе доклад о Бюффоне. Мать писала: «В 7½ часов предстояло научное собрание в Зоологическом институте Академии Наук в зале заседания института. Доклады Н.М. Книпович. К вопросу о потеплении Северных морей. А.Э. Серебряков. Значение Бюффона в развитии естествознания (к 150-летию со дня его смерти). Часов в 7 отправились вместе с Паней на доклад. На первый опоздали, из-за перемены маршрута прокатались на двух трамваях и на автобусе»⁶⁴. В период работы над рукописью работы о Кунсткамере А.Э. Серебряков также сделал два доклада. Тогдашний директор ЗИН С.А. Зёрнов предлагал переработать доклад в статью.

В одном из писем Серебрякова Вернадскому он сетует на то, что обстановка после переезда ИИНИТа в Москву трудная, что приходится работать в одиночку⁶⁵. Вернадский пригласил его «вступить в группу по истории естествознания при Московском обществе испытателей природы»⁶⁶, на что Серебряков охотно согласился. Он предлагал прочесть доклад о Бюффоне в Москве. Это был часовой доклад с 15 иллюстрациями из «Historia Naturelle» Бюффона.

Однако, реализовать все эти планы не удалось. В том же 1938 Серебряков был арестован. Первым забрали его брата – Петра Эсперовича. Е.А. Серебрякова писала: «в ночь с 11 на 12 февраля увезли Петя. Через дней 7–8 узнала, что он находится в тюрьме на ул. Воинова. Разрешено ежемесячно вносить 60 р.»⁶⁷. Однако деньги вскоре перестали принимать: «Не могу примириться, как мне сказали в „Бюро пропусков“, на 10 лет без права переписки»⁶⁸. Через некоторое время забрали и Анатолия. 19 сентября 1938 мать, задним числом вспоминая последовательность событий, пишет: «8го июня обыск был у Толи, под утро 9го его увели. Скоро мы узнали, что он на ул. Воинова. 5 июля Мария передала для него 60 р. 29го узнала, что он числится за военной прокуратурой на ул. Герцена, что следствие ведется и что через месяц–полтора оно окончится <...>. 5го августа П.Н. отвез деньги Толе <...> Деньги не приняли»⁶⁹.

22 сентября с Екатерины Александровны взяли подписку о невыезде. 25 ноября у нее случился инсульт. Чуть раньше, в октябре, когда, по всей видимости, обоих сыновей уже не было в живых, мать совершила попытку выяснить их участь. Она пишет: «13 октября я отправила тов. Сталину и Берии письмо относительно моих двух сыновей. Мне назначают явиться 28 ноября

⁶⁴ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 60.

⁶⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1495. Л. 2 об. (6 апреля 1938).

⁶⁶ Там же. Л. 3 об. (30 апреля 1938).

⁶⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 56 об.

⁶⁸ Там же. Л. 66.

⁶⁹ Там же. Л. 62 об.

в секретариат Н.К.В.Д. СССР. Я получила письмо 22 <...> ноября»⁷⁰. 30 ноября Е.А. пишет: «28 ноября была в Н.К.В.Д. Получила ответ: что в силе остается [нрзб., возможно, ИТЛ]⁷¹. – Н.С.], т. е. на 10 лет без права переписки. Я ночь проболела»⁷². Анатолий, так же, как и Петр, был «выслан без права переписки». «29 [декабря 1938. – Н.С.] пошел П.Н. и узнал, что Анатолий выслан на 10 лет, без права переписки. Я боялась пойти, а места не сказали»⁷³. В этом месте дневника почерк становится неровным, записи иногда бессвязны, с повторами. Е.А. даже записывает некоторое время спустя: «голос мой значительно лучше, но меня все-таки понимают очень немногие, особенно которые невнимательно слушают»⁷⁴.

Согласно данным архивной справки УФСБ по СПб. и Ленинградской области 2013 года, А.Э. Серебряков был приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР в ред. 1926 года («шпионаж»). Можно предположить, что он был расстрелян. В свидетельстве о смерти от 2 февраля 1939, выданном его жене Марии Николаевне, сказано, что он умер 8 июля 1938. «Причина смерти: воспаление легких»⁷⁵. В дневнике П.Н. Филонова сохранилось парадоксальное высказывание невестки: «Как мог он умереть, когда я жду его каждый день!»⁷⁶.

Больной матери о смерти Анатолия не сказали, и 1 января 1940, после встречи Нового года, она записала в дневнике: «Мы все сказали: будем ждать Петю и Толю. Я думаю, что война [советско-финская – Н.С.] кончится, а в победе никто не сомневается, и мои сыновья будут с нами»⁷⁷. Ее надеждам не суждено было сбыться. Е.А. Серебрякова умерла в блокадную зиму 1942 года, немного пережив П.Н. Филонова, который умер от голода в блокадном Ленинграде в 1941⁷⁸.

⁷⁰ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 80об.

⁷¹ Исправительно-трудовой лагерь.

⁷² ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 80об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 81.

⁷⁵ Там же. Д. 245. Л. 2. В справке из Архива УФСБ (2013) значится: «Согласно имеющегося в деле акта о смерти, Серебряков А.Э. умер 8 июля 1938 г. в медпункте тюрьмы УГБ УНКВД ЛО от паралича сердца. Постановлением УНКВД ЛО от 1 августа 1938 следственное дело прекращено за смертью обвиняемого. Заключением Прокуратуры Санкт-Петербурга от 21 марта 2003 Серебряков А.Э. по данному делу реабилитирован» (Архив УФСБ).

⁷⁶ См.: Филонов П.Н. Дневник. – С. 447.

⁷⁷ ОР ГРМ. Ф. 156. Д. 44. Л. 81.

⁷⁸ Глебова Е.Н. Воспоминания о брате / [Вступ. ст. Д. Гранина; послесл. М. Земской] // Нева. – 1986. – № 10. – С. 148–177.

Сергей Фокин

«Что сказать Вам о себе?»

Жизнь и судьба зоолога К.Н. Давыдова

Сергей Иванович ФОКИН

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Университет г. Пиза, Италия

Известный русский эмбриолог, экспериментальный зоолог и фаунист, член-корреспондент Французской Академии наук, Константин Николаевич Давыдов (1877–1960) прожил долгую и богатую событиями жизнь. Судьба ученого-биолога, путешественника-натуралиста, человека колоритного, разнообразно одаренного, наделенного феноменальным даром слова, подарила ему встречи с выдающимися учеными и позволила увидеть много интересных мест. Еще будучи студентом, он побывал в Аравии, Палестине, Италии. Давыдов работал на Баренцевом, Северном, Черном, Красном и Средиземном морях, осуществил в одиночку экспедицию на острова Малайского архипелага; в 1914 опубликовал «Курс эмбриологии беспозвоночных» – первый на русском языке учебник по сравнительной эмбриологии. После революции недолго работал на Урале в Пермском университете; в составе комплексной экспедиции Российской Академии наук (РАН) исследовал природу Олонецкого края. В конце 1922

sifokin@mail.ru

эмигрировал во Францию, где опубликовал «Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных» (1928), принесшее автору мировую известность. Работал на Средиземном море, Атлантическом побережье Франции, семь лет провел в Индокитае. Там в области систематики и фаунистики морских и наземных беспозвоночных Давыдов сделал больше открытий, чем все зоологи, работавшие в этом регионе за предшествующие 25 лет. Закончил свою научную карьеру К.Н. Давыдов в должности руководителя работ Национального центра научных исследований Франции. Вернуться на родину, по которой он тосковал, Константину Николаевичу было не суждено, – он окончил свою жизнь, жизнь русского эмигранта, в Со, под Парижем, 21 июня 1960.

Детали жизненной истории К.Н. Давыдова практически неизвестны ни специалистам-зоологам, ни широкому кругу читателей. Это и понятно: К.Н. Давыдов покинул Россию в 1922, и его помнят теперь только немногие историки науки. Правда, в 1963 о нем появилось серьезное исследование историка естествознания Л.Я. Бляхера¹, но тираж книги был всего 1300 экземпляров, а публикации предшествовало почти полное исчезновение из отечественной научной литературы упоминаний о Давыдове-эмигранте. Теперь, спустя еще полвека, мне кажется уместным воссоздать биографию этого незаурядного человека, акцентируя внимание на его личности, чего прежде обычно не делалось².

Константин Николаевич Давыдов родился 18 декабря 1877 (по ст. ст.) в г. Зубцов Тверской губернии в семье отставного прaporщика артиллерии Николая Константиновича Давыдова и Лидии Стефановны, урожд. Любомировой. Кроме Константина (старшего из детей) в семье было четверо дочерей – Софья, Зоя, Елизавета и Мария и еще один сын – Николай, погибший в юности³.

Информация о прямом родстве его отца с героем войны 1812 года Д.В. Давыдовым, кажется, впервые была приведена без ссылки на документы в упомянутой книге Л.Я. Бляхера: «Николай Константинович гордился не родовым своим дворянством, а прямым родством с Денисом Васильевичем Давыдовым,

¹ Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Далее: Бляхер, с указ. страницы.

² Сокращенный вариант воспоминаний о К.Н. Давыдове его жены был опубликован по-французски: Davydoff A. La vie et l'œuvre de Constantin Davydoff (1877–1960) // L'Année biologique (Année Biol). – 1964. – Jan. - Feb. – Vol. 23. – P. 37–59. Один из его студентов – А.А. Любишев также опубликовал работу: Воспоминания о зоологе К.Н. Давыдове (1877–1960) // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. – 1966. – Т. 46, вып. 11. – С. 105–116 (далее: Любишев, с указ. страницы). Еще одна работа была опубликована Л.В. Чесновой, «Перелетная птица» российской биологии. Константин Николаевич Давыдов (1877–1960) // Русские биологи. – СПб., 1998. – С. 32–40. Краткая биография К.Н. Давыдова приведена и в двух моих работах: Фокин С.И. Разные судьбы. Петербургские зоологи-эмигранты // Нестор. № 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX веке: источники, исследования, историография: Вып. 3. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 236–254; Фокин С.И. Русские учёные в Неаполе. – СПб.: Алетейя, 2006.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32682; ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 49.

партизаном 1812 года»⁴. Потом это утверждение кочевало из публикации в публикацию, считаясь очевидным. Метрические книги города Зубцов за 1870-е не сохранились, однако, судя по имеющимся архивным данным и литературным источникам, прямой родственной связи между тверскими Давыдовыми и Д.В. Давыдовым не было.

Надо сказать, что о своей родственной связи с партизаном-поэтом, насколько мне известно, Константин Николаевич Давыдов никогда и не упоминал. Значительное число документов К.Н. Давыдова, воспоминаний о нем и набросков его собственных воспоминаний, хранящихся в нескольких государственных архивных фондах: Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (ПФА РАН), в Рукописном отделе архива Института российской литературы (ИРЛИ), в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), изученных мною, также не дают такой информации. Вполне возможно, что тверские Давыдовы происходили от одного из четырех братьев отца Д.В. Давыдова – Василия Денисовича и, таким образом, были сравнительно дальными родственниками знаменитого партизана. Однако, поскольку русских дворянских родов Давыдовых было свыше 70 и они внесены в родословные книги, по крайней мере, 11 губерний⁵, не исключено, что родства между Д.В. Давыдовым и моим героем не было совсем.

Отец К.Н. Давыдова, Николай Константинович, выйдя в отставку вскоре после окончания военного училища, учился затем в Петербургском технологическом институте, но на третьем курсе (1875) был арестован в связи с революционной пропагандой («дело 193-х»). После заключения в Петропавловской крепости он был выслан в имение отца под Тверью и служил помощником секретаря в мировом суде г. Зубцова. Очевидно, что Н.К. Давыдов обладал незаурядными математическими способностями, и это позволило ему получить место учителя математики в Пскове, куда семья перебралась в середине 1880-х. После губернской гимназии он стал преподавателем Псковского кадетского корпуса⁶. Был Н.К. Давыдов и страстным охотником, что, безусловно, повлияло на развитие и выбор жизненного пути сына. В письме (1913) к С.А. Венгерову, составителю известного биографического словаря, К.Д. Давыдов подчеркивал: «В продолжение всего детства – до самого окончания гимназии (и даже дальше) находился под влиянием отца – несомненно, выдающегося во многих отношениях человека, с крупными математическими дарованиями, широким философским миросозерцанием. Уже ребенком, начал с 8-ми летнего возраста сопровождать отца в его летних охотах с легавой собакой. А с 14 лет стал

⁴ Бляхер. – С 15.

⁵ См.: genotree.ru/fam_davidov.htm.

⁶ См.: Бляхер. – С. 16.

охотиться сам. Очень рано появилась страсть к коллекционированию – с десяти лет начал собирать растения, затем насекомых и, наконец, птиц»⁷.

Именно птицы стали главной страстью гимназиста Давыдова, она и привела его после окончания гимназии на естественное отделение Физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ). В том же письме Венгерову ученый так вспоминал о своем увлечении: «Руководителями в области орнитологии были, прежде всего, отец – большой любитель природы и знаток авиафуны Средней России, затем А.А. Щетинский – талантливый коллекционер, написавший впоследствии прекрасное руководство к составлению естественно-исторических коллекций – и, наконец, Н.А. Зарудный – известный орнитолог и путешественник по Туркестану и Персии, бывший в то время сослуживцем отца в Кадетском корпусе. В результате в течение гимназического курса занятия официальными науками шли без особого усердия – почти все свободное время уходило на занятия зоологией и экскурсирование в окрестностях Пскова. Впрочем, и сама постановка учебного дела в гимназии была ужасающе плоха. В те времена псковская гимназия могла вызвать только отвращение к наукам и к самой себе»⁸.

В 1896, окончив гимназию, Давыдов поступил в ИСПБУ, где специализировался по Зоотомическому кабинету у профессора В.Т. Шевякова. Однако свою первую работу Константин Николаевич опубликовал по орнитологии, и именно она послужила поводом к знакомству с академиком А.О. Ковалевским, у которого Давыдов начал работать в Особой зоологической лаборатории Академии наук. Он оказался последним учеником знаменитого эмбриолога-эволюциониста. В конце жизни, отдавая долг своему учителю, Константин Николаевич написал обширные воспоминания о Ковалевском, опубликованные на родине⁹. Там Давыдов писал: «Теми крохами, которые мне удалось самому внести в анализы науки, я целиком обязан этому выдающемуся ученому и замечательному во всех отношениях человеку <...>. Мной был собран материал по авиафуне Тверской губ., и тотчас по поступлении в Университет я сделал на эту тему доклад в СПб. обществе естествоиспытателей и просил Общество напечатать мою статью. Произошла заминка вследствие крайней молодости автора. Но тут вмешался председатель – им был Ковалевский. Он категорически заявил, что „таких молодых людей (я всегда потом гордился этой фразой) нужно всячески поддерживать“ <...>. После заседания А. О. расспрашивал меня о моих работах по орнитологии и предложил параллельно с моими занятиями в зоологической лаборатории университета работать также в его лаборатории. Это предложение

⁷ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1272. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Давыдов К.Н. А.О. Ковалевский как человек и как ученый (Воспоминания ученика) // Труды Института истории естествознания и техники АН ССР – 1960. – Т. 31, вып. 6. – С. 326–363.

определило дальнейшее течение всей моей жизни»¹⁰. В университете и у Ковалевского Давыдов занимался изучением беспозвоночных, но на всю жизнь сохранил привычки натуралиста и интерес к птицам.

За время обучения в университете Давыдов дважды (1897 и 1898) с научной целью совершал поездки в Палестину и Аравию, а в 1899 работал на Севастопольской биологической станции. Последняя поездка едва не сорвалась, так как Константин Давыдов в числе других студентов был исключен из университета после студенческих волнений во время актового заседания 8 февраля 1899, и не только исключен, но и посажен в тюрьму. Только благодаря заступничеству профессора В.Т. Шевякова, заведующего кабинетом, где специализировался Давыдов, студенту удалось в конце апреля восстановиться в университете¹¹ и все-таки совершить поездку в Севастополь, где он плодотворно поработал под руководством А.О. Ковалевского. Результаты этой работы были представлены Давыдовым на университетский студенческий конкурс и отмечены в 1900 золотой медалью.

Добиваясь восстановления К.Н. Давыдова, В.Т. Шевяков весной 1899 писал вправление ИСПБУ:

Бывший студент Петербургского университета Константин Николаевич Давыдов занимается с осени 1898 г. в лаборатории возглавляемого мною Зоотомического кабинета, а в прошлом году занимался в Зоологической лаборатории проф. Шимкевича. Г-н Давыдов известен мне как весьма прилежный и дальний работник, который ежедневно с утра до позднего вечера занимался в лаборатории, исправно посещал мои лекции и читал рефераты в зоологическом семинарии <...>. В настоящее время г. Давыдов, по моему указанию, начал самостоятельную работу по микроскопической анатомии регенерации морских звезд и для получения материала и производства наблюдений *intra vitam* командирован на это лето Обществом естествоиспытателей на Черное море, причем директор Севастопольской биологической станции академик Ковалевский, весьма лестно отзывающийся о научной деятельности г. Давыдова, охотно предоставил ему место в лаборатории станции. Г-н Давыдов напечатал 7 прилагаемых научных работ <...>. Эти работы, равно как и вся проявленная до сих пор г. Давыдовым научная деятельность, говорят за то, что мы имеем перед собой человека, несомненно, даровитого и искренне преданного науке, для которого завершение образования в университете является в высшей степени желательным. А потому прошу Правление обратить на г. Давыдова особое внимание и имею честь ходатайствовать о принятии этого моего талантливого ученика вновь в число студентов университета¹².

¹⁰ Там же. С. 328–329.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32682. Л. 82–90.

¹² Там же. Л. 83, 83об.

Значительное влияние на формирование мировоззрения К.Н. Давыдова, по-видимому, оказал и известный анатом и педагог П.Ф. Лесгафт, преподававший тогда в ИСПБУ.

В 1900 Константин Николаевич по рекомендации А.О. Ковалевского получил возможность провести исследования на Неаполитанской зоологической станции, где он продолжил изучение процессов регенерации у беспозвоночных (иглокожих, кольчатах червей и немертин) и кишечнодышащих. Это направление работы позднее было им продолжено в магистерской (1909) и докторской (1915) диссертациях¹³. В 1901 Давыдов окончил университет с дипломом первой степени и был прикомандирован к Особой зоологической лаборатории Академии наук. На следующий год молодой ученый совершил экспедицию в Индонезию, где собрал чрезвычайно богатые зоологические и этнографические коллекции. После этой поездки Давыдов впервые начал выступать с лекциями, зарекомендовавшими его как чрезвычайно яркого оратора и вызвавшими у публики большой интерес.

Внешность Давыдова и его привычка чрезвычайно просто одеваться не вполне соответствовали «эталону» дореволюционного представителя университетской профессуры. Очень потертая черная кожаная куртка поверх русской рубашки, часто навыпуск, соответственные брюки и обувь – действительно создавали отнюдь не профессорскую внешность. Вспоминая встречи с Давыдовым, один из его младших коллег, Б.В. Властов писал: «К.Н. резко выделялся среди окружающих, прежде всего подчеркнутой простотой своего костюма и своей огромной бородой, закрывавшей нижнюю часть его лица; при более внимательном взгляде бросалась в глаза какая-то особенная выразительность этого лица, подергивавшегося нервным тиком, – серьезного, но с постоянными искорками смеха в глазах. Его наружность запоминалась сразу и навсегда»¹⁴. Другой студент и достаточно близкий знакомый Давыдова, А.А. Любищев, часто встречавшийся с ученым перед Первой мировой войной, дал ему такую краткую характеристику: «В компании Сирено де Бержерака, Дон-Кихота и Миклухи-Маклая Константин Николаевич чувствовал бы себя своим человеком. Его отличали поразительная жизнерадостность и остроумие»¹⁵.

В 1910 Давыдов в качестве приват-доцента стал читать курс в ИСПБУ. Именно тогда у него появилась небольшая, но очень заинтересованная аудитория из постоянных слушателей. Вот как вспоминал о своем преподавателе один из студентов, в будущем академик АМН ССР В.Н. Беклемишев: «К.Н. Давыдов с его великолепным даром слова и необычным соединением самого романти-

¹³Обе эти работы были удостоены премии М.Н. Ахматова Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

¹⁴ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

¹⁵Любищев. – С. 106.

ческого воображения с самым ясным и трезвым умом и самой основательной ученостью в эти годы (1910–1916) впервые создавал свой курс эмбриологии беспозвоночных, впоследствии доставивший ему всемирную известность»¹⁶.

«Лектор он был изумительный, – вспоминал и другой его слушатель, П.Г. Светлов, в будущем член-корреспондент АМН СССР. – За всю свою жизнь я не помню, чтобы дар речи так сильно действовал на меня, как лекции и доклады К.Н. Это были поистине „чары”, которыми он околдовывал аудиторию. При этом он никак не мог похвастаться предварительной тщательностью продумывания плана лекции и проработки материала. Наоборот, скорее это были импровизации, по преимуществу. <...>. Быстрая походка, размашистая жестикуляция, немедленное овладение разговором в коллективной встрече, громкий смех, всегда страстная речь в лекциях и публичных выступлениях, – вот что вспоминается, прежде всего, когда приходит на память К.Н. Когда приходилось его иметь своим соседом на заседании, то не проходило минуты, чтобы он что-нибудь не сказал»¹⁷.

В 1914 К.Н. Давыдов опубликовал «Курс эмбриологии беспозвоночных» – первый на русском языке учебник по сравнительной эмбриологии, пользовавшийся большим успехом у коллег и студентов. Иллюстрировал он свои работы сам, при этом был очень хорошим «зоологическим» рисовальщиком, а также фотографом, что в то время было в новинку. И вообще любил и умел работать руками – недаром его исследования по преимуществу носили экспериментальный характер.

Еще будучи гимназистом, Константин Николаевич научился делать чучела птиц и со временем достиг в этом мастерства. Его жена Агния Юрьевна вспоминала: «С удивительным искусством снимал, препарировал и набивал К.Н. шкурки птичек. Из его рук выходили не мертвые чучела, а изящные, творческое произведение. Он умел передать в позе, в изгибах каждого маленького существа, в наклоне головы такую натуральность и сходство с жизненной правдой, что в этом тоже чувствовался тонкий художник, внимательный и настоящий натуралист»¹⁸.

В летние сезоны 1906–1914 гг. Давыдов снова работал в Крыму и на биологических станциях Атлантического и Средиземноморского побережий Европы. В 1915 в Москве он защитил диссертацию на степень доктора зоологии¹⁹. Как Константин Николаевич жил в предреволюционные годы и сразу после

¹⁶ Беклемишев В.Н. Дмитрий Михайлович Федотов (к семидцатипятилетию) // Труды Института морфологии животных. – 1959. – Вып. 27. – С. 5–11.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 45. Л. 5, 7.

¹⁸ Там же. Д. 38. Л. 12.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 175. Л. 57–73. Факт защиты в Москве указывает на то, что в ИСПБУ отношения с коллегами у Давыдова были непростые.

прихода к власти большевиков, – данных нет²⁰. Судя по его жизненной позиции в студенческие годы, Давыдов был скорее левых взглядов, но ни к какой партии не принадлежал. По крайней мере, покидать страну после октябрьского переворота он, видимо, не собирался.

Весной 1918 Давыдов был избран профессором зоологии только что образованного Пермского университета, где должен был заведовать кафедрой зоологии позвоночных (зоологическим кабинетом). П.Г. Светлов, одновременно с К.Н. Давыдовым работавший в Перми, вспоминал: «К.Н. все время находился у нас, беспозвоночников, так как <...> у нас была чудесная лаборатория, музей, таблицы и т. д., а у К.Н., недавно приехавшего и не особенно расположенного трудиться над оборудованием кафедры, не было ничего, кроме пустых комнат и прекрасного охотниччьего снаряжения, которое он постарался завести для кафедры»²¹. Надо сказать, что ввиду сложного военного и экономического положения, в котором оказалась Пермь в ходе Гражданской войны, оборудовать тогда Зоологический кабинет действительно не было возможности²². Очень скоро (через 3 месяца) Константин Николаевич решил оставить Пермь.

Уже 9 сентября 1918 Давыдов писал своему другу В.В. Редикорцеву в Петроград: «Работать здесь немыслимо. Кабинет не отстроен и надежды на скорый ремонт нет, оборудование невозможно – вещи завертились где-то, блуждают по России. Занятия врядли состоятся. Словом, перспективы самые неважные. Сережа зовет в Ялтинский университет. При первой возможности уеду туда <...>. Тянет уехать из Перми в Петроград ужасно. При первой возможности удеру»²³. С этими настроениями ученый в конце 1918 выехал в командировку в Петроград и Москву для оборудования кабинета и, приехав в Петроград, остался там. Сначала в качестве научного сотрудника Особой зоологической лаборатории Российской Академии наук, а с лета 1919 – в качестве сотрудника Биологической лаборатории Естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта,

²⁰Согласно предположению М.М. Пришвина, Давыдов в 1917 был за границей, на Средиземном море, но подтверждений этой информации нет.

²¹ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

²²Коллекции, библиотека и оборудование, собранные Давыдовым в Петрограде и посланные в Пермь водным путем, пропали. Возможно, они осели в Нижнем Новгороде, где в то время тоже организовался университет.

²³ПФА РАН. Ф. 756. Оп. 2. Д. 32. Л. 10б., 3. «Сережа» – имеется в виду друг К.Н. Давыдова проф. С.И. Метальников, преподававший тогда в Крымском университете. О С.И. Метальникове см.: Фокин С.И., Телепова М.Н., Шаварда П.А. Профессор С.И. Метальников и его парижский архив // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – №3. – С. 110–123; Фокин С.И. Рукописи не горят – их просто не читают. Биолог С.И. Метальников (1870–1946) // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. – СПб., 2010. – С. 181–189; Ульянкина Т.И. Таврический университет (1917–1920) и российская научная эмиграция // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Общие проблемы развития науки и техники. М.: ЛЕНАНД, 2013. – Т. 1. – С. 57–66.

Географического и Гидрологического институтов (до конца 1922) и члена Олонецкой комплексной экспедиции РАН (1920–1921)²⁴.

Этот последний, предэмиграционный период жизни К.Н. Давыдова подробно вспоминал один из его студентов по Географическому институту Л.К. Лозино-Лозинский: «В институте читали лекции лучшие профессора и ученые Ленинграда: Л.С. Берг, Ю.М. Шокальский, А.А. Бялыницкий-Бируля, А.Е. Ферсман, ботаники Кузнецова, Любименко, известные геологи, географы, климатологи, почвоведы, этнографы (Эдельштейн, Григорьев, Броунов, Неструев, Ольденбург, Штернберг, В.П. Семенов-Тян-Шанский и многие другие), но из всех наибольшее впечатление произвели на меня, да и не только на меня – лекции К.Н. На лекции К.Н. и особенно на его доклады (например о путешествии на о. Ару) сбирались много народа, и не только биологов, но и людей самых разных специальностей, которые с увлечением слушали буквально вдохновенные речи К.Н. В Географическом институте была традиция каждую годовщину устраивать торжественное собрание в великолепном зале Института, на котором произносили речи лучшие ораторы Института. Я помню, что наибольший успех имела речь К.Н. о перелетах птиц. О ней долго вспоминали в самых различных кругах Ленинграда»²⁵.

Заканчивая свои воспоминания о Константине Николаевиче, П.Г. Светлов писал: «Выступления К.Н. всегда были „артистическими“. Это не значит, что слова его были сколько-нибудь фальшивыми, – нет, он говорил искренне, то, что он действительно думал, но невольно, в силу своей конституции (поистине артистической), – он предавал своим словам эффектную форму, которая усиливала сказанное, подчас больше, чем этого требовала необходимость. Между прочим, как-то позднее К.Н. сказал мне, что он чувствует склонность и одаренность не только к биологии и научной деятельности, и он уверен, что сложилась жизнь иначе, – он мог бы, например, писать романы. Степень серьезности этих слов, трудно установить, как и многого другого в высказываниях К.Н., но очень ярко выражалась особенность его характера, которую непременно должны отметить биографы, именно эстетическую одаренность К.Н. наряду с интеллектуальной»²⁶.

Вероятно, эта оценка вполне объективна. Коллега, но человек совсем другого склада – зоолог И.Д. Стрельников так вспоминал Давыдова: «К.Н. был в науке и жизни „художником“, при том – индивидуалистом <...>. „Бесигривости

²⁴ Ситуация обычная для ученых тех лет: в каждом учреждении не только платили зарплату (как правило, miserную), но и давали продуктовые карточки, обеспечивавшие возможность полуголодного существования.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1, Д. 45. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 56.

и лукавства” проглядывал в его глазах. Беспутный во многом человек. Его любили, им восхищались и ему прощали многое»²⁷.

Осенью 1920 К.Н. Давыдов познакомился с А.Ю. Верещагиной, младшей сестрой зоолога-лимнолога Г. Ю. Верещагина, возглавлявшего Олонецкую экспедицию РАН. В своих воспоминаниях Агния Юрьевна так писала о вспыхнувшем между ними чувстве: «Эту предначертанность я почувствовала очень скоро, около Рождества 1921 г. С К.Н. это случилось тоже, но еще раньше, чем со мной. Я, которая перенесла такое ужасное горе меньше года тому назад, после этой встречи почувствовала, что мы друг для друга и что это обязательно должно быть так. Без всяких объяснений и слов это большое чувство обрушилось на нас обоих почти сразу. Нам стало как-то особенно ясно, сияющее прекрасно, но вместе с тем и очень тяжело и трудно»²⁸. Трудность положения заключалась, прежде всего, в том, что у Давыдова была гражданская жена, и невозможность соединиться с любимым человеком, оставаясь в России, вынудила его предложить своей избраннице покинуть родину. Впрочем, как намекала в своих воспоминаниях Агния Юрьевна, – «были и другие причины»²⁹.

Считается, что самое тяжелое бытовое положение ученых Петрограда наступило в 1921–1922, когда последствия Гражданской войны и экономической политики «военного коммунизма» проявились в полной мере. Холод, голод, отсутствие электричества, задержка зарплаты по два–три месяца – это были реалии тогдашней жизни научных учреждений. Очевидно, что это положение также способствовало решению Давыдова оставить родину.

Его коллега по Естественнонаучному институту им. Лесгафта Л.К. Лозинский вспоминал: «В Институте Лесгафта были трудные условия, не хватало топлива, радиаторы рвались, нужно было упорно, настойчиво переносить все невзгоды и бороться за возможность работать. К.Н. оказался к этому не приспособлен. Он сетовал на невозможность работать, но ничего сам, как заведущий, не предпринимал. Вместе с тем его огромный темперамент искал выхода. Трудности жизни, быта, наоборот, его не тяготили: он любил простоту жизни, например, он также хорошо спал на земле и на полу, как и на хорошей кровати, и совершенно не обращал внимание на то, что ел»³⁰.

Видимо, «художественная» сторона натуры К.Н. Давыдова была одной из причин его дружбы с писателем М.М. Пришвиным, продолжавшейся с 1904 до эмиграции Давыдова. Страсть к охоте, любовь к русской природе и способность приподняться над реальностью, наделить ее чертами поэтическими,

²⁷ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1, Д. 45. Л. 8.

²⁸ Там же. Д. 38. Л. 9. В цитате речь идет о смерти отца А.Ю. Верещагиной, которую она очень тяжело переживала.

²⁹ Там же. Д. 38. Л. 12.

³⁰ Там же. Д. 45. Л. 3.

почти волшебными, безусловно, роднила этих незаурядных соотечественников и современников – ученого и писателя. Давыдов, между прочим, оставил воспоминания о Пришвине³¹, которые биограф писателя Алексей Варламов упоминает как «быть может, лучшие из всех существующих о Михаиле Михайловиче воспоминаний»³².

В декабре 1922 Константин Николаевич нелегально перешел границу с Финляндией³³ и через Германию добрался до Франции. Французскую визу Давыдов получил благодаря хлопотам своего друга С.И. Метальникова, который к тому времени уже почти три года жил и работал в Париже³⁴. Через полгода, уже официально, к нему в Париж приехала Агния Юрьевна. На родину Давыдовы больше не вернулись.

Во Франции, где профессор Давыдов прожил большую часть своей зарубежной жизни, он работал в зоологических лабораториях профессоров М. Коллери (Париж) и О. Дюбоска (Баньольс-сюр-Мер). За это время им было подготовлено и опубликовано «Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных» (1928), принесшее автору мировую известность. В 1927 Давыдов опять работал в Неаполе, по гранту Рокфеллеровского фонда.

Несмотря на научное признание, жили Давыдовы бедно, а французский круг общения никак не мог заменить им соотечественников, с которыми приходилось лишь переписываться. В письме 1932 года к близкому другу зоологу В.В. Редикорцеву Давыдов писал: «Что сказать тебе о себе? Живу не плохо, но очень с женой грустим о России. Среди французов есть немало лиц дружески расположенных, но друзей нет, и не может быть. Очень уж у нас различная психология <...>. Очень скучаю по оставшимся в России друзьям – с тобой, с Кузнецовым ведь связано немало... Столько позади хороших, по-настоящему хороших минут и переживаний»³⁵.

Дважды К.Н. Давыдов подолгу жил с семьей в Индокитае (в 1929–1934 и 1938–1939), где он работал в Океанографическом институте в г. Кауда, близ Нья-Танга (Вьетнам) и исследовал наземную фауну на границе с Камбоджей. Это позволило ему значительно улучшить материальное положение семьи и купить маленький домик в предместье Парижа. Научные же результаты работ

³¹ Там же. Д. 30.

³² Варламов А. Пришвин. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 83. Эта рукопись Давыдова была опубликована в книге: Воспоминания о Михаиле Пришвине. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 37–46. По крайней мере, в этом сборнике воспоминания К.Н. Давыдова, несомненно, самые яркие.

³³ Ранее, в 1921, во время Олонецкой экспедиции Давыдов случайно перешел финскую границу с западу от Сегозера, но вернулся обратно в РСФСР, чем очень удивил местные финские власти (см.: Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. – М.: Новый хронограф, 2009 – Т. 2. – С. 112). По другим сведениям, Давыдов уехал в разрешенную командировку (см.: Бляхер. – С. 85).

³⁴ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 38. Л. 14; Д. 45. Л. 8. О.С.И. Метальникове см. примеч. 23.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 756. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.

Давыдова в Индокитае были поистине феноменальны: он описал свыше 140 видов губок, более 500 видов кишечнополостных и почти 100 видов мшанок, неизвестных для этого региона. В частности, им было обнаружено десять видов чрезвычайно редких ползающих гребневиков – *Ctenoplana*. Жена помогала ему в работе и также собрала богатый материал, особенно по членистоногим – многоножкам и ложноскорпионам (свыше 200 новых видов). Обработкой собранных Давыдовыми коллекций занимались зоологи почти всей Европы. В области систематики и фаунистики, по-видимому, Константин Николаевич совершил больше открытий, чем все зоологи, работавшие в Индокитае в предшествующие 25 лет.

В начале Второй мировой войны профессор Давыдов получил должность руководителя работ Национального центра научных исследований Франции, а в 1949 Парижская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом. Наряду с обработкой тропических сборов К.Н. Давыдов в 1940–1950-е много работал над сводками, явившимися итогом его многолетних исследований. Они были опубликованы в «Руководстве по зоологии» / «Traité de Zoologie» (1948–1959): «Эмбриология иглокожих», «Тип стомохордовых», «Эмбриональное развитие паукообразных», «Класс форонид». Всего им было опубликовано более 100 научных работ.

Как уже говорилось, Давыдов был исключительно талантливым оратором, его лекции бывшие студенты вспоминали спустя десятилетия; имел он постоянный успех выступая с разнообразными лекциями и во Франции³⁶. Насколько Константин Николаевич покорял аудиторию своими выступлениями, можно понять из маленькой заметки, опубликованной писательницей Н.А. Тэффи после посещения одной из его лекций в Париже.

Давно слышала – хвалили лекции проф. К. Давыдова. Последняя
была объявлена «О перелетных птицах». Надумала пойти... Нет весны – хоть
о птицах послушаю. Пошла и нашла весну. Самую яркую, самую русскую,
не прежние вспомнила, а новую нашла. Язык у лектора удивительный:
простой, честный, настоящий. Каждое слово – свое, именно то, которое
должно быть, не надуманное, а живое, прочувствованное и вместе с тем
художественно-ценное. Вот бы «оскудевшим языком» россиянам куда
пойти послушать, поучиться! Те цитаты из поэтов, которые приводил про-
фессор, казались захватывающими и блеклыми в живой рамке его собствен-
ной речи. Когда он говорил о весеннем перелете, рассказывал о птичьем
гомоне, о свисте крыльев в воздухе, о могучей, нездешней силе второго

³⁶ В трех томах издания «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920 – 1940. Франция» (М.: ЭКСМО, 1995–1996) отмечено 16 выступлений К.Н. Давыдова, прежде всего на тему путешествий и русской природы. Можно думать, что этот список далеко не полный.

тайного разума-инстинкта, когда упомянул о весенней, щемящей тоске, нападающей на русскую душу и влекущую ее безоглядно туда, вслед этим шумящим широко распахнутым крыльям, – вся аудитория взорвалась, и точно на какой-то всенародной исповеди зашептала, завосклицала: «Да, да – это правда. Зовет и тянет... И я..., и меня...» Это был вечер весны, это была единственная весна этого года.³⁷

Тонкий знаток природы, натуралист-охотник (тип ученого, теперь полностью исчезнувший), в конце жизни К.Н. Давыдов написал несколько блестящих очерков о русской природе, к сожалению, не опубликованных на родине³⁸. «Это – моя душа, мое самое ценное», – говорил он про свои охотничьи записи³⁹.

«С самого начала своей жизни во Франции, – вспоминала А.Ю. Давыдова, – мы все время поддерживали переписку с родными в Ленинграде, а К.Н. и с некоторыми близкими друзьями-учеными, до 1937 года, когда сразу все оборвалось»⁴⁰. Только в 1955 Давыдовы получили вести с родины. В ответ Константин Николаевич писал А.А. Любящеву, своему бывшему студенту: «Мильй и дорогой Александр Александрович. Только что получил Ваше письмо и несказанно обрадовался – столько старых чудных воспоминаний пробудило оно в моей душе. Так счастлив, что мои старые друзья еще помнят обо мне – не много уж их осталось в живых. Какое это было хорошее время, когда мы вместе собирались в нашей уютной лаборатории Академии <...>. Ну довольно о прошлом – нервы не выдергут испытания. Что сказать Вам о себе. Я женат с 23-го года (на сестре покойного Верещагина – Вы ее встретили раз у меня) и в этом отношении очень счастлив. Моя жена – лучшая моя помощница и сотрудница. Есть сын – профессор русского языка в лучших лицеях Парижа, пишет даже учебники для французов. Женат на француженке <...>. Мечтаем возвратиться в Россию, для которой сохраняю лучшие экземпляры ктенопляны и целопляны»⁴¹.

Несмотря на активную переписку с русскими коллегами, друзьями и родными и визиты некоторых коллег-зоологов в Париж⁴² в последние годы жизни К.Н. Давыдова, побывать на родине ему уже не пришлось. Во многом это было

³⁷ Весна в Париже // Последние новости (Париж). 1924. 14 апреля.

³⁸ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 18–20 (тексты очерков). Очерк «Перелеты птиц» был опубликован в Шанхае в 1937.

³⁹ Там же. Д. 38. Л. 272.

⁴⁰ Там же. Л. 249.

⁴¹ Цит. по: Любящев. С. 113–114. «Ктенопляны и целопляны» – роды редких ползающих гребневиков (Степорнора), обнаруженных Давыдовым в Индокитае.

⁴² В Париже в 1950-е с К.Н. Давыдовым встречались Л.А. Зенкевич, Ю.А. Орлов, Л.Я. Бляхер и Ю.И. Полянский. Именно благодаря Орлову Давыдовым удалось наладить переписку с родственниками и знакомыми в СССР.

связано с пошатнувшимся здоровьем и опасениями, что психологически такая поездка будет слишком тяжела для восьмидесятилетнего ученого.

Весной 1957 Константин Николаевич писал в Ленинград своей младшей сестре Марии: «У нас за этот год силы как-то подкосились у обоих. Слишком сложна и трудна становится жизнь. Климат в Париже очень неприятный. Юра наш совсем отошел в семью жены, и мы ему ни в чем не интересны и не нужны <...>. Не хватает в нашей жизни молодежи, детей, которых я очень люблю <...>. Что сказать тебе о нас самих? Живем, крепимся, но тоскливо, скучно. Я продолжаю научно работать. Анечка завалена хлопотами, очень устала, но делает все возможное, чтобы меня ободрить. Чудесный человек! Раз в неделю приходят два внука – Жан и Мишель – хорошие ребятки, но не знаю, удастся ли сохранить с ними родственные отношения – они чувствуют себя французами – психология матери оказывается, несмотря на все старания Ани привить им русские качества»⁴³.

Размышляя о прожитом, К.Н. Давыдов незадолго до смерти говорил жене: «Жизнь кончается... Все так и все не так. Мы с тобой долго не сможем прожить – у нас у обоих в душе глубокая рана, мы ее заткнули пальцем, но не надолго – скоро она прорвется»⁴⁴. 21 июня 1960, через 11 дней после инсульта, Константин Николаевич скончался. Агния Юрьевна, которая была на 17 лет моложе мужа, пережила его только на четыре года.

⁴³ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 103. Л. 2-3.

⁴⁴Там же. Д. 38. Л. 283.

Ирина Хмельницкая

Правовед Е.В. Васьковский: судьба ученого в контексте политических перемен

Ирина Богдановна ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Московский государственный
университет культуры и искусств,
доцент кафедры истории, истории
культуры и музееведения,
кандидат исторических наук

Евгений Владимирович Васьковский – российский правовед, чье имя и работы были на длительное время забыты, но интерес к которым в последние годы активно возрастает. Его «Учебник гражданского процессса» (М., 1914) давно стал библиографической редкостью, однако неослабевающий профессиональный интерес к этому труду, а также к другим его научным работам стимулирует их переиздание. В наши дни готовится полное издание публикаций Е.В. Васьковского, вышедших как на русском, так и на польском языке. Подготовка подробной и точной биографии правоведа стала насущной необходимостью. И здесь мы сталкиваемся с рядом проблем.

Политические изменения – пожалуй, наиболее частый фактор, влияющий на биографию. Смена политического строя, мировые и гражданские войны, изменения государственных границ, революции – события, которые безвозвратно меняют не только биографию «обывателей», но предают

hmirina@yandex.ru

забвению судьбы людей выдающихся, оказавших влияние на развитие различных областей культуры и науки.

Известен тезис о том, что историю пишут победители. И в этом отношении судьба Евгения Владимировича Вацковского – яркий пример. Сначала революции 1905–1907 гг. и 1917 г. в России, затем политическая история независимых Польши и Литвы 1920–1940-х, – все это сыграло печальную роль в судьбе проректора Императорского Новороссийского университета, декана факультета права и общественных наук, а затем почетного профессора Университета Стефана Батория в Вильно, члена-корреспондента Польской академии знаний и члена Кодификационной комиссии Республики Польша Е.В. Вацковского. Его биография и научное наследие оказались на долгие десятилетия забытыми и вычеркнутыми из истории как Российской, так и польской цивилистики.

Биография Е.В. Вацковского 1917 достаточно хорошо изучена¹. Однако польский период его жизни практически не освещается. В российских исследованиях сведения о его жизни обрываются на 1920-х с началом эмиграции. При рассказе о дальнейшей судьбе даются отсылки на скучную информацию польского справочника о забытых польских ученых, опубликованного в 1985². Нет о Евгении Владимировиче информации в польских и литовских изданиях, посвященных истории Университета Стефана Батория (ныне – Вильнюсского университета) периода 1919–1939 годов, в которых подробно представлены избранные биографии либо польских, либо литовских ученых.

Е.В. Вацковский был поляком по происхождению³, но, уехав из Советской России, стал русским эмигрантом. Он был удостоен звания почетного профессора университета, хотя сегодня его имя в списках не значится.

В Литовском государственном архиве хранятся два его личных дела. Еще одно личное дело Вацковского хранится в Архиве новых актов (*Archivum Akt Nowych*) в Варшаве. Из документов видно, насколько сложной была процедура назначения на должность профессора университета. Приказы о назначении ординарным профессором и почетным профессором, по рассмотрении мотивированных заключений факультетом, ректоратом, Министерством по делам религий и народного просвещения, поступали на утверждение президенту Республики Польша.

Польские и литовские историки науки и правоведения сегодня заслуг Вацковского, признанных в 1920–1930-е, как будто не замечают. А в 1936 польские коллеги называли его «ценным и серьезным ученым», отмечали, что он «до

¹ См., например: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. Очерки жизни и творчества. – М., 2007. – Т. 2. – С. 297–307.

² Biogramy uczonych polskich. Cz. I: Nauki społeczne, zeszyt 3: P–Z / Pod red. A. Śródki, P. Szczawińskiego. – Wrocław: Ossolineum, 1985. – S. 484–485.

³ Польское написание имени – Ważkowski Eugeniusz Włodzimierz.

настоящего времени принимает живое участие в работе <...> при редакции нового польского гражданского процесса, морского права, особого производства и т. д.» (Франциск Боссовски)⁴. Однако в словарях польских правоведов мы имени Васьковского не находим.

Е.В. Васьковский родился 8 (21) февраля 1866 в Одессе. В 1888 окончил юридический факультет Императорского Новороссийского университета. В 1897 защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию «Организация адвокатуры», в 1901 – в Казанском университете докторскую диссертацию «Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов»⁵. Сразу по окончании университета, одновременно с написанием диссертаций, занимался юридической практикой в Одессе. В собственоручно заполненной им в 1939 анкете⁶ указано: в 1889–1894 он был помощником присяжного поверенного («аппликантом»), а в 1894–1897 – адвокатом по гражданским делам.

После защиты магистерской диссертации Васьковский обращается к научно-педагогической деятельности. С 1897 – приват-доцент, с 1904 – экстраординарный профессор по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства Императорского Новороссийского университета. С 1906 – ординарный профессор. В течение трех лет (1906–1909) – проректор по работе со студентами. Однако в 1909 по обвинению в непринятии репрессивных мер против студентов, участников в протестах, по решению суда отстранен от должности⁷.

С этого момента и начинаются пробелы в биографии Е.В. Васьковского. В анкете он сделал запись о возобновлении работы ординарным профессором в Одесском университете с 4 мая 1917 по 31 июля 1924⁸. В научной литературе встречаются иные сведения, которые мы считаем ошибочными. Так, В.А. Томсинов, написавший наиболее полную биографию Е.В. Васьковского, утверждает, что с 1921 он занимал должность профессора уже в Университете Стефана Батория в Вильно (совр. Вильнюс)⁹. Видимо, автор опирается на сведения,

⁴ Archiwum Akt Nowych (AAN). WRiOP (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego). 6427. S.86, 88.

⁵ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. – С. 301.

⁶ Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Литовский центральный государственный архив; LCVA). Личные дела Васьковского. Ф. 175 (Университета Стефана Батория). Оп. 1 (1Bd), Д. 1123. Л. 74–75.

⁷ См. подробно об этом процессе подборку вырезок из газет и публицистические материалы современников в изд.: Революционное гнездо: Из истории Новороссийского университета. – СПб.: Акад. союз студентов СПб. политехн. ин-та, 1909.

⁸ Archiwum Akt Nowych (AAN). WRiOP (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego). 6427. S.1–15.

⁹ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. – С. 306.

опубликованные в польском справочнике¹⁰. Причин, по которым Е.В. Васьковский в личной анкете в 1939 мог намеренно исказить сведения о своей работе, мы не находим.

Сведения о жизни Евгения Владимировича в Одессе после 1917 имеют-ся в официальном заключении о назначении его на должность профессора Университета Стефана Батория: «В 1917 году Временное правительство, в соответствии с постановлением Ученого Совета, восстановило его в прежней должности, в результате чего он возобновил преподавание курсов гражданского права и процесса в Университете [Новороссийском. – И.Х.], а после большевистской „университетской реформы“ университетов – в организациях заменивших. В 1918 году избран деканом юридического факультета, почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей в Одессе. Исполнял эти обязанности до ликвидации большевиками мировых судов в 1920 году»¹¹.

Решение Васьковского о переезде в Польшу, скорее всего, не было вынужденным. Выбор Польши и польского университета как места работы, думается, определялись его национальностью и знанием польского языка. Один из его коллег – Кароль Лютостанский, профессор гражданского права Варшавского университета, в октябре 1923 писал о Е.В. Васьковском: «позволю себе выдвинуть кандидатуру проф. Одесского университета Е. Васьковского, одного из лучших цивилистов, работавших ранее в России, поляка, ведущего польский дом, жаждущего вернуться в страну. Мне известно, что он стал на сторону Польши и в ближайшее время ожидается его возвращение»¹².

Евгений Владимирович указывает Университет Стефана Батория в Вильнюссо своим местом работы с 1 сентября 1924. От этой даты можно начать отсчет его «польской биографии»¹³. Этую должность Е.В. Васьковский занимал 15 лет (с 1924 по 1939), регулярно проходя переутверждения¹⁴.

В.А. Томсинов указывает, что в какой-то период Васьковский уехал в Чехословакию, где до 1928 читал лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству студентам Русского юридического факультета в Праге¹⁵.

¹⁰ Śródki A. Uczniowie Polscy XIX–XX wieku. T. IV: S–Z. – Warszawa, 1998. – S. 447.

¹¹ AAN. WRiOP. 6427. S. 3–4

¹² Ibid. S. 5. К. Лютостанский высоко отзывался о научном уровне Васьковского: «Проф. Васьковский имеет обширные знания не только в российском праве, но и во французском и вообще западноевропейском, привлечение его в Вильнюс было бы великолепным приобретением» (Ibid.)

¹³ Это косвенно подтверждается и тем, что документы о прохождении конкурса на должность ординарного профессора на II кафедру гражданского права указывают статус Васьковского на момент прохождения процедуры как «бывшего ординарного профессора Новороссийского Университета в Одессе» (Ibid. S. 1–2).

¹⁴ Личные дела Васьковского в LCAV и AAN содержат все эти документы.

¹⁵ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. – С. 307.

Однако сведениями из личных дел польского и литовского архивов эти факты не подтверждаются.

Признания своих профессиональных научных заслуг Евгений Владимирович добился очень быстро. Уже через пять лет при прохождении очередной конкурсной процедуры при переизбрании на должность профессора он получает лучшие рекомендации и высокую оценку своих работ от коллег. Внимание к его кандидатуре со стороны руководства факультета и университета заслуживает отдельной истории. Дело в том, что в 1930 Евгению Владимировичу исполнилось 64 года. Ректорат университета принял решение обратиться в Министерство по делам религии и народного просвещения с ходатайством о продлении срока пребывания его в должности до 70-летия. Министерство разрешило продлить срок контракта только на учебный год. Такая процедура повторялась каждый год, вплоть до декабря 1936, когда Е.В. Васьковский был избран почетным профессором¹⁶.

Обосновавшись в Вильно, практически сразу Евгений Владимирович начинает готовить научные и учебно-методические публикации на польском языке. Библиография его польских работ нисколько не уступает изданным на русском.

Самым известными учебными пособиями Е.В. Васьковского стали «Учебник гражданского права» (1894) и «Учебник гражданского процесса» (1914), получившие высокие отзывы правоведов и цивилистов. Так Г.Ф. Шершеневич писал: «учебник Васьковского может служить „лучшим пособием“ с педагогической стороны, изложение в нем отличается поразительною легкостью: простым и живым языком автор излагает самые трудные вопросы гражданского права, значительно облегчая тем изучающим и без того трудную задачу усвоения предмета»¹⁷.

Мнение об учебнике высказывал правовед А.А. Башмаков: «Ясность и сжатость, правильная постановка вопросов, умение отделять существенное от второстепенного и спорного, достаточная эрудиция и богатство намеков на дальнейшие нити исследования предмета – таковы главные качества этой книги... Книга г. Васьковского является ценным приобретением для нашей литературы»¹⁸.

«Учебник гражданского процесса» правовед А.А. Бугаевский в своей рецензии признавал «самым полным из существующих учебников гражданского процесса», «образцовым учебником гражданского процесса и прекрасным пособием для начинающих юристов»¹⁹.

¹⁶ AAN. WRiOP. 6427. S. 19–93. Указ о присвоении Васьковскому звания почетного профессора факультета права и общественных наук Университета Стефана Батория в Вильно был подписан Президентом Республики Польши И. Мосцицким 15 декабря 1936 (*Ibid.* S. 93).

¹⁷ Цит. по: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. – С. 299.

¹⁸ Цит. по: Там же.

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 305–306.

Польские коллеги из этих работ выделяли «Организацию адвокатуры», а также «Учебник гражданского права» и называли их «классическими работами, имеющимися на руках едва ли не каждого занимающегося указанными проблемами юриста из бывшей Российской империи»²⁰. Отмечали и личные «выдающиеся педагогические способности» Евгения Владимировича²¹.

Важное место в работах Е.В. Васьковского, как практиковавшего ранее адвоката, занимают не только проблемы цивилистики в целом, но и тема адвокатской этики, специфика профессиональной деятельности адвоката. Сам он объяснял это следующим образом: «Без преувеличения можно сказать, что ни одна профессия не представляет для нравственности занимающихся ею лиц таких соблазнов, как адвокатура. Это зависит от многих причин. Прежде всего, адвокат, по самому характеру своей деятельности, обязан вращаться в сфере, которая изобилует подводными камнями, совершенно неизвестными представителям других либеральных профессий»²².

Заслуги Е.В. Васьковского в области цивилистики и значение его работ признавались широким научным сообществом Польши. В 1938 он был избран членом-корреспондентом Польской академии знаний (историко-философского отделения)²³. В Ежегоднике Академии 1946 года, при подведении итогов по выбывшим в годы войны членам Академии, в его некрологе подчеркивалось: «Евгений Васьковский занимал выдающееся научное положение в гражданском и процессуальном праве благодаря работам, написанным на русском языке. Из них наибольшую известность получило произведение в двух томах об организации адвокатуры и обширный труд под названием „Методология цивилистики“. Работу о методологии (преподавании) он также издал на польском языке, когда стал заведующим кафедрой в Университете в Вильно. Среди русских и польских юристов получило широкое распространение составленное им собрание судебной практики российских судов. Он также является автором Курса российского судопроизводства (на русском языке) и работы о польском гражданском процессе. Из других его трудов следует, прежде всего, упомянуть обширный труд о торговом морском праве. Будучи очень талантливым юристом, он обладал огромной эрудицией»²⁴.

С 1928 Евгений Владимирович был членом Кодификационной комиссии Польши.

Тем более удивительно, что при всех заслугах и ежегодно подтверждаемом звании почетного профессора факультета права и общественных наук,

²⁰ AAN WRiOP 6427. S. 3–4.

²¹ Ibid. S. 5.

²² Цит. по: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв. – С. 300.

²³ Rocznik Polskiej Akademii Umiejętności. Rok 1939/1945. – Krakow, 1946. – S. LXXIII, 67–68.

²⁴ Ibid. S. 94. (Перевод наш.)

сегодня мы не находим этого имени в списках почетных профессоров Вильнюсского университета.

На наш взгляд, причина забвения кроется в непростой истории самого университета и в политических (и даже geopolитических) факторах, на нее влиявших. Основанный польским королем Стефаном Баторием в 1579, в начале XIX века он стал российским императорским университетом. Однако в уже 1832 был упразднен по указу Николая I. В эпоху обретения Польшей независимости (1919–1939) университет возрождается по распоряжению Юзефа Пилсудского как Университет Стефана Батория в Вильно. И именно в этот период здесь работает Е.В. Васьковский. В 1939 университет переходит под управление Литвы, в 1940 – СССР. В 1943, во время оккупации Литвы германскими войсками, он закрывается и возобновляет свою деятельность с 1944 как Вильнюсский государственный университет. После обретения Литвой независимости стал называться Вильнюсским университетом.

Научные исследования, посвященные истории университета, отражают политическую историю и национальные противоречия региона. Работы, написанные польскими историками, игнорируют вклад литовских ученых в развитие университета, и наоборот, написанные литовскими – игнорируют вклад польских ученых²⁵. А эмигранты из России и вовсе не упоминаются, как будто они здесь и не работали.

Остается пока невыясненным, когда Е.В. Васьковский переехал из Вильно в Варшаву. (Можем предположить, что в годы оккупации.) Не установлено место жительства Е.В. Васьковского в Вильно и в Варшаве, его семейное положение в те годы, круг общения, причины смерти и место захоронения.

В энциклопедии 1969 года указано, что Евгений Владимирович умер 29 мая 1942²⁶. Стоит заметить, что в 1946 точная дата его смерти еще не была известна Академии знаний, опубликовавшей в своем ежегоднике некролог²⁷. Необходимо установить источник этой информации.

²⁵ Kosman M. Uniwersytet Wileński 1578–1979 – Wrocław, 1981. – S. 56–64; Supruniuk A., Supruniuk M.A. Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie w fotografach. 1919–1939. – Toruń, 2009. – S. XXXII–XXXIV.

²⁶ Wielka Encyklopedia Powszechna PWN. T. 12. – Warszawa, 1969. – S. 145.

²⁷ Rocznik Polskiej Akademii Umiejętności. Rok 1939/1945. – S. LXXIII.

Приложение

Список опубликованных работ Е.В. Васьковского²⁸

Работы, опубликованные на русском языке (1894–1917)	Работы, опубликованные на польском языке (1924–1938)
<p>Монографии и учебники:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▶ Будущее российской адвокатуры ▶ Учебник гражданского права ▶ Принципы адвокатской этики ▶ Задачи по гражданскому праву ▶ Учебник морского торгового права ▶ Курс гражданского процесса ▶ Учебник гражданского процесса ▶ Очерк теории толкования законов ▶ Творчество новых российских судов в сфере гражданского права и процесса (к 50-летию судебной реформы) <p>Статьи в русских юридических журналах:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▶ Приобретение движимостей от владельца, не являющегося их собственником ▶ Залог чужих вещей ▶ О разборчивости при принятии дел к защите ▶ Понятие владения в русском праве ▶ Недостатки устава гражданского судопроизводства (8 статей) ▶ Юридическая конструкция находки ▶ Правовые последствия отсутствия, задачи и значение адвокатуры ▶ Реформа российской адвокатуры ▶ Давность и церковные земли ▶ О судебном усмотрении при толковании законов ▶ Правовые отношения при соавторстве ▶ Задачи и методы моральной статистики 	<p>Монографии и учебники:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▶ Система гражданского процесса ▶ Учебник гражданского процесса. ▶ Кодекс обязательств и ч. 1 т. X ч. 1 Свода законов ▶ Новые идеи в кодексе обязательств ▶ Задачи адвокатуры и адвокатской этики ▶ Теория толкования гражданского права ▶ Методология цивилистической доктрины <p>Статьи и брошюры:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▶ Независимость суда ▶ Несменяемость судей ▶ Способы назначения на судебные должности ▶ Претензия, заявление, жалоба ▶ Развитие гражданского законодательства в XIX веке ▶ Признание сторон в гражданском процессе ▶ О проекте гражданского процессуального кодекса ▶ Принципы судоустройства ▶ Принципы гражданского процесса ▶ Источники российского права, действующие на Восточных землях ▶ Жалоба, иск и право судебной защиты ▶ Профессор Габриэль Шершеневич (к 25-летию со дня смерти) ▶ Сущность процессуальных действий

²⁸ Составлен на основе данных списка опубликованных работ, имеющегося в личном деле Е.В. Васьковского (AAN. WRiOP. 6427. S. 86–87). Кроме того, использованы данные алфавитного каталога Национальной библиотеки в Варшаве. В списке намеренно опущены место и дата издания, т. к. в данном случае нашей целью является представление спектра тематики проводимых исследований. Кроме того, под редакцией Васьковского переведены труды по истории французской философии в начале XIX столетия, по вопросам соотношения социологии, антропологии и юриспруденции, спорным проблемам гражданского права. (См.: Ibid. S. 3–4).

Виктор Чебанов

Жизненный путь историка И.И. Лаппо:

Царское Село – Петербург – Юрьев – Воронеж –
Прага – Каунас – Дрезден

Виктор Дмитриевич ЧЕБАНОВ

независимый исследователь,
Санкт-Петербург

Иван Иванович Лаппо, известный российский историк, имя которого фигурирует на сайте «Великие люди России», был крупнейшим специалистом по истории Западной Руси и Великого княжества Литовского. Я не историк, и поэтому мой доклад не будет содержать анализа его научных трудов, а только ознакомление с семейным кругом, в котором ученый вырос и сформировался как личность, и краткое описание его жизненного пути, научной и педагогической деятельности и участия в общественно-политической жизни.

Иван Иванович Лаппо родился 29.08.1869 в городе Царское Село С.-Петербургской губернии в семье чиновника Канцелярии обер-прокурора Св. Синода Ивана Ивановича Лаппо (1831–1898), закончившего службу в чине действительного статского советника на должности вице-директора Канцелярии. Он был потомком старинного польско-литовского дворянского рода Лаппо герба Любич. Его первой женой и матерью его детей была

chebanov1926@yandex.ru

Мария Константиновна Лаппо, урожденная Платонова (1848–1890), отец которой Константин Платонович Платонов был казначеем и экзекутором Св. Синода, удостоенным в конце службы почетного звания статс-секретаря императора Александра II, а мать Мария Ивановна Платонова – дочерью Иоанна Виноградова, пресвитера Гатчинской придворной церкви. Старшая сестра Марии Константиновны Елена Константиновна была женой протоиерея Николая Михайловича Вирославского, священника и историографа церкви Иконы Владимирской Божией Матери на Владимирском проспекте, который был духовником Федора Михайловича Достоевского в последние годы его жизни.

У И.И. Лаппо было две сестры. Старшая из них (моя бабушка) Мария Ивановна (1865–1934) была замужем за чиновником Канцелярии обер-прокурора Св. Синода Виктором Ивановичем Яцкевичем, который последнее десятилетие перед революцией был директором этой канцелярии, а с августа 1917 в последнем составе Временного правительства занимал пост директора департамента по делам Православной церкви Министерства вероисповеданий. Младшая сестра Екатерина Ивановна (1867–1962) была замужем за Митрофаном Петровичем Журавским, занимавшим в 1910-х пост правителя Канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства.

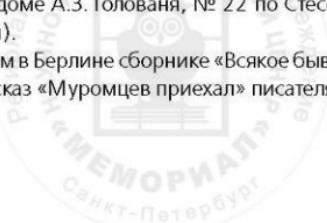
В 1870-е, как вспоминала младшая сестра И.И. Лаппо, их семья летом жила на даче в Царском Селе; бабушка водила детей гулять в царский сад, где они встречали иногда императора Александра II, который гулял там со своим черным сеттером по кличке Неро или катался на линейке.

Иван Лаппо сначала учился в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, которая располагалась на углу Малой и Набережной улиц Царского Села (теперь в этом здании помещаются студии городского дома культуры, Межшкольный центр информационной культуры «Интеллект» и сменная школа), но потом перешел в одну из петербургских гимназий, которую и окончил в 1888 году.

В том же 1888 он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1892 с дипломом первой степени и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Его учителями были профессора В.Г. Васильевский, В.И. Ламанский и С.Ф. Платонов, с которым впоследствии у него установились теплые дружеские отношения.

Иван Иванович совмещал работу над магистерской диссертацией с преподавательской деятельностью: в 1892–1897 он преподавал историю и географию в царскосельской гимназии, в которой ранее сам учился. Жил он в это время в Царском Селе в доме А.З. Голованя, № 22 по Стесселевской улице (ныне улица Красной звезды).

В 1927 в изданном в Берлине сборнике «Всякое бывало» изд-ва «Арзамас» был опубликован рассказ «Муромцев приехал» писателя Сергея Горного (псев-

доним выпускника Николаевской гимназии 1900 года Александра Оцупа), в котором содержались любопытные воспоминания об И.И. Лаппо. Привожу их с небольшими сокращениями:

Иван Иванович Лаппо, историк, готовившийся на профессора, был у нас в гимназии словно мимоходом, не резал, никому не мешал и, казалось, понимал: кто хочет, тот будет знать, кто не хочет, Бог с ним. Знал он до тонкости всяких Ягелло и Гедиминов, Ольгердов и Кейстутов.

Мы его за это, и за какую-то вкусную простоту, и за Ольгерда с Кейстутом очень любили.

Экзаменовал он Карташевского. – Скажите-ка вы мне, сказал Лаппо, что вы знаете об Александре Македонском? «У него была лошадь Буцефал...» – Что же еще вы можете сказать? «Буцефал...» – Ну, а еще что?

Карташевский стоял понуро и вбирал в себя воздух. Больше он действительно ничего не знал. Лаппо вдруг совсем оживился, точно вспомнил что-то, нашел выход:

– Скажите, вам «три» достаточно?

*И тут, как с клироса, пахнуло густой прохладной волной:
«Предостаточно».*

В 1897 Лаппо был переведен в Санкт-Петербургскую женскую Мариинскую гимназию, в которой преподавал историю; преподавал он также в Императорском Воспитательном обществе благородных девиц.

В 1901 И.И. Лаппо защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию по теме «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория», а в 1903 стал приват-доцентом университета.

В 1905 приказом Министерства народного просвещения он был назначен экстраординарным профессором Императорского Юрьевского университета, а в июне 1911 (после защиты диссертации на степень доктора русской истории) высочайшим указом по Гражданскому ведомству – ординарным профессором университета по кафедре истории России.

В 1906 Иван Иванович стал действительным членом «Общества истории и древностей российских» при Московском университете, он участвовал в Чтениях общества и публиковал в его изданиях свои научные статьи.

В 1916 И.И. Лаппо был назначен членом комиссии Министерства просвещения.

Юрьевским университетом были изданы конспекты его лекций по русской истории и по истории русской церкви, речь, посвященная 300-летию дома Романовых, отчет по проведенной им ревизии преподавания истории в средних учебных заведениях Рижского учебного округа и другие труды.

В рукописном отделе РНБ в фонде профессора С.Ф. Платонова содержатся 69 адресованных ему писем И.И. Лаппо в период с 1908 по 1918. В настоящем докладе письма приводятся с небольшими сокращениями.

В начале февраля 1918 жизнь в Юрьеве осложнилась, Иван Иванович так писал об этом С.Ф. Платонову:

06.02.1918 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Феодорович!

Уже около месяца я в Юрьеве, и хочется подать Вам весть о себе и получить известия о Вас и Архивах, с которыми сроднился.

<...> Чем дальше, тем больше чувствуешь тяжесть своей оторванности от Петрограда. <...> Знаю, что теперь в Петрограде отчаянно скверно. Неважно становится и у нас, хотя первое время по приезде можно было в Юрьеве даже отдыхать от обстановки жизни в «колыбели великой русской революции», как любят выражаться «товарищи». Улицы чистились, хлеб был, озлобленных лиц было не видно. Последние недели две изменили положение. Немцы объявлены вне закона. Масса арестов и обысков. Реквизия [так!] припасов и захват золота и денег (свыше тысячи рублей деньги отбираются). Пострадали и немцы-профессора, а по недоразумению и некоторые русские. <...> Все живем в ожидании обысков. Лицо я пока не был этим валом муты задет. По-видимому, спасала некоторая привычка ко мне местного общества как к старому профессору, поработавшему для Университета и местной школы. Но не надеюсь на то, что это защитит меня надолго. Душою отдыхаю в аудитории (читаю двойное количество лекций, возмущая осенний семестр). Студенты мои выше покваль. Как будем жить дальше, не знаю. Появление немецких касок весьма вероятно. <...>

Искренне Ваш, преданный и уважающий Вас И. Лаппо
Юрьев. Рыцарская улица, 22

Прогноз Ивана Ивановича о немецких касках вскоре оправдался: 23 февраля 1918 Юрьев был оккупирован немецкими войсками в соответствии с условиями Брестского мирного договора, подписанного большевистским правительством, и жизнь в оккупированном городе и функционирование университета очень осложнились. Об этом он так писал профессору С.Ф. Платонову:

26.04/09.05.1918

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Феодорович! <...>

Пользуюсь окazией послать Вам привет и дать о себе весть. Тяжело жить под властью завоевателей! Если выпустят, и если узнаю, что в Петрограде

можно жить, мечтаю во второй половине мая туда двинуться. Как Вы и что с архивом? Если пришлете письмо, очень обрадуете. <...>

Положение русских служащих <...> трудное. Идет явная ликвидация, а мы не имеем никаких сообщений от нашего «правительства». Пока живы.

Ваш И. Лаппо

Впоследствии, в 1928, уже будучи в Праге, И.И. Лаппо опубликовал статью, посвященную памяти протоиерея Юрьевского Успенского собора Михаила Блейве, в которой он описал трудности их совместной работы в приходе в период немецкой оккупации¹. Иван Иванович был в это время старостой Успенского собора и председателем Свято-Исидоровского братства. Привожу фрагменты этой статьи, полностью исключив из нее дореволюционный период и сделав некоторые сокращения в остальной части.

Наступил роковой 1917 год. Началась революция, «бескровная», как, словно дети, лепетали тогда слепые люди, мнившие себя политическими деятелями и даже спасителями России. Грязная действительность скоро заставила замолкнуть этот детский лепет. Скоро кровь поплыла рекою. Скоро началась беспощадная война революции с исторической и национальной Россией, со всем идеальным, благородным и высоким, что она так богато накопила в своей тысячелетней жизни. Скоро началось гонение и на Православную Церковь. <...>

Большевики – кровь, насилия и беспрসветное невежество их власти. А дальше – германская оккупация... Ее внешняя безопасность для обывательской жизни. Но ее позор для русского сознания и национального чувства. Ее систематическое удаление всего русского из местной жизни, ее стеснения в виду объявленного военного положения. «Немецкая власть это порядок» – провозгласили германские власти. Но этот «порядок» так часто превращался в каприз германского лейтенанта. <...>

Успенский собор, между тем, становился настоящим русским духовным центром в Юрьеве <...> в нем были начаты чтения по воскресеньям, после вечерни. <...> Три первых чтения были проведены мною. <...> Чтения эти собирали в храм всех, кто хотел отдохнуть под его сенью от тяжести жизни, в воспоминаниях преданий родной старины, ее величия и святынь. Чтения сопровождались пением любительского церковного хора <...>.

Но забот требовала и Свято-Исидоровская церковно-приходская школа.

Нужно было не только содержать и отапливать довольно большое новое здание, но и найти учителей для школы, не говоря уже о постоянных

¹ Машинописная копия рукописи хранится в моем личном архиве. – В.Ч.

хлопотах перед германскими властями, поначалу совершенно не признавшими за русскими права на свою особую школу. *«...»* Кроме получавшей жалованье учительницы, были найдены два бесплатных преподавателя – студент университета И.И. Лаппо и полковник Н.Н. Петров.

«...» После надругательства большевистских палачей был ими о. Михаил застрелен вместе с епископом Платоном и протоиереем эстонской православной церкви о. Николаем Бежаницким².

К июлю 1918 советское правительство договорилось с немцами об эвакуации Юрьевского университета в Воронеж. Профессор Лаппо так рассказывает о переезде из Юрьева в Воронеж:

Воронеж
Пятницкая ул., 10
28 сент. (11 окт.) 1918 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Феодорович!

Давно собирался писать Вам (в Воронеже я уже с 12/25 июля), но поначалу хлопоты по устройству на новом месте не давали возможности сесть за письмо. *«...»* Из Юрьева писал Вам не раз с озией, так как после оккупации пользоваться почтой было нельзя. *«...»*

Что Вам рассказать о себе теперь? Пережить пришлось так много, что не знаю ни с чего начать, ни что выделить из пережитого для рассказа. В Юрьеве после кануна вступления немцев (я в числе представителей интеллигенции был представлен по Университету) наступила эпоха *Ordnung*, как ее именовали сами новые военные власти. Но сколько горечи и сколько унижения в эту эпоху! Открытое гонение на все русское, в строгой системе и нескрываемом презрении.

Русский Университет был закрыт в середине мая Советом. Уничтожилась и русская школа вообще. Балтийские немцы сорвали с себя маски *«...»* и повесили на свои дома имперские германские флаги, повели в решительную борьбу со всем русским военные власти *«...»*. Отъезд в Воронеж мы ожидали при таких условиях с нетерпением и боязнью невыпуска нас немцами как заложников. *«...»* Четвертого июля, однако, споездом, присланном из России, двинулись в путь в товарных вагонах. Восемь дней пути, кажется, были лучшим временем для меня за последние месяцы. С открытой дверью вагона, на своих креслах, среди своего скарба ехали как бы своим домом. Было тесновато (16 человек) в вагоне, но не было больших забот, а к опасностям и случайностям уже была привычка. По приезде в Воронеж трудности жизни заставили не раз вспоминать дорогу (но не Юрьев!). Квартиры

² Последнее И.И. Лаппо узнал через несколько месяцев после своего отъезда из Юрьева.

нет, живем в палатах, причем «уплотнение» доведено до того, что комната полагается не меньше, чем на 2 человека. Только врачам дается лишняя комната. Цены на все растут не по дням, а по часам. Размера петроградских, по-видимому, не достигли, но высоки достаточно. Но главное зло – различные декреты, которые сыпятся, словно из рога изобилия: декрет о выселении «буржуев» без права взять с собой свое имущество, обыски и т. д. и т. п. Университет не открывался еще, но готовится к открытию. Работать крайне трудно – живем с семьей в 2 комнатах. Жена устала и похудела страшно. <...> Как переживаете Вы теперешние времена? <...> Очень обрадуете, если найдется время для нескольких строк мне. <...>

Ваш И. Лаппо

А через 3 месяца он пишет Сергею Федоровичу уже о жизни и работе в Воронеже.

Воронеж
16/29 дек. 1918 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Феодорович!

Страною узнал, что просьба моя, с которой к Вам обращался <...> (о получении охранных листов для моего имущества) встретила у вас отклик <...>. От души благодарю за это Вас и тех, кто действовал по Вашему слову. <...>

Что делается у меня в Сестрорецке, пока не знаю. <...>

Что Вам сказать о жизни в Воронеже? Увы, хорошего ничего сказать не могу. Главное здание Университета (бывший Кадетский Корпус) захвачено красноармейцами и уже обращено ими в свалочное место для нечистот. Невольно удивляешься таланту, с которым это делается, а также вкусам и привычкам этих троллюдов. Комнаты, в которых они спят, и коридоры уже через день оказались и их уборными, в буквальном смысле. Можно себе представить, что теперь через месяц после вселения в здание доблестных красноармейцев там происходит! Настроение в городе подавленное: выселение из квартир, отсутствие дров, реквизиция, расстрелы и прочие прелести современной жизни «осчастливленной» России. Знаете, мне временами становится жалко бедного Маркса. Что сказал бы он теперь о тех, кто называет себя его адептами. Но в Воронеже есть и еще новость пожалеть его. Во время октябрьских торжеств на площади III Интернационала (так теперь именуется Кадетский плац) поставили лобастый бюст с большой бородой, заявлено, что это бюст Маркса. Стоит он гордо, на эстраде, освещенной по ночам электричеством и охраняемый солдатом. Но с месяц тому назад рабочие, во время обучения их военному строю, с непочтительными возгласами свергли «дядьку» с пьедестала, обломав ему нос, а затем разбили. <...>

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо

Помимо работы в университете, весной 1919 И.И. Лаппо назначается заведующим создаваемого в губернии Губархива и проводит большую работу по его организации. В Губархиве научным сотрудником вместе с отцом работал и его сын И.И. Лаппо-младший, который учился на юридическом и историко-филологическом факультетах ВГУ.

6 октября 1919 Воронеж занимают части Донской армии белых (3-й Кубанский корпус генерала А.Г. Шкуро), но через 18 дней, 24 октября, их выбивают из города части Красной армии – кавалерийский корпус Буденного совместно с пехотой 8-й армии.

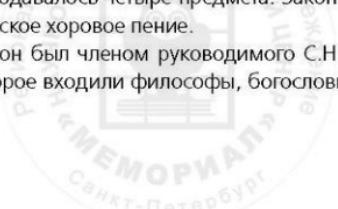
Вскоре выясняется, что из города исчез профессор Лаппо со своей семьей, женой и сыном. Доцент Воронежского университета В.П. Мякишев в 2000-х провел целое расследование обстоятельств его исчезновения и установил, что Лаппо еще 30 сентября взял отпуск у ректора по болезни и домашним обстоятельствам и направился в Ростов-на-Дону, а фактически оказалось, что он уехал совсем в другом направлении, оставил в Воронеже все свое имущество, библиотеку и личный архив. Через Украину он добрался до Черного моря, а потом оказался в Новороссийске, откуда в 1920 английский пароход вывез его с семьей в Грецию. Пожив там немного, он перебрался в Югославию; в этот период английское правительство выплачивало ученому пособие.

В декабре 1921 Лаппо уже оказывается в Праге. В это время здесь при поддержке президента Т. Масарика и правительства начинается так называемая «русская акция», в результате которой в Праге создается центр русской культуры в изгнании. В октябре 1923 здесь открывается Русский народный (свободный) университет, в котором И.И. Лаппо получает место профессора истории. Среди его коллег по университету немало известных земляков: историки А.В. Флоровский, А.А. Кизеветтер, философы С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, экономисты П.Б. Струве, П.Н. Савицкий и многие другие.

Благодаря этому институту многие русские студенты получили полноценное высшее образование. В их числе был и сын профессора Лаппо И.И. Лаппо-младший, закончивший здесь свое образование, начатое еще в Юрьевском и Воронежском университетах и занявший должность приват-доцента Русского юридического университета. Областью его научных интересов было право Великого княжества Литовского.

Профессор Лаппо участвовал в работе Русской Академической группы, Русского института и Русского исторического общества, одним из организаторов которого он был. В Праге же им была создана Русская детская школа, точнее, вечерние курсы для учащихся в нерусских школах русских и чешско-русских детей, на которых преподавалось четыре предмета: Закон Божий, русский язык, русская история и русское хоровое пение.

В это же время он был членом руководимого С.Н. Булгаковым братства Святой Софии, в которое входили философы, богословы, историки и священ-

ники: Н.А. Бердяев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, П.Б. Струве, С.Е. Трубецкой, Г.В. Федотов Г.В. Флоровский, С.Л. Франк и др.

В пражский период Лаппо издал книги по истории Западной Руси и написал много статей, но главным его делом по-прежнему было продолжение работ по истории Великого княжества Литовского.

В 1920, когда Польша оккупировала Виленский край, И.И. Лаппо составил и направил Министерству иностранных дел Литвы меморандум по этому вопросу с обоснованием нарушения прав Литвы.

В Праге он читал лекции для литовских студентов, вел переписку с литовскими коллегами, встречался с ними. В связи с десятой годовщиной литовской независимости в 1928 он выступил по чехословацкому радио и дал для газет интервью по так называемому «вильнюсскому вопросу».

Когда в СССР было сфабриковано «Академическое дело» (1929–1931), академик Е.В. Тарле в своих «собственоручных показаниях» от 19 февраля 1930, освещая связи «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» с зарубежными антисоветскими организациями, отметил, что «значительную роль среди монархистов играет профессор Лаппо, живущий в Праге, он связывает монархистов Парижа и Праги». Но зная, как рождались подобные показания, можно согласиться лишь с тем, что Лаппо был действительно монархистом, а заниматься какой-либо бесперспективной политической деятельностью он бы не стал, да у него при его занятости не было на это времени.

В декабре 1931 в Каунасском университете освободилось место профессора кафедры литовской истории, и Иван Иванович подал заявление на занятие вакантной должности. Но только в декабре 1932 Кабинет министров Литвы вынес решение о найме профессора Лаппо для научной работы – завершения сочинений по литовской истории и описанию Литовского statuta 1588 г. В 1933 он с семьей переехал в Каunas и в марте в должности приват-доцента Каунасского университета уже начал читать студентам авторские курсы по истории Литвы. Всего за семь лет он прочитал более двадцати различных курсов.

В Каунасе Лаппо закончил свой главный труд – исследование и публикацию Литовского statuta 1588 г., издав его в трех томах. Основной тезис работы Лаппо по истории Литвы состоял в том, что и после Люблинской унии 1569 года Великое княжество Литовское не лишилось самостоятельности, сохранив важнейшие инсигнии независимости – титул, печать, казну, правовой кодекс, включая Третийstatut, утвержденный Сигизмундом Вазой в 1588 и ничего не говорящий о едином государстве.

В 1938 «за заслуги перед Литвой» Лаппо был награжден орденом Гедимина III степени. Такой высокой награды до этого не удостаивался ни один зарубежный историк. А в 1939 он наконец получил долгожданное литовское гражданство.

В 1920-е – 1930-е профессор Лаппо участвовал и выступал с докладами на международных съездах и конгрессах историков: на съездах РАОЗГ (Русских академических организаций за границей) в 1929 в Белграде и в 1932 в Софии и на VII Международном конгрессе историков в 1938 в Цюрихе.

В это время И.И. Лаппо занимала еще одна тема – единство русского народа, к которому он относил и великороссов, и белорусов и малороссов. В 1926 в Ужгороде им была опубликована статья «Происхождение украинской идеологии Новейшего времени». Чтобы иметь представление о ее концепции, достаточно привести ее первую фразу: «Еще задолго до европейской войны, начавшейся в 1914 году, вниманию Европы был представлен новый, неизвестный раньше народ – „украинский“. Уже в последние десятилетия XIX века о нем настойчиво заговорила печать в Австро-Венгрии...».

Судя по появляющимся в интернете дискуссиям, эта тема и сейчас интересует некоторых историков и политиков.

В своем докладе в 2007 на конференции в Вильнюсе, посвященной 500-летию литовской философии, доктор философских наук С.В. Чебанов справедливо отметил, что изучены еще не все аспекты научной деятельности И.И. Лаппо, в частности, его нетривиальная философия истории.

В октябре 1939 Литве вернули Виленский край, а в январе 1940 гуманитарный факультет из Каунаса был перенесен в Вильнюс. Профессор Лаппо перенесся в воссозданный университет, но в Вильнюс не переехал, а поездом ездил туда читать лекции. Однако установление в Литве советской власти и вхождение ее в СССР 3 августа 1940 привели к изменениям в судьбе ученого: новое министерство просвещения перестало платить ему пособие. Немецкая оккупация тоже не улучшила его положения: хотя его дважды принимали на работу, но уже через один–два месяца увольняли под тем или иным предлогом. Известно, что весной 1942 он был еще в Литве.

А в декабре 1944 И.И. Лаппо с семьей оказался в Дрездене. Когда и каким путем они туда приехали, неизвестно, но весьма вероятно, что уходя от наступающей Советской армии. С кончиной Ивана Ивановича тоже нет полной ясности. В отечественной исторической литературе дата его смерти «23.12.1944» впервые появилась в 1965 в 8-м томе «Советской исторической энциклопедии», но откуда взялась такая точная дата? Из чудом уцелевших остатков муниципального архива сожженного Дрездена? Или же он скончался еще до бомбардировок, и сведения были кем-то получены сразу после его кончины? Что же касается версии, связывающей его смерть с налетами англо-американской авиации (впервые выдвинутой Г.В. Вернадским и дружно подхваченной нашими исследователями), то эта версия не подтверждена ни документами, ни свидетельскими показаниями. И уж никак она не увязывается с принятой датой кончины, так как, согласно монументальному исследованию британского историка Дэвида Ирвинга («Преступление века. Разрушение Дрездена»), первые и одноразовые

налеты на Дрезден были произведены 7 октября 1944 и 16 января 1945, а последующие массированные налеты начались только 13 февраля 1945. Так что эти вопросы нуждаются в дальнейших исследований, и здесь никак не уместны априорные утверждения, а допустимы лишь предположения.

Уже упоминаемый выше историк Владимир Павлович Мякишев, очень обстоятельно изучивший и научные труды и жизненный путь И.И. Лаппо и называвший его «ученым с живым чувством исторической действительности», приходит к такому выводу: «А кем был в действительности И.И. Лаппо? Только ли признанным знатоком истории Великого княжества Литовского, автором работ, удивляющих объемом включенных в них сведений, источниковедом, проанализировавшим огромный фактический материал? Он был еще человеком, судьбу которого переехала Октябрьская революция, вынужденным странником, скитавшимся по России, Греции, Югославии, Чехословакии, Литве, Германии... Сейчас бы сказали, что он был гражданином Европы. Но, как ни парадоксально это будет звучать, И.И. Лаппо был гражданином Великого княжества Литовского – и эта принадлежность объясняла весь смысл жизни ученого и большинство перипетий его биографии»³.

В заключение хочется упомянуть еще об одном обстоятельстве. С 3 августа 1940 по 22 июня 1941, т. е. 10 месяцев и 20 дней И.И. Лаппо и его семья жили в одном государстве с его родными сестрами и их семьями. К тому времени они не виделись уже 23 года. Но Иван Иванович прекрасно понимал, чем могла угрожать его родным посланная им открытка или поездка с целью розыска, и не совершил этой ошибки.

А мы, его родственники, ничего не знали ни об их судьбе, ни о месте жительства с 1918. И только в 1973 узнали – из только что вышедшего 14-го тома БСЭ.

³ Мякишев В.П. И.И. Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1, Гуманитарные науки. – 2004. – № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Алексеев

«Коротка моя память...» (Индивидуальный опыт составления семейной хроники) 3

Петр Базанов

Жители поселка Келломяки: репрессии 1939–1941 гг. 15

Екатерина Бурла

Подмосковные старожилы: «вполне советские» люди? 21

Александр Буров

Пример социального творчества первой волны русской эмиграции. Штрихи к биографии Ивана и Тамары Лаговских (По материалам парижского архива РСХД) 37

Марко Клементи

История корабля «Пенчо» и судьба его пассажиров 45

Наталья Крук

Последние шарашки – СТБ МВД в Металлострое 51

Каринэ Маранджян

Японцы, репрессированные в СССР в 1930-е годы: «коллективная биография» 64

Александр Марголис

К истории казни великих князей в Петропавловской крепости 74

Елена Рождественская

Энграммма Афгана: что предпочитают помнить ветераны Афгана и общество о погибших «афганцах» 80

Надежда Слепкова

«А места не сказали...», Анатолий Эсперович Серебряков в дневниках матери 97

Сергей Фокин	
«Что сказать Вам о себе?» Жизнь и судьба зоолога К.Н. Давыдова	109
Ирина Хмельницкая	
Правовед Е.В. Васковский: судьба ученого в контексте политических перемен.....	123
Виктор Чебанов	
Жизненный путь историка И.И. Лаппо: Царское Село – Петербург – Юрьев – Воронеж – Прага – Каунас – Дрезден	131

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Польский институт в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ **Биографика 20 века**

Одиннадцатые чтения памяти Вениамина Иофе

21–23 апреля 2013

Сборник докладов

Научный редактор: *Т. Б. Притыкина*

Обложка: *А. Ходот*

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

Издательство «Норма»: 192101, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37

Подписано в печать 27.03.2014.

Формат 60 X 90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 1141.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Тел./факс: (812) 388-90-00

e-mail: predpechat@yandex.ru

